

© ИНИОН РАН, 2011

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 Unported (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). Чтобы ознакомиться с экземпляром этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/deed.ru> или отправьте письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California, 94105, USA.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

**СБОРНИК
ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ**

**МОСКВА
2011**

ББК 63.3(2)622
Н 36

Серия
«История России»

*Центр социальных научно-информационных
исследований*

Отдел истории

Ответственный редактор –
канд. ист. наук. *М.М. Минц*

Н 36 **Начало Великой Отечественной войны: Современная историография:** Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Минц М.М. – М., 2011. – 160 с. – (Сер.: История России).
ISBN 978-5-248-00567-3

Анализируется новейшая отечественная и зарубежная литература, посвященная началу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особое внимание уделяется подготовке СССР к войне с Германией, приграничным сражениям в конце июня – начале июля, другим крупнейшим операциям летне-осенней кампании 1941 г.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

ББК 63.3(2)622

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
<i>М.М. Минц.</i> Начало Великой Отечественной войны в современной историографии. (Реферативный обзор)	9
<i>Невежин В.</i> «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х–40-х гг. (Реферат)	44
<i>Чубарьян А.О.</i> Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. (Реферат)	53
<i>Мельтюхов М.И.</i> Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (Документы, факты, суждения). (Реферат)	62
<i>Мэрфи Д.Э.</i> Что было известно Сталину: Тайна «Барбароссы». (Реферат)	70
<i>Лукач Дж.</i> Июнь 1941 года: Гитлер и Сталин. (Реферат)	81
<i>Гланц Д.М.</i> «Барбаросса»: Вторжение Гитлера в Россию, 1941. (Реферат)	90
<i>Абатуров В.В.</i> 1941: На Западном направлении. (Реферат).....	102
<i>Хазанов Д.Б.</i> Борьба за господство в воздухе. (Реферат)	109
<i>Мигарджи Дж.П.</i> Война на уничтожение: Боевые действия и геноцид на Восточном фронте, 1941. (Реферат)	118
<i>Хартман Х.</i> Вермахт в войне на востоке: Фронт и тыл, 1941–1942 гг. (Реферат)	132
<i>Брэйтвэйт Р.</i> Москва в 1941 году: Город и его жители во время войны. (Реферат)	141
Библиография	151

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трагическое начало Отечественной войны 1941–1945 гг., наверное, еще долго будет оставаться одним из самых болезненных вопросов для российской историографии. Это связано не только с колоссальными потерями, понесенными нашей страной за четыре военных года, но и с мучительным процессом переосмысления советского прошлого, начавшимся четверть века назад и продолжающимся до сих пор. В расколотом российском обществе любой спор о прошлом почти неминуемо превращается в спор о ценностях, что неудивительно, поскольку историческая память относится к числу ключевых элементов национальной идентичности. Не является исключением и память о войне. В научном сообществе дискуссии о событиях 1941 г. проходят несколько иначе, нежели за его пределами, но не становятся от этого менее острыми.

Радикальное переосмысление истории первых месяцев Отечественной войны началось еще в годы Перестройки после снятия первых цензурных запретов. В этот период наиболее оживленные дискуссии касались прежде всего секретных протоколов к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 г.; из событий 1941 г. активно обсуждались в основном причины катастрофических поражений Красной армии в первые месяцы войны, ошибки Сталина при подготовке к отражению агрессии и при организации отпора врагу в первые недели после нападения немцев, проблема его личной ответственности за неудачное для Советского Союза начало боевых действий.

В 1990-е годы ситуация в исторической науке значительно изменилась благодаря «архивной революции» (в сущности, в этот период в распоряжении исследователей оказалась качественно новая источниковая база для изучения истории Отечественной войны) и появлению новых методологических подходов (военно-историческая антропология, история повседневности), а также в связи с «незапланированной дискуссией» о целях советской внеш-

ней и военной политики в предвоенные годы, спровоцированной на шумевшей публикацией в России книг В.А. Суворова, высветивших целый ряд ранее неисследованных вопросов¹. Указанные обстоятельства сделали возможным появление многочисленных работ, посвященных истории советской внешней политики, военного строительства, стратегического планирования, пропаганды. В то же время обозначились трудности, связанные, с одной стороны, со значительным объемом вновь рассекреченных материалов, требующих осмысления, а с другой – с явной незавершенностью «архивной революции», поскольку многие важные архивные фонды так и остались на секретном хранении.

Описанные процессы продолжают и в последние годы. Возникли и новые проблемы. Половинчатый характер политических и экономических реформ 1990-х годов стал причиной того, что на рубеже тысячелетий в российских правящих кругах в очередной раз возобладали авторитарные тенденции, проявившиеся, в частности, в поощрении националистических идей. Это вылилось в то, что память о войне вновь стала разменной монетой официальной пропаганды, а «архивная революция» сменилась повторным засекречиванием ряда документов, некоторые из которых к тому моменту были уже опубликованы. С подобным изменением «госзаказа» активизировались авторы, оправдывающие политику сталинского руководства, в том числе и в предвоенный период. Кроме того, обозначился явный дефицит квалифицированных специалистов и качественных исследований по истории Отечественной войны, вследствие чего образовавшаяся лакуна в литературе начала заполняться любительскими исследованиями разного уровня и работами публицистического характера.

Серьезные изменения за последние 25 лет претерпела и зарубежная историография Отечественной войны. Открытие доступа в советские архивы, а также публикация большого количества ранее недоступных документов существенно обновили ее источниковую базу (в предшествующие годы при изучении войны на Восточном фронте зарубежные исследователи были вынуждены по преимуществу ограничиваться использованием немецких источников, что неизбежно делало полученные выводы несколько односторонними), а окончание «холодной войны» позволило преодолеть некоторые

¹ Суворов В.А. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну. – М., 1993; Его же. День – М.: Когда началась Вторая мировая война. – М., 1994.

устоявшиеся стереотипы. В то же время в последние годы наблюдается определенное снижение интереса иностранных историков к советской эпохе. Тем не менее литература по истории СССР, в том числе по истории Отечественной войны и предшествующего ей периода, пополнилась целым рядом фундаментальных работ, на которые необходимо обратить внимание.

Приближающийся печальный юбилей начала войны – хороший повод для того, чтобы в очередной раз «оглянуться назад», оценить достижения последних лет, наметить пути для дальнейших исследований. Это и стало побудительным мотивом при подготовке предлагаемого сборника. Цель авторского коллектива состояла в том, чтобы предоставить читателю сжатую, но относительно целостную картину современной историографии кануна Отечественной войны и летне-осенней кампании 1941 г. В материалах сборника дается характеристика ряда российских и иностранных монографий, вышедших в последнее десятилетие и посвященных таким проблемам, как внешняя политика Москвы в 1939–1941 гг., строительство советских вооруженных сил в этот же период, реакция сталинского руководства на ухудшение советско-германских отношений и поступающую информацию о готовящейся агрессии против СССР, боевые действия в июне–декабре 1941 г., причины неудач Красной армии.

Указанные хронологические рамки были выбраны сознательно. Первые шесть месяцев войны на Восточном фронте составили едва ли не наиболее драматичный период советско-германского противоборства, а битва под Москвой не только обозначила крах операции «Барбаросса» и стратегии блицкрига, но и, по мнению ряда исследователей, стала, наряду со вступлением в войну США и некоторыми другими событиями, началом перелома в ходе Второй мировой войны в целом¹. В то же время корни поражений РККА в начальный период войны во многом уходят в предвоенные годы, не в последнюю очередь – в период советско-германского партнерства, основанного на пакте Молотова – Риббентропа и Договоре о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., что и обусловило наш интерес к событиям 1939 – первой половины 1941 г.

¹ См. об этом подробнее: Мельтюхов М. И. Проблема периодизации истории Второй мировой войны // *Вопросы истории*. – М., 2003. – № 1. – С. 154–163. По мнению самого Мельтюхова, первый период Второй мировой войны, основным содержанием которого было расширение европейской войны до масштабов мировой, продолжался с сентября 1939 по декабрь 1941 г.

Сборник открывается общим обзором новейшей литературы по указанной проблематике. За ним следуют рефераты одиннадцати наиболее интересных отечественных и зарубежных исследований. Книга В.А. Невежина «“Если завтра в поход...”»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х–40-х гг.» посвящена истории советской военной пропаганды в предвоенный период; автор анализирует ее организацию, а также эволюцию концепций, внедрявшихся пропагандой в массовое сознание советских граждан и военнослужащих Красной армии. А.О. Чубарьян в монографии «Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 – июнь 1941 г.» рассматривает советскую внешнюю политику в период советско-германской «дружбы», раскрывает ее мотивы и результаты. Работа М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг.» представляет собой нечастую для отечественной историографии попытку комплексного анализа внешней и военной политики СССР в изучаемый период в общем контексте начавшейся Второй мировой войны. Работа советской разведки накануне гитлеровской агрессии описывается в монографии американского исследователя Д.Э. Мэрфи «Что было известно Сталину: тайна “Барбароссы”». Перу Дж.А. Лукача (США) принадлежит книга «Июнь 1941 года: Гитлер и Сталин», посвященная личным взаимоотношениям двух диктаторов. Боевые действия на советско-германском фронте в июне–декабре 1941 г. особенно подробно рассматриваются в работе Д.М. Гланца «“Барбаросса”: Вторжение Гитлера в Россию, 1941». В книге В.В. Абатурова «1941: На Западном направлении» анализируются сражения на центральном участке Восточного фронта в 1941-м и в меньшей степени – в 1942 г. Работа Д.Б. Хазанова «Борьба за господство в воздухе» посвящена действиям ВВС сторон летом–осенью 1941 г.; автор описывает воздушные бои первых недель войны, действия авиации в Киевской оборонительной операции и при отражении немецкого наступления на Ленинград, налеты Люфтваффе на Москву, показывает причины неудач советских летчиков. В монографии Дж.П. Мигарджи (США) «Война на уничтожение: боевые действия и геноцид на Восточном фронте, 1941», посвященной преступлениям оккупантов на советской территории, показано также влияние настроений, царивших в нацистском руководстве, и обстановки, складывавшейся на фронте, на отношение немцев к советским военнопленным и местному населению. Сходные задачи решает и немецкий историк Х. Хартман в своей книге «Вермахт в

войне на востоке: Фронт и тыл, 1941–1942 гг.»: на примере пяти германских дивизий он показывает, как повседневность немецких солдат и офицеров, а также институциональные особенности германской армии и обстановка на фронте и в оккупированных областях повлияли на содержание, характер и масштаб военных преступлений, совершавшихся военнослужащими Вермахта на территории СССР; в книге затрагивается и проблема ответственности немецких солдат за эти преступления. Наконец, работа английского исследователя Р.К. Брэйтвэйта «Москва в 1941 году: город и его жители во время войны» посвящена повседневной жизни москвичей в первые месяцы советско-германского противоборства.

М.М. Минц

М.М. Минц

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Реферативный обзор)

Предыстория Отечественной войны 1941–1945 гг. и история ее первых месяцев продолжают оставаться в центре внимания исследователей как в России, так и за рубежом. В предлагаемом обзоре показаны основные тенденции, подходы и точки зрения, существующие в посвященных данному периоду трудах, вышедших на русском, немецком и английском языках за последние десять лет.

В опубликованном недавно сборнике «СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941» под редакцией С.З. Случа (20) показана эволюция отечественной историографии событий 1939–1941 гг. на протяжении первого постсоветского десятилетия. Основную его часть составляют отчеты о круглых столах по этой проблематике, проводившихся в Институте славяноведения РАН (бывший Институт славяноведения и балканистики АН СССР) в 1989–1990 и 2000–2002 гг. Кроме того, в сборник включена содержательная обзорная статья Случа, посвященная отражению советской внешней политики 1939–1941 гг. в отечественной историографии периода Перестройки (1985–1991). Материалы сборника показывают, что на протяжении 1990-х годов в осмыслении событий последних предвоенных месяцев произошли значительные изменения. Тем не менее существуют и определенные трудности, препятствующие дальнейшему научному поиску. «Архивная революция» сменилась во второй половине 1990-х годов новыми ограничениями на доступ исследователей к архивным материалам. Опубликованные сборники документов, несмотря на их значимость, все же довольно фрагментарны и содержат лишь небольшую долю необходимой историкам информации. В новых условиях развитие отечественной историографии, по мнению Случа, приобрело

своеобразный экстенсивный характер: стремление «переварить» вновь введенные в научный оборот многочисленные источники приводит к определенной самоизоляции отдельных ученых друг от друга, а отечественной историографии в целом – от мировой исторической науки. В ситуации, когда целые пласты документов по-прежнему недоступны для исследователей, ряд важных вопросов предыстории Отечественной войны поневоле остается предметом догадок и домыслов; так, до сих пор не представляется возможным вскрыть механизмы формирования внешней политики сталинского руководства, поскольку доступные документы позволяют сколько-нибудь подробно исследовать лишь его дипломатическую активность и в меньшей степени – содержание донесений разведки. Изучение советской внешней политики 1939–1941 гг., заключает Слущ, еще довольно далеко от завершения.

Подбор источников для данного реферативного обзора оказался необычным занятием. Если в случае с иностранной литературой наиболее сложной задачей был ее поиск, поскольку даже в центральных библиотеках страны новейших иностранных изданий имеется крайне мало и редкая книга доступна хотя бы в двух библиотеках одновременно, то в России за последние годы появилось множество книг, посвященных началу Отечественной войны и ее предыстории. Проблема, однако, состоит в том, что значительная (если не подавляющая) их часть представлена не академическими, а любительскими исследованиями, а также публицистикой. Любительские работы, впрочем, встречаются самые разные – от не представляющих практически никакого интереса до весьма добротных, претендующих на серьезный научный уровень. В то же время приходится признать, что и среди академических изданий попадаются произведения, по содержанию больше напоминающие публицистику. О качестве каждой конкретной книги, таким образом, приходится судить исключительно по ее содержанию. С учетом перечисленных обстоятельств представляется необходимым рассмотреть помимо строго академических работ и некоторые наиболее удачные любительские исследования, в которых также можно найти немало интересной информации и любопытных наблюдений.

Тематика исследований

Центральными проблемами предыстории и начала Отечественной войны остаются советская внешняя политика и военное

строительство в предвоенный период, ход боевых действий летом – осенью 1941 г., причины неудач Красной армии в первые месяцы войны. Продолжается дискуссия о целях военных приготовлений СССР в первой половине 1941 г. («проблема превентивного удара»). Среди исследований, посвященных истории первых месяцев войны, следует выделить ряд работ, описывающих действия отдельных видов вооруженных сил и родов войск (танковые войска, авиация, флот). К числу сравнительно недавно появившихся тем относятся проблемы несобытийной истории и близкие к ним: история повседневности, представления советской политической и военной элиты о будущей войне, военно-доктринальные установки сталинского руководства, история советской пропаганды.

Одним из наиболее всесторонних исследований кануна Отечественной войны является монография М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» (14)¹. В книге рассматривается целый комплекс проблем: международные отношения в Европе в 1920–1930-е годы и назревание новой мировой войны; внешняя политика СССР в 1939–1941 гг.; военная политика Советского Союза в этот же период; советская экспансия в 1939–1940 гг.; нарастание советско-германских противоречий в 1940–1941 гг.; подготовка СССР к войне с Германией (в том числе оперативно-стратегические и мобилизационные планы, строительство вооруженных сил); соотношение сил на Восточном фронте к 22 июня 1941 г. и т.д., а также историография этих проблем.

Британский исследователь К. Беллами поставил перед собой цель написать новую обзорную работу по истории войны на Восточном фронте с учетом последних исследований и новых источников, ставших доступными в России и других бывших советских республиках в результате «архивной революции» 1990-х годов. Результатом стал объемный труд «Абсолютная война: Советская Россия во Второй мировой войне» (25), десять из двадцати глав которого посвящены событиям 1939–1941 гг.

Работа Дж.А. Лукача (США) «Июнь 1941 года: Гитлер и Сталин» (32)² посвящена прежде всего личным отношениям Сталина и Гитлера. Лукач настаивает, что оба диктатора проводили вполне рациональную и прагматичную политику, используя отвлеченные идеологические конструкции (коммунистические и нацистские) лишь как инструмент для достижения своих целей. Это, в част-

¹ См. реферат на с. 62 настоящего сборника.

² См. реферат на с. 81 настоящего сборника.

ности, сделало возможным заключение в 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа, который в тот момент рассматривался обеими сторонами как взаимовыгодное соглашение. Нападение Германии на СССР в 1941 г. также было продиктовано прагматическими мотивами: Гитлер, по мнению Лукача, стремился принудить Великобританию к миру и удержать США от вмешательства в войну, устранив с международной арены Советский Союз – их последнего потенциального союзника в Европе. Чрезмерное доверие Сталина по отношению к Германии, таким образом, едва не оказалось роковым.

Книга Дж. Робертса (Ирландский национальный университет, Корк) «Войны Сталина: от Мировой войны до Холодной войны, 1939–1953» (36) посвящена внешней и военной политике Сталина в конце 1930-х – начале 1950-х годов. Автор стремится рассмотреть изучаемые события с точки зрения самого советского диктатора, понять его мотивы и уточнить существующие в научном сообществе оценки его личности. Первые главы книги посвящены советско-германскому пакту, событиям 1939–1941 гг., началу Отечественной войны.

Л.А. Безыменский в книге «Сталин и Гитлер перед схваткой» (4), написанной на стыке нескольких жанров (монография, документальные очерки, воспоминания; в работе приводятся даже фрагменты интервью, взятых самим автором у некоторых участников описываемых событий), пытается найти ответ на наиболее болезненный вопрос: почему Сталин так и не поверил в подготовку немцев к вероломному внезапному нападению на СССР. В книге подробно анализируются различные аспекты советско-германских отношений до и особенно после пакта Молотова – Риббентропа, а также реакция советского руководства на ухудшение этих отношений и на германские военные приготовления в 1940–1941 гг.

М. Брекмейер в книге «Сталин, русские и их война» (27) попытался осветить историю Отечественной войны через призму личного отношения к ней ее участников и свидетелей. Он предупреждает читателей, что чисто батальная сторона войны в его работе едва затронута, поэтому его книгу можно рассматривать «как дополнение и, вероятно, как поправку к сложившемуся в минувшие годы представлению об этом периоде» (27, с. XI). Первая часть книги посвящена предвоенному периоду (август 1939 – 22 июня 1941 г.). Автор, в частности, пытается понять, в какой степени СССР был готов к войне, было ли германское нападение действительно неожиданным, почему наша страна была застигнута врас-

плох, какова была позиция Сталина в это время. Во второй части описываются события военных лет – от первых приграничных сражений до взятия Берлина. В третьей части «Народ и система» рассматриваются различные вопросы социальной, культурной истории, истории повседневности периода войны и последующих лет (женщины на войне, евреи на войне, ГУЛАГ, партизанское движение, методы ведения войны, жертвы войны, военное поколение и др.). В последней, четвертой, части на примере города Шадринска показана жизнь провинциального города во время и после войны.

Вопросам истории повседневности посвящена также книга Р.К. Брэйтвэйта (Великобритания) «Москва в 1941 году» (26)¹. Автор подробно описывает различные аспекты повседневной жизни москвичей на протяжении лета–осени 1941 г., в том числе проблемы снабжения, знаменитую панику 16–19 октября в связи с угрозой захвата Москвы немцами, введение осадного положения. В книге рассматриваются также налеты на столицу германских бомбардировщиков, работа советской ПВО, причины неудач Люфтваффе. Отдельно анализируется реакция населения на начало войны и события на фронте, показана трагическая судьба московского ополчения. Брэйтвэйт затрагивает и общий контекст, в котором про-исходили изучаемые процессы: ход боевых действий в летне-осеннюю кампанию 1941 г., в особенности на московском направлении, причины неудач РККА в этот период, ответственность политического руководства и лично Сталина за недостаточную подготовку страны и армии к войне, значение битвы под Москвой.

Монография американского исследователя Дж.П. Мигарджи «Война на уничтожение» (34) посвящена взаимосвязи между общей ситуацией на Восточном фронте на протяжении 1941 г. и оккупационной политикой нацистов, включая преступления против военнопленных и мирного населения. Похожие задачи решает и Х. Хартман (Германия) в своей книге «Вермахт в войне на востоке» (31), написанной на материале пяти дивизий германской армии, воевавших на территории Советского Союза в 1941–1942 гг.

К числу наиболее всесторонних работ по истории первых лет Отечественной войны среди иностранных изданий следует, по-видимому, отнести книгу Д.М. Гланца «Колосс возрожденный» (30; перевод на русский язык частей I и II – 7, части III – 6) – вторую часть трилогии, посвященной советским вооруженным силам накануне и

¹ См. реферат на с. 141 настоящего сборника.

в период Отечественной войны (первая часть – «Колосс поверженный» – вышла еще в 1998 г.). Монография посвящена наиболее напряженному периоду войны – с 22 июня 1941 по конец 1943 г., т.е. с начала германской агрессии и до окончательного перехода стратегической инициативы в руки советских войск. Автор прежде всего задается вопросом, каким образом Красной армии, которая накануне войны представляла собой «колосс на глиняных ногах», а в первые месяцы войны потерпела целый ряд сокрушительных поражений, удалось в дальнейшем возродиться вновь, подобно Фениксу, и одержать победу над Вермахтом.

Книга состоит из трех больших частей. В первой из них – «Красная армия в войне, 1941–1943 гг.» – прослеживается ход боевых действий на протяжении изучаемого автором периода и дается анализ советского военного искусства; особое внимание Глацц уделяет «забытым» сражениям, не получившим достаточно подробного освещения в историографии. Во второй части – «Войска» – детально анализируется структура Красной армии, описывается работа отдельных родов войск и служб. В третьей части – «Вожди и ведомые» – рассматриваются органы стратегического управления, офицерский корпус РККА, положение и повседневность рядового состава. Заключительная 14-я глава третьей части содержит общие выводы автора.

Д.М. Глацц выделяет несколько причин успешного возрождения красноармейского «колосса». К наиболее важным он относит постоянную модернизацию структуры РККА и постепенное накопление боевого опыта. К 1943 г. советскому командованию удалось выработать оптимальную организацию армии, позволившую максимально эффективно проводить как оборонительные, так и наступательные операции. За этот же период сформировался необходимый костяк из квалифицированных офицеров и генералов, переживших мясорубку 1941–1942 гг. и накопивших достаточный опыт руководства войсками в различных ситуациях. В книге анализируются и другие факторы, способствовавшие успехам советских войск (улучшение снабжения, развитие вооружения и военной техники, совершенствование системы стратегического управления, поставки по ленд-лизу и др.). Отмечаются также и негативные обстоятельства, объективно снижавшие эффективность действий РККА и приводившие к росту потерь (многие из этих факторов были связаны с особенностями сталинской тоталитарной системы).

В работе другого американского историка Э.Ф. Зимке «Красная армия, 1918–1941: От авангарда мировой революции до союзника США» (38) рассматривается история Красной армии от ее зарождения до начала Отечественной войны. Автор, в частности, подробно описывает процесс создания РККА, действия «красных» в Гражданской войне, эволюцию советской военной политики и разногласия между лидерами большевиков по военным вопросам в этот период, советское военное строительство в 1920–1930-е годы. Подробно рассматриваются в книге и события 1939–1941 гг. Зимке анализирует историю боев на Халхин-Голе и Зимней войны с Финляндией, сравнивает боеспособность Красной армии и Вермахта, рассматривает военные планы СССР и Германии, практические меры, предпринятые в Советском Союзе в связи с приближением войны. Положение РККА в начале Отечественной войны исследователь оценивает как безвыходное. По его мнению, об этом свидетельствуют и приграничные сражения, и командный кризис, и быстрое продвижение нацистских войск вглубь советской территории. Вступление США в войну 7 декабря 1941 г. и формирование антигитлеровской коалиции имели большое значение для победы над фашизмом. Америка и Советский Союз вступили в войну не по своей доброй воле. После того как в 1933 г. прервалось германо-советское сотрудничество, сталинская внешняя, военная, экономическая политика была основана на ожидании мировой войны, в которой капиталистические страны истощат друг друга, после чего наступит время Красной армии возглавить борьбу мирового пролетариата против капитализма и колониализма. Но гитлеровская агрессия в июне 1941 г. спутала все карты. Сталин, очень скоро поняв новый расклад сил, определил начавшуюся войну как патристическую, отечественную. Такой ее характер давал ему возможность сотрудничества с буржуазными странами. Зимке высказывает также ряд оригинальных соображений по истории Второй мировой войны в целом, например, предлагает различать мировую войну и советско-германскую, имевшие собственные ключевые компоненты. Отмечая чудовищный размер советских потерь, значительно превышающих немецкие, он делает вывод, что вопрос, кто же победил в минувшей войне, остается открытым.

Вопросы методологии

С точки зрения методологии значительная часть исследований, особенно отечественных, по-прежнему относится к чисто событийной истории – политической (история международных отношений) и военной в ее «оперативно-стратегическом» варианте (силы и планы сторон, ход и результаты боевых действий, потери). В наибольшей степени это характерно для любительских работ по военной истории. К числу несомненных новшеств относится скорее выбор новых тем для исследования, а также более тщательная увязка между собой имеющихся знаний по разным аспектам предыстории и начала Отечественной войны.

Среди относительно новых тем исследований следует отметить историю повседневности (26, 27, 31), а также эволюцию представлений советской политической и военной элиты о будущей войне и взаимосвязи этих представлений с практической деятельностью советского военно-политического руководства по подготовке к будущей войне, с боевой и оперативной подготовкой Красной армии (2). К последнему вопросу примыкает и история советской пропаганды, изучение которой позволяет, помимо всего прочего, проследить военно-доктринальные взгляды советских лидеров и их оценки складывающейся международной обстановки через те идеологические концепции, которые продвигались официальной пропагандой в разные периоды (14, с. 314–340; 15).

Хорошим примером комплексного подхода к изучаемым проблемам является книга М.И. Мельтюхова (14), в которой анализ военной политики Советского Союза тщательно увязывается с анализом его внешней политики и общим контекстом начавшейся Второй мировой войны. Подобный подход, к сожалению, остается редкостью в отечественной историографии, чаще по-прежнему встречаются исследования, целиком посвященные либо внешнеполитической, либо военной проблематике.

Естественно, что работы по истории Отечественной войны, написанные в нашей стране, неизбежно показывают изучаемые события преимущественно с советской точки зрения, тогда как в публикациях германских историков, соответственно, содержится немецкий взгляд на минувшую войну. Исследователи из третьих стран, казалось бы, находятся в лучшем положении и имеют больше возможностей для того, чтобы создать целостный образ войны на Восточном фронте с позиций стороннего наблюдателя. Тем не менее,

как отмечает Э. Модсли (Университет Глазго, Шотландия) в своей книге «Гром на востоке: Нацистско-советская война, 1941–1945» (33), значительная часть зарубежных работ по истории Отечественной войны написана в основном на базе документов одной из сторон и, соответственно, также воспроизводит либо немецкую, либо советскую точку зрения на изучаемые события. Сам Модсли в своем исследовании пытается не только переосмыслить историю советско-германского противоборства и его место в истории Второй мировой войны в целом, воспользовавшись плодами «архивной революции» в постсоветской России, но и преодолеть хотя бы частично (Модсли и сам использует в основном советские источники) описанное разделение западной историографии на «советскую» и «германскую» школы.

Эту непростую задачу в основном удастся решить К. Беллами, который в своей работе (25) действительно рассматривает советско-германскую войну преимущественно с точки зрения третьей стороны. В книге в основном анализируется событийная история: ход боевых действий и их результаты, дипломатия, в меньшей степени – действия разведки и партизан. Подробно рассматриваются также вопросы логистики, в том числе ее влияние на исход отдельных операций и кампаний. Из несобытийной проблематики автор затрагивает лишь вопрос о роли женщин в Отечественной войне. Любопытную особенность исследования составляет стремление Беллами рассматривать изучаемые события в более широком историческом контексте – не только Второй мировой войны в целом, но и в общем контексте мировой истории войн; по ходу повествования автор довольно часто сопоставляет отдельные события и процессы с аналогичными примерами из предшествующих и более поздних войн и военных конфликтов, вплоть до современных.

Внешняя политика СССР в предвоенный период

Наиболее подробно советская внешняя политика 1939–1941 гг. рассматривается в монографии А.О. Чубарьяна «Канун трагедии» (24)¹. На протяжении 15 глав автор анализирует историю советско-германского партнерства 1939–1941 гг., присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, советско-финского конфликта, нараста-

¹ См. реферат на с. 53 настоящего сборника.

ния советско-германских противоречий в 1940–1941 гг. Работу отличают скрупулезный анализ доступных источников, тщательный разбор сложнейших дипломатических игр и маневров, комплексный подход к изучаемой проблеме, внимательное рассмотрение самых разных, порой противоречивых факторов, оказывавших влияние на описываемые события. К несомненным достоинствам книги относится и личная исследовательская позиция Чубарьяна – особенно если учесть усилившуюся в последние годы активность ряда авторов, стремящихся оправдать такие шаги Советского Союза, как пакт Молотова – Риббентропа и последующая «добровольно-принудительная» аннексия Прибалтики, которые якобы были вынужденными мерами, призванными отсрочить вовлечение СССР в большую войну, укрепить безопасность советских границ и т.п. В противовес этим идеям Чубарьян последовательно обосновывает аморальность действий советского руководства, посчитавшего себя вправе решать судьбы соседних народов и государств, игнорируя их собственную позицию и интересы. Нельзя не отметить и исключительно терпимое отношение автора к своим оппонентам. Хотя Чубарьян отвергает гипотезу о том, что СССР весной–летом 1941 г. готовился к нападению на Германию, все его критические замечания в адрес сторонников этой теории в высшей степени корректны и выдержанны.

Л.А. Безыменский (4) также не склонен оправдывать политику Сталина. Хотя он и считает, что советский диктатор действительно боялся войны и стремился оттянуть ее начало, заключение договора с Германией в 1939 г. и тем более секретного протокола о разделе Восточной Европы, по его мнению, нельзя считать вынужденной мерой: напротив, в сложившейся тогда обстановке Сталин вполне осознанно выбрал сближение с Германией как наиболее выгодное для себя решение.

О.В. Вишлѐв, анализируя в книге «Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки» (5) советско-германские отношения в 1939–1941 гг., напротив, пытается защитить сталинское руководство от той критики, которой оно подвергается в последние годы. Он пытается доказать, к примеру, что заключение пакта Молотова – Риббентропа было мотивировано заботой об обеспечении безопасности Советского Союза в условиях назревающей мировой войны, а сам по себе пакт (включая секретный протокол) не представляет собой ничего предосудительного, поскольку не содержит явных обязательств сторон осуществить агрессию против Польши или

прибалтийских государств и в принципе не является чем-то новым для дипломатической практики того времени. В противовес авторам, критикующим излишне доброжелательную позицию СССР по отношению к Германии в 1939–1941 гг., Вишлёв подчеркивает сложный, конфликтный характер советско-германских отношений. То, что в мае–июне 1941 г. Сталин упорно отказывался приводить войска западных военных округов в боевую готовность, автор объясняет его уверенностью в возможности оттянуть начало войны с Германией. В крайне неопределенной международной обстановке тех недель, утверждает Вишлёв, «вождь» оказался в безвыходном положении, практически исключавшем возможность выработки сколько-нибудь адекватных решений. Поскольку в книге активно используются документы из германских архивов, наибольший интерес представляют первые две главы, иллюстрирующие взгляд на ситуацию 1939–1941 гг. с противоположной стороны будущего фронта. В первой главе «Перед нашествием», в частности, подробно рассматриваются оценки нацистами советского государства и Красной армии. Во второй главе описана дезинформационная кампания, организованная советской стороной в мае–июне 1941 г. и весьма напоминавшая мероприятия, проводившиеся немцами, чтобы скрыть подготовку к нападению на Советский Союз.

Схожие идеи развивает и А.С. Орлов в книге «Сталин: в преддверии войны» (16). Основным предметом его исследования являются международные отношения в период между двумя мировыми войнами. Орлов утверждает, что СССР в эти годы проводил сугубо миролюбивую политику. Западные же страны (главным образом, Англия и Франция), уклоняясь от предложений советского правительства о создании системы коллективной безопасности в Европе, всячески потворствовали обиженной Версальским договором Германии, помогая ей поднимать свою промышленность и вооружаться. Когда вследствие этого Германия достаточно окрепла и стала представлять серьезную угрозу всей Европе, Англия и Франция, пытаясь умиротворить Гитлера, шли на всяческие уступки, чтобы отодвинуть войну от себя и направить германскую экспансию на восток, так как большевизма боялись больше, чем нацизма. Сталин же, в представлении автора, напротив, понимал всю угрозу гитлеризма и пытался избежать войны или хотя бы отодвинуть ее начало, чтобы подготовить к ней советские вооруженные силы и промышленность. Именно с этой целью 23 августа 1939 г. был заключен с Германией Пакт о ненападении.

В диссертации А.Л. Сафразьяна (18), основанной на широкой документальной базе (документы РГАСПИ, ГАРФ, АВП РФ, документальные публикации, советская и зарубежная пресса 1930-х годов, мемуаристика – советская и немецкая), рассматривается влияние коммунистической идеологии на внешнюю политику Сталина в 1930-х – начале 1940-х годов, прежде всего на советско-германские отношения в 1939–1941 гг. Автор не согласен с представлением о Сталине и Гитлере как о прагматичных политиках и настаивает, что внешняя политика как СССР, так и Третьего рейха была идеологически детерминирована. Это не исключало прагматические решения, наиболее значительным из которых был советско-германский пакт 1939 г., представлявший собою геополитический компромисс между советским и германским экспансионизмом. Однако именно несовместимость этого компромисса как с нацистской, так и с советской идеологией предопределила его непрочность и недолговечность. В то же время упрощенные «классовые» интерпретации нацизма в Советском Союзе, основанные на марксистской доктрине в ее сталинском варианте, не позволили советскому руководству оценить степень влияния идеологии на внешнюю политику Берлина. Следствием этого были недооценка военной опасности со стороны Рейха и неудача переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. По мнению автора, советская сторона оказалась неготовой к предложениям немцев о новом разделе сфер влияния. Отвергнув эти предложения, вместо того чтобы втянуть германскую дипломатию в их обсуждение, СССР упустил наиболее серьезную возможность отсрочить войну с Германией, убедив Гитлера в невозможности дальнейшего мирного сосуществования двух тоталитарных режимов.

В.Н. Свищев в своей монографии «Начало Великой Отечественной войны» настаивает, что СССР в 1930-е годы проводил мирную политику, предлагая европейским государствам разработать систему коллективной безопасности, однако не находил у них отклика. Тем временем к власти в Германии пришел Гитлер, и угроза войны резко возросла. Как считает исследователь, сам по себе договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. был необходим обоим государствам. Что же касается секретных протоколов, то II Съезд народных депутатов СССР уже осудил их заключение, признав их юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Однако в 1939 г. «они существовали и координировали действия правительств СССР и Германии на международной арене» (19, т. 1, с. 254).

Германия получала свободу для реализации своих агрессивных планов, тогда как Советскому Союзу пакт позволял выиграть время для укрепления своей обороноспособности.

Вопросы советской внешней политики затрагивает и М.И. Мельтюхов (14). Он настаивает, что в 1920-е – начале 1940-х годов СССР фактически проводил экспансионистскую политику, прикрываясь лозунгом о «мировой революции». Заключение договора с Германией в 1939 г. не было связано со стремлением укрепить безопасность советских границ; Сталин просто посчитал условия, предложенные Гитлером, более выгодными по сравнению с тем, что могли предложить Великобритания и Франция. С лета 1940 г. в советско-германских отношениях стали нарастать противоречия, а после берлинских переговоров в ноябре того же года, показавших невозможность нового взаимовыгодного компромисса, стороны развернули непосредственную подготовку к войне.

Подготовка Советского Союза к войне

Наиболее подробно и всесторонне подготовка СССР к войне с Германией также описывается в работе М.И. Мельтюхова: на протяжении нескольких очерков (глав) он рассматривает строительство советских вооруженных сил в конце 1930-х – начале 1940-х годов, советское оперативно-стратегическое планирование в 1939–1941 гг., деятельность советской разведки накануне германского нападения и т.д. (14, с. 221–340).

Ряд других публикаций, российских и зарубежных, посвящен отдельным вопросам советской военной политики. Так, Д.Э. Мэрфи (США) в своей книге «Что было известно Сталину: тайна “Барбароссы”» (35)¹ анализирует работу советской разведки накануне Отечественной войны и реакцию политического руководства на ее донесения. Он приходит к выводу, что Сталин фактически видел лишь то, что хотел увидеть, да и его подчиненные показывали ему по большей части лишь то, что он хотел увидеть. В результате, хотя информация о военных приготовлениях нацистов поступала в Москву в достаточном количестве, Сталин по-прежнему был уверен, что Гитлер не станет нападать на СССР в 1941 г.

Сходные идеи развивает и Л.А. Безыменский (4). Главной причиной уверенности Сталина в том, что войны удастся избежать,

¹ См. реферат на с. 70 настоящего сборника.

он считает то обстоятельство, что советский диктатор в созданной им же самим тоталитарной системе неизбежно оказался в своеобразном информационном вакууме и жил в своем мире, имевшем мало общего с реальностью, что лишало его возможности адекватно реагировать на возникающие вызовы.

К. Беллами, анализируя события, предшествовавшие началу Отечественной войны, также приходит к выводу, что с советской стороны имела место не столько ошибка разведки, сколько неверная политическая интерпретация ее донесений. Об ошибках разведки можно говорить скорее применительно к Германии, поскольку немцы явно недооценили своего будущего противника (как и японцы перед нападением на США). Таким образом, нападение Третьего рейха на СССР не было по-настоящему внезапным ни на тактическом, ни на стратегическом уровне. Скорее можно говорить об институциональной внезапности, поскольку советские войска к 22 июня 1941 г. еще не завершили запланированные мероприятия по перевооружению и реорганизации, завершить которые планировалось примерно к 1942 г. (25, с. 161).

М.И. Мельтюхов, напротив, приходит к выводу, что поступавшие в Москву сведения о германских военных приготовлениях были довольно фрагментарны и, вопреки распространенным представлениям, допускали различную интерпретацию. «Германским и советским спецслужбам, – заключает он, – лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие» (14, с. 244).

В работах Д.Б. Лошкова (12, 13) анализируются основные тенденции в подготовке командных кадров РККА среднего звена в 1939 – первой половине 1941 г. Автор рассматривает, в частности, состояние командного состава Красной армии накануне войны, последствия репрессий в вооруженных силах, систему подготовки командных кадров, эволюцию военной пропаганды, в том числе после выступлений Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий.

Книга Н. Шорта (Министерство обороны Великобритании) ««Линия Сталина» и «линия Молотова»: Советские укрепления на западной границе 1928–1941 гг.» (37) посвящена истории советских приграничных укреплений, построенных на Западном театре военных действий в конце 1920-х – начале 1940-х годов и получивших в современной литературе условные наименования «линия Сталина» (укрепленные районы на старой границе, построенные в 1928–1939 гг.) и «линия Молотова» (укрепленные районы, строив-

шиеся в 1940 – первой половине 1941 г. на новой границе). В довоенных советских стратегических планах этим оборонительным сооружениям отводилась немаловажная роль, поскольку под их прикрытием предполагалось производить от мобилизацию главных сил Красной армии и их развертывание для перехода в контрнаступление. На деле летом 1941 г. ситуация сложилась иначе, и обе линии укрепрайонов, вопреки довоенным расчетам, были достаточно быстро прорваны германскими войсками.

Наиболее подробно Шорт описывает устройство советских приграничных укреплений, ход их строительства, типы огневых сооружений. Сама идея построить вдоль границы линию укрепленных районов, по мнению автора, восходит, с одной стороны, к работам российской военной мысли начала XX в. и, с другой стороны, к опыту Гражданской войны. Перед Первой мировой войной Россия довольно активно развивала систему приграничных крепостей, которые, однако, в условиях начавшихся боевых действий оказались неэффективными. Позднее, во время Гражданской войны, советская сторона практиковала на разных участках фронта строительство укрепленных районов, правда, с использованием только полевых укреплений. В 1920-е годы было решено построить вдоль западных границ систему более мощных укрепленных районов (УР) с долговременными фортификационными сооружениями. Первые четыре из них появились в 1928–1930 гг., в 1930–1932 гг. их дополнили еще девять. Другие девять были построены в 1938–1939 гг. в связи с нарастанием военной угрозы со стороны Германии. Заключение пакта Молотова – Риббентропа привело к тому, что в 1939–1940 гг. западная граница СССР переместилась еще дальше на запад, причем Третий рейх стал непосредственным соседом Советского Союза. В этих условиях в 1940 г. было решено построить вдоль новой границы новую линию укрепленных районов; к 22 июня 1941 г. эта работа была еще далека от завершения.

Отдельная глава книги Шорта посвящена судьбе «линии Сталина» и «линии Молотова» в первые недели Отечественной войны. К началу нацистской агрессии укрепления на новой границе были еще не достроены; к тому же, их сооружение велось практически на виду у будущего противника. Сыграла свою роль и тактическая внезапность. Как следствие, «линия Молотова» была довольно быстро прорвана частями Вермахта, хотя на отдельных участках советские войска все же успели своевременно занять оборонительные сооружения и оказали упорное сопротивление аг-

рессору. «Линия Сталина», вопреки распространенному мнению, в 1940–1941 гг. не подверглась разрушению, но огневые точки были в основном разоружены и законсервированы. Вновь привести их в боевую готовность и занять войсками в условиях начавшейся войны советской стороне уже не удалось.

Исследование В.А. Арцыбашева (2, 3) посвящено представлениям командного состава Красной армии (главным образом, старшего и высшего) о начальном периоде будущей войны, их эволюции на протяжении межвоенного периода и реализации в практической деятельности военного ведомства (разработка нормативных документов, организация военных игр, учений и маневров, оперативно-стратегическое планирование). Автор, таким образом, стремится исследовать несобытийную основу советского военного строительства. Он затрагивает также вопрос об адекватности существовавших представлений о начальном периоде войны и их влиянии на исход боевых действий РККА в июне–июле 1941 г. Арцыбашев приходит к выводу, что советское военно-политическое руководство, по-видимому, так и не отказалось полностью от уже устаревшей к тому времени концепции «вползания в войну», вследствие чего Красная армия оказалась не готовой к отражению внезапного нападения немцев, в котором сразу же приняли участие главные силы Вермахта, заранее отмобилизованные и развернутые на советской границе.

Монография В.А. Невежина «Если завтра в поход...» (15) посвящена деятельности советских пропагандистских органов в 1930-е – начале 1940-х годов¹.

Планировал ли Сталин нападение на Германию?

Предметом оживленных дискуссий остаются цели советских военных приготовлений в первой половине 1941 г. Поскольку многие важные документы по данному вопросу до сих пор остаются засекреченными, историкам поневоле приходится сосредоточить основные усилия на осмыслении источников, уже введенных в научный оборот, прежде всего документов, рассекреченных в период «архивной революции» 1990-х годов, а также на анализе советской военной политики в комплексе с другими проблемами кануна Отечественной войны. Среди авторов, не согласных с тем, что Советский

¹ См. реферат на с. 44 настоящего сборника.

Союз планировал нападение на Германию, – В.А. Арцыбашев (2), Л.А. Безыменский (4), О.В. Вишлев (5), А.С. Орлов (16), В.А. Рунов (17), А.О. Чубарьян (24), Д.Э. Мэрфи (35).

По мнению А.С. Орлова, СССР в 1939–1941 гг. агрессивной войны против Германии не готовил, а известный проект стратегического плана от 15 мая 1941 г. не был утвержден Сталиным, т.е. появление этого документа свидетельствует лишь о том, что его авторы предлагали осуществить в целях самообороны «упреждающий удар (а не превентивный) по изготавившейся к нападению на нашу страну гитлеровской армии вторжения. Цель такого удара (в отличие от превентивного) – не разгромить Германию, а сорвать подготавливаемое противником наступление» (16, с. 391). Да и в любом случае «нанести крупное поражение Вермахту теми силами, которые находились в приграничных округах, при той степени боеготовности, которую они имели, не представлялось возможным» (16, с. 392–393). Автор объясняет это тем, что СССР готовился к войне, основываясь на устаревших стратегических концепциях, тогда как новые методы развязывания и ведения войны в 1930-е годы освоила только Германия. Как следствие, «наш план предусматривал в течение 10–15 суток, а то и 25–30 суток вести активную оборону, давая время на всеобщую мобилизацию. Время, которого противник не давал. Да к тому же этот вид боевых действий почти не отрабатывался, все внимание уделялось второму этапу – наступлению на противника» (16, с. 394).

Л.А. Безыменский (4) также отвергает гипотезу о подготовке СССР к нападению на Германию: по его мнению, Советский Союз был не готов к войне и Сталин не мог этого не знать. В.А. Рунов одним из доказательств сугубо оборонительных намерений СССР считает строительство укрепленных районов («линия Молотова») на новой государственной границе (17, с. 21).

Проведенный М.И. Мельтюховым анализ опубликованных к настоящему моменту советских стратегических и оперативных планов 1940–1941 гг. (14, с. 281–313), напротив, показывает, что все они с самого начала были выдержаны в наступательном духе и рассчитаны не столько на отражение агрессии, сколько на начало войны по инициативе СССР. В наибольшей степени это относится к плану от 15 мая 1941 г. Начавшееся весной 1941 г. скрытное развертывание советских войск на Западном театре подтверждает, что этот план был утвержден Сталиным и введен в действие. В то же время анализ ряда материалов, преимущественно пропагандистского

характера, иллюстрирующих общее настроение советских руководителей накануне войны, показывает, что в Кремле не испытывали страха перед военной мощью Германии и были вполне уверены в боевых возможностях Красной армии (см. 14, с. 314–340).

Следует также учитывать, что, как показывает в своей диссертации В.А. Арцыбашев, советские стратегические планы вплоть до марта 1941 г. включительно строились на основе концепции «вползания в войну» и на начальный период войны предусматривали оборонительные действия войск прикрытия с опорой на укрепленные районы. Только майский стратегический план 1941 г. предполагал вторжение на территорию противника главных сил Красной армии, скрытно отобилизованных и развернутых на границе еще в мирное время (2, гл. III). Таким образом, само по себе строительство «линии Молотова» еще не означает, что в Москве не планировали нападения на нацистский Рейх.

Полемику по вопросу о целях военных приготовлений советского руководства в 1939–1941 гг. затрагивает в своей книге и К. Беллами (25), тем более что с В.А. Суворовым он знаком лично. Анализируя концепцию Суворова в свете последних исследований и с учетом вновь рассекреченных документов (в первую очередь, разумеется, советских стратегических планов 1940–1941 гг., которые были еще секретными в то время, когда писался «Ледокол»), Беллами в принципе соглашается с тем, что интенсивная подготовка Советского Союза к наступательной войне подтверждается целым рядом косвенных доказательств, как и с тем, что началом тайной мобилизации в СССР необходимо признать принятие 1 сентября 1939 г. закона о всеобщей воинской повинности, позволившего Сталину резко увеличить численность Красной армии. Он настаивает также, что майский проект стратегического плана 1941 г. был составлен в Генеральном штабе по поручению Сталина и частично введен в действие в мае–июне 1941 г. Тем не менее в целом автор склоняется к значительно менее радикальной интерпретации событий 1939–1941 гг., нежели Суворов, предполагая, что нападать на Германию Сталин в 1941 г. все же не собирался, поскольку не мог не осознавать, что Красная армия к такой войне не готова. Если Сталин, заключая в августе 1939 г. договор с Германией, и рассчитывал на то, что война между Третьим рейхом и западными демократиями приведет к их взаимному истощению и тем самым создаст необходимые предпосылки для советского вторжения в Европу (как предполагал Суворов), то после поражения Франции в 1940 г.

эти надежды явно рухнули. Таким образом, заключает Беллами, можно предположить, что на 1942 г. Сталин действительно планировал нападение на Германию и в уже упоминавшейся записке Жукова и Тимошенко от 15 мая 1941 г. содержался предварительный замысел такой операции, но в 1941 г. генсек должен был, по возможности, оставаться вне войны, к чему он, по мнению автора, и стремился в действительности. Правда, в книге допускается (исключительно на уровне непроверенной гипотезы) и такое предположение, что 21–22 июня 1941 г. советское командование все же попыталось реализовать именно майский стратегический план, несмотря на совершенно неподходящую для этого обстановку, из-за того, что альтернативного плана на случай германской агрессии просто не существовало.

По мнению Дж. Лукача (32), Сталин рассчитывал воспользоваться начавшейся войной в Европе для дальнейшего расширения территории СССР, однако стремился сохранять нейтралитет как можно дольше, предполагая, что время работает на него.

В связи с вопросом о целях советских военных приготовлений первой половины 1941 г. продолжает обсуждаться и проблема применения термина «превентивная война». Дискуссия по данному вопросу осложняется неопределенностью самого этого понятия, а также тем, что тезис о превентивной войне против СССР в свое время активно использовался гитлеровской пропагандой; как следствие, многие авторы по сей день обвиняют В.А. Суворова в попытках оправдать нацистскую агрессию против нашей страны, тогда как на самом деле автор «Ледокола» скорее обвиняет сталинское руководство в том, что оно своей экспансионистской политикой спровоцировало нападение немцев и таким образом несет свою долю ответственности за трагедию 1941–1945 гг. Кроме того, с появлением в открытой печати советских стратегических планов, особенно майского плана 1941 г., возник вопрос о применимости термина «превентивная война» к действиям самого СССР.

Одно из возможных решений описанной проблемы предлагает М.И. Мельтюхов: нацистская агрессия против Советского Союза не может считаться превентивной войной, а советские военные приготовления в первой половине 1941 г. – подготовкой к упреждающему удару с целью сорвать германское вторжение, поскольку в Берлине не ожидали нападения со стороны СССР в 1941 г., равно как и в Москве не опасались нападения немцев в ближайшие месяцы (14, с. 379).

Ряд авторов предлагают разграничить такие понятия, как превентивный удар и упреждающий удар. В наиболее завершенном виде этот подход представлен в монографии К. Беллами. Под *упреждающей войной* (pre-emptive war) он понимает «действия, направленные на упреждение или отражение „близкой и губительной“ угрозы», тогда как под *превентивной войной* (preventive war) – «действия, направленные на то, чтобы предупредить материализацию еще не существующей угрозы» (25, с. 102; как пример превентивной войны Беллами приводит вторжение американцев в Ирак в 2003 г.). При этом в книге подчеркивается, что если упреждающая война «имеет почтенную родословную в международном праве», то к превентивной войне оно «менее благосклонно» (25, с. 102). Таким образом, нападение Германии на СССР не может считаться упреждающим ударом, поскольку нацистское руководство не ожидало в 1941 г. нападения со стороны Советского Союза. Советский стратегический план от 15 мая 1941 г. также не может считаться планом упреждающего удара, поскольку Сталин был уверен, что Гитлер не станет нападать на СССР, пока продолжается война между Германией и Великобританией. В то же время понятие превентивной войны вполне применимо к действиям как гитлеровского, так и сталинского руководства. Подобный подход позволяет не только преодолеть терминологическую путаницу, но и разрешить этические коллизии, возникающие при обсуждении «проблемы превентивного удара», поскольку превентивная война в том смысле, какой вкладывает в это понятие Беллами, с точки зрения международного права является акцией по меньшей мере сомнительной и, следовательно, не может считаться оправданием нацистской агрессии против СССР.

Боевые действия летом – осенью 1941 г.

Наиболее подробно боевые действия в летне-осеннюю кампанию 1941 г. описываются в книге Д.М. Гланца «Барбаросса» (29)¹. В своей работе он стремится прежде всего прояснить причины поражений советских войск в июне–ноябре и провала операции «Барбаросса» в ноябре–декабре 1941 г. Гланц рассматривает советские и германские стратегические планы перед войной (совсем кратко), состояние Красной армии накануне германской агрессии, основные

¹ См. реферат на с. 90 настоящего сборника.

операции и сражения на Восточном фронте с июня по декабрь 1941 г.

В книге Э. Модсли (33) дается краткий военно-исторический обзор основных операций и сражений на Восточном фронте в 1941–1945 гг.; монография разделена на две части, посвященные соответственно периодам успехов Вермахта (1941–1942) и Красной армии (1942–1945). Особое место в ней занимают многочисленные разделы, в которых автор подробнейшим образом анализирует причины успехов и неудач обеих враждующих сторон в тех или иных операциях и кампаниях. Основными причинами победы СССР (и антигитлеровской коалиции в целом) во Второй мировой войне Модсли считает превосходство союзников в людских резервах, численный перевес их армий над Вермахтом, а также их более мощную и эффективную экономику. Стратегическое руководство у союзников, по его мнению, также было эффективнее, чем в странах Оси, несмотря на несомненные достоинства Вермахта на тактическом и оперативном уровнях. В то же время относительная стабильность как нацистского, так и сталинского режимов и сопоставимо высокий боевой дух обеих воюющих армий обусловили затяжной характер войны. Крайне важным автор считает и то обстоятельство, что со стороны нацистской Германии война против Советского Союза носила ярко выраженный идеологический характер, и это во многом предопределило ее исход. Особенности нацистской идеологии была, в частности, обусловлена явная недооценка «расово неполноценного» противника, на которой был основан план «Барбаросса». Идеологически мотивированной была и концепция «войны на уничтожение», которая привела к тому, что поддержка немцев местным населением в годы войны была значительно ниже, чем можно было бы ожидать. Репрессии в РККА в 1937–1938 гг. автор не относит к причинам катастрофы 1941 г.; неудачи Красной армии в этот период были, по его мнению, обусловлены другими факторами (например, уверенностью Сталина в том, что Гитлер не решится воевать на два фронта).

Приграничным сражениям в июне-июле 1941 г. посвящен второй том монографии В.Н. Свищева «Начало Великой Отечественной войны» (19). Автор последовательно и в деталях описывает бои на всех пяти фронтах. Вопреки утверждениям об успешных действиях советского флота в начале войны в книге показаны его неудачи (особенно при обороне Либава) и значительные потери. Особенно подробно рассматриваются события на Западном фронте,

специальный параграф посвящен обороне Брестской крепости. В первом томе своей работы Свищев выделяет несколько основных ошибок Сталина, обусловивших неудачное для Красной армии начало войны с Германией: неверный прогноз направления главного удара немцев (предполагалось, что он будет нанесен на юго-западе); уверенность в том, что войну удастся оттянуть до 1942 г.; неготовность к тому, что нападение будет внезапным, без объявления войны. Кроме того, не учитывался должным образом опыт начавшихся боевых действий в Европе в 1939–1940 гг., и напротив, как утверждает автор, повторяя слова Жукова, был «слишком канонизирован опыт первой мировой войны» (19, т. 1, с. 421). «Большим просчетом и недостатком планов прикрытия границы, – продолжает он, – явилось то, что они не обеспечивали дивизиям первого эшелона занятие назначенных им оборонительных позиций у границы при внезапном нападении врага. Враг практически беспрепятственно пересек границу и захватил почти все укрепленные районы, с таким трудом создаваемые на народные деньги. Дивизии первых эшелонов, получив приказы, после быстрых сборов, часто без артиллерии, двинулись к границе и вступали в бой разрозненно в случайных местах» (19, т. 1, с. 424). Причинами катастрофы Западного фронта, по мнению Свищева, являлись: «внезапное нападение врага; плохая работа средств связи; нерациональное построение войск фронта; малая активность авиации; неэффективное боевое применение мощных бронетанковых войск; отсутствие в войсках зенитной артиллерии, вызванной на сбор в район 115 км восточнее Минска, откуда [она] не вернулась; сдача противнику исправных мостов через многочисленные реки; размещение 6-й и 42-й стрелковых дивизий в Брестской крепости; недостатки руководства войсками Д.Г. Павловым, В.И. Кузнецовым, А.А. Коробковым» (19, т. 2, с. 419).

В книге В.А. Рунова «1941. Первая кровь» (17) анализируются бои на западном направлении в первые дни войны; отдельно описываются действия каждой из армий Западного фронта. Особое внимание уделяется причинам неудач РККА: по заключению автора, они «в основном являлись следствием ошибок и просчетов при подготовке страны к отражению агрессии. Политическое руководство СССР откровенно заигрывало с потенциальным агрессором, чем дезориентировало и деморализовало значительную часть руководства РККА. Наркомат обороны и Генеральный штаб, игнорируя реальное развитие военно-политической обстановки, не обеспечили

готовность западных военных округов к отражению агрессии противника» (17, с. 417).

Тему боевых действий на западном стратегическом направлении продолжает одноименная работа В.В. Абатурова (1)¹. Книга охватывает период с июня 1941 по декабрь 1942 г. Автор подробно рассматривает ход таких операций, как приграничное сражение Западного фронта, Смоленское сражение, битва под Москвой, бои на Ржевско-Вяземском выступе в 1942 г., анализирует их результаты, причины успехов Вермахта и Красной армии, разбирает ошибки советского командования.

Следует отметить также труды А.В. Исаева. В монографии «От Дубно до Ростова» (9) анализируются боевые действия Красной армии на юго-западном стратегическом направлении с июня по декабрь 1941 г. Более поздняя книга «Пять кругов ада. Красная Армия в “котлах”» (10), посвященная в основном крупнейшим операциям Вермахта на окружение советских войск в июле–ноябре 1941 г., во многом перекликается с предыдущей работой и развивает ее основные идеи. Исаев, в частности, подробно рассматривает такие события, как танковое сражение под Бродами, бои на подступах к Ленинграду, окружение войск Юго-Западного фронта под Киевом, начало операции «Тайфун» (катастрофа под Вязьмой), контрнаступление советских войск под Тихвином и Ростовом. Источниковую базу обоих исследований составили боевые документы советских войск (как опубликованные, так и архивные), воспоминания участников событий, а также немецкие документальные публикации и мемуарная литература.

Сильной стороной работ А.В. Исаева является прежде всего скрупулезное рассмотрение фактического материала: в двух книгах подробнейшим образом проанализирован целый ряд важнейших операций 1941 г. на Восточном фронте. Автор активно привлекает немецкие источники, что является важным шагом на пути к преодолению известной однобокости, свойственной нашей военно-исторической литературе. В книге «От Дубно до Ростова» (9) на примере Юго-Западного и Южного фронтов весьма наглядно показана механика приграничных сражений Красной армии, в том числе и причины их неудачного для СССР исхода, несмотря на подавляющее превосходство РККА над Вермахтом по числу самолетов и особенно танков. Говоря о причинах разгрома советских механиз-

¹ См. реферат на с. 102 настоящего сборника.

рованных корпусов, автор прежде всего выделяет их неэффективную организацию и непродуманное применение, сделавшие огромные бронированные армады легкой целью для неприятельских танков и артиллерии.

В то же время общие заключения Исаева, особенно оценочного характера, выглядят менее убедительными, поскольку, несмотря на декларируемый им позитивистский подход «от фактов – к выводам», основаны не столько на фактическом материале, сколько на целом ряде устоявшихся советских стереотипов; среди последних следует назвать, прежде всего, упорно защищаемое автором пренебрежительно-недоверчивое отношение к обороне, которая якобы по определению означает полный переход инициативы к противнику и ставит обороняющуюся сторону в заведомо беспомощное положение. Интересно, что Исаев настойчиво пытается объяснить неудачи Красной армии в 1941 г. главным образом объективными факторами – в первую очередь слишком запоздалым решением о начале стратегического развертывания и тем, что активное применение немцами крупных танковых объединений якобы полностью лишало советскую сторону какой-либо возможности заранее спрогнозировать направление главного удара противника в очередном сражении и делало окружения советских войск под Киевом, Вязьмой, Брянском и т.д. практически неизбежными. «Основная причина как катастроф августа–октября 1941 г., так и краха “блицкрига” на подступах к Москве, – заключает автор, – это в первую очередь следствие эффективных действий противника» (10, с. 389). Исаев явно старается снять со сталинского руководства значительную часть ответственности за исход первых сражений Отечественной войны. Этому способствует и его невнимание к несобытийной истории – прежде всего к военно-доктринальным установкам советского военно-политического руководства, менталитету бойцов и командиров РККА и его влиянию на общий стиль действий советских войск. Автор не придает существенного значения упрямому нежеланию Сталина сдавать немцам уже обреченный Киев, более того, оправдывает его позицию, утверждая, что «потеря политического лица со сдачей Киева совершенно не стоила тех преимуществ, которые давали сдача КиУРа¹ и построение обороны строго по рубежу Днепра» (9, с. 597). Кроме того, он фактически игнорирует порочную «наступательную» военную доктрину

¹ Киевский укрепленный район. – *Прим. реф.*

СССР с ее непониманием значения оборонительных и отступательных действий (включая стратегическую оборону, подвижную оборону и своевременный вывод войск из-под удара), как и не менее порочную идеологическую установку «не отдавать врагу ни пяди земли без боя» – хотя именно она стала одной из основных причин, например, разгрома советских войск под Вязьмой. Непрерывное формирование новых частей и соединений на всем протяжении летне-осенней кампании 1941 г. взамен дивизий, погибавших во все новых и новых котлах, несомненно, сыгравшее свою роль в провале плана «Барбаросса», представляется Исаеву не примитивной стратегией «забрасывания противника трупам», а передовой для того времени технологией «перманентной мобилизации».

Одному из самых тяжелых поражений Красной армии в 1941 г. – Вяземской катастрофе – посвящена одноименная работа Л. Лопуховского (11). Книга родилась из естественного желания сына узнать судьбу своего отца, числившегося пропавшим без вести в октябре 1941 г. под Вязьмой. В результате получилось добротное научное исследование, основанное на архивных документах (советских и немецких) и свидетельствах очевидцев. Автор считает, что окружение под Вязьмой является одной из самых страшных трагедий Отечественной войны, сравнимой по своим масштабам и последствиям с разгромом Западного фронта в июне–июле 1941 г. и Киевским котлом. В результате грубых просчетов советского командования (с этим, по мнению Лопуховского, и было связано позднейшее замалчивание масштабов поражения) в кольцо оказались управления четырех армий, 37 дивизий, девять танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК; безвозвратные потери Красной армии превысили 380 000 человек.

Действия отдельных видов вооруженных сил и родов войск

Труд Е. Дрига (8) посвящен небольшому отрезку (вторая половина 1940 – первая половина 1941 г.) истории танковых войск Красной армии, когда их высшей организационной единицей являлся механизированный корпус. Книга представляет собой единственную в своем роде энциклопедию мехкорпусов. В ней приводится обширная информация по организационной структуре, командному составу, формированию танковых частей и соединений, наличию техники и вооружения, подробно описывается боевой путь каждого механизированного корпуса. Особое внимание автор уделяет дей-

ствиям мехкорпусов в первые дни и недели войны, их участию в битве за Дубно, Луцк, Броды в июне 1941 г., Лепельскому контрудару (июль 1941 г.). В приложениях даны краткие биографии командиров, сведения об органах управления танковыми войсками, о танковых подразделениях в кавалерии и другие данные, напрямую не относящиеся к мехкорпусам, но тем не менее важные всем, кто интересуется историей танковых войск. К основным причинам быстрого разгрома немцами советских механизированных корпусов в приграничном сражении 1941 г. автор относит помимо в целом неблагоприятной для Красной армии оперативно-стратегической обстановки на Западном театре также незавершенность формирования механизированных корпусов, неэффективную организацию бронетанковых частей и соединений (с этой проблемой в разное время сталкивались и другие армии), срыв немцами отмотилизования мехкорпусов, а также неумение командиров всех уровней эффективно применять танковые части и соединения в бою, особенно в обороне и при отступлении.

Монография Д.Б. Хазанова «Битва за небо 1941» (21), основу которой составили малоизвестные архивные материалы и воспоминания участников Отечественной войны, посвящена борьбе за господство в воздухе на южном и северном флангах советско-германского фронта летом-осенью 1941 г. Повествование ведется на фоне грандиозных сражений, развернувшихся на земле на дальних и ближних подступах к Киеву и Ленинграду. В первой части анализируются различные стороны боевой работы Люфтваффе и советских ВВС на Юго-Западном фронте в период приграничного сражения, боевых действий в Правобережной Украине и Киевской оборонительной операции. Во второй части описываются германские планы захвата Ленинграда и уничтожения Балтийского флота, организация ПВО Ленинграда накануне и в начале войны, боевые действия в небе над Северной столицей в июне–августе 1941 г. и их результаты. Отдельная глава посвящена сентябрьскому наступлению немцев на Ленинград и массированным налетам Люфтваффе на Кронштадт с целью уничтожить основные силы Балтийского флота. Анализируя ход и результаты боевых действий в этот период, автор, в частности, приходит к выводу, что немцы, несмотря на достигнутые ими впечатляющие успехи и бедственное положение защитников Кронштадта, все же не сумели полностью воспользоваться имевшимися у них возможностями; в дальнейшем столь благоприятная ситуация уже не повторилась.

В следующей монографии Д.Б. Хазанова «Борьба за господство в воздухе» (22)¹ помимо указанных событий рассматриваются также воздушные бои в первые недели Отечественной войны, первые налеты авиации РККА на Финляндию и Румынию, отражение немецких налетов на Москву.

К важнейшим причинам неудач советских ВВС в летне-осенней кампании 1941 г., по мнению Хазанова, относятся даже не удары немцев по советским аэродромам в первые дни войны и не нехватка в советских авиачастях новейших самолетов, а низкая боевая выучка пилотов, неумение командиров и штабов налаживать взаимодействие авиации с наземными войсками и концентрировать ее усилия на нужных направлениях. Распылению сил способствовало также разделение авиации на фронтовую и армейскую. «Основное преимущество противника, – подчеркивает автор, – было не в качестве авиационной техники, а в четком управлении, хорошем взаимодействии частей и соединений между собой и с наземными войсками» (22, с. 512–513). Сыграла свою роль также определенная слабость советской промышленной базы.

События 1941 г. затрагиваются и в монографии Э. Брукса (Международный институт стратегических исследований, Великобритания) «Воздушная война над Россией» (28), посвященной противоборству Люфтваффе и ВВС Красной армии в 1941–1945 гг. Автор, в частности, не считает причиной неудач советской авиации в первый период Отечественной войны избыток самолетов устаревших конструкций. Скорее, по его мнению, сыграло свою роль неумение советского командования эффективно использовать имевшиеся в его распоряжении силы.

Война на Балтийском море рассматривается в монографии А.А. Чернышева «1941 год на Балтике: подвиг и трагедия» (23). Автор скрупулезно анализирует боевые действия Балтийского флота, причины его успехов и неудач, результаты проведенных операций, разбирает ошибки советского командования. Первая глава посвящена истории Балтийского флота в межвоенный период, включая восстановление Морских сил Балтийского моря после Гражданской войны и их постепенное наращивание в 1920-х – начале 1940-х годов (11 января 1935 г. переименованы в Краснознаменный Балтийский флот). Анализируется также состояние флота накануне нацистской агрессии. В последующих главах автор рассматривает начало

¹ См. реферат на с. 109 настоящего сборника.

боевых действий на Балтике, оборону Либавы, Риги, Моонзундских островов, прорыв главных сил флота из окруженного немцами Таллина в Кронштадт, его участие в обороне Ленинграда и Ораниенбаумского плацдарма, налеты Люфтваффе на Кронштадт в сентябре и, наконец, эвакуацию гарнизона Ханко 23 октября – 5 декабря 1941 г. Основной причиной трудного положения, в котором оказался Балтийский флот в 1941 г., стало глубокое отступление Красной армии, в короткий срок лишившее его всех баз за исключением Ленинграда и Кронштадта; более того, в результате успешного наступления немцев под контролем противника оказался не только северный – финляндский – берег Финского залива, но и южный – эстонский, что резко осложнило действия флота. Еще одну серьезную проблему составила острая нехватка тральщиков, притом что «ни один морской театр Второй мировой не минировался так “плотно”, как Финский залив» (23, с. 363). Отсутствовали также средства для борьбы с магнитными минами – устройства для размагничивания судов и размагниченные тральщики. В этих условиях особенно остро проявились и другие проблемы Балтийского флота: общая слабость корабельного состава, нехватка ряда специальных судов, недостроенные базы, пробелы в боевой подготовке. Ситуацию дополнительно усугубили промахи разведки (немцам и финнам удалось скрытно осуществить минные постановки вблизи советских берегов) и ошибки командования. Тем не менее автор подчеркивает, что, несмотря на исключительно сложные условия и тяжелые потери, Балтийскому флоту удалось в 1941 г. добиться ряда явных успехов: было сохранено его боевое ядро, корабли оказали действенную огневую поддержку защитникам Ленинграда, относительно успешно прошла эвакуация гарнизона Ханко.

Была ли Красная армия готова к войне?

Вопрос, была ли Красная армия в 1941 г. готова к войне с Германией, остается предметом оживленных дискуссий, особенно в связи со спорами о «проблеме превентивного удара». Ситуацию осложняет неопределенность самого понятия готовности к войне, критерии и методология оценки которой до сих пор не были предметом специального анализа. В этих условиях любые суждения по данному предмету страдают неизбежным субъективизмом. На эту проблему обращает внимание, в частности, М.И. Мельтюхов, по мнению которого «вопрос о реальной боеспособности Красной ар-

мии накануне войны еще ждет своего исследователя» (14, с. 335). Следует учитывать и то обстоятельство, что наши сегодняшние оценки боеготовности РККА в 1941 г. базируются, помимо всего прочего, на наших знаниях о ходе и результатах боевых действий в 1941–1945 гг. и, следовательно, вовсе не обязательно должны совпадать с оценками, бытовавшими в Кремле и среди советских военачальников в предвоенные годы. Тем не менее в литературе до сих пор распространена точка зрения, согласно которой Сталин не мог не осознавать, что Красная армия к войне не готова, и, следовательно, не мог планировать нападение на Германию; эту точку зрения отстаивают, к примеру, Л.А. Безыменский (4) и А.С. Орлов (16, с. 391–393), а также, с некоторыми оговорками, К. Беллами (25) и Д.Э. Мэрфи (35).

В.Н. Свищев (19, т. 1), напротив, считает неправильными (и даже вредными) попытки некоторых исследователей представить нашу страну неготовой к войне, слабой, отсталой и плохо вооруженной. В своей книге он доказывает, что Красная армия к 1941 г. по технической оснащенности не уступала Вермахту, а во многом (в первую очередь, по количеству и качеству самолетов и танков) даже превосходила его. В то же время обороноспособность страны сильно подорвали репрессии в армии: «В результате репрессий у руководящего состава не только ослаблялись такие качества, как инициатива и творческий подход к делу, но возникали и естественные чувства неуверенности, подозрительность к своим сослуживцам, обнаруживалась боязнь проявить высокую требовательность к подчиненным» (19, т. 1, с. 381). Результатом репрессий автор считает и нехватку квалифицированных командиров к июню 1941 г.

Д.Б. Лошков (12) также оспаривает представление о неготовности СССР к войне с Германией: и в экономическом, и в техническом, и в моральном отношениях уровень подготовленности к большой войне к июню 1941 г. был довольно высоким, а пропаганда среди командного состава армии в 1939–1941 гг. была организована в «наступательном» духе. Причинами неудач РККА в первые месяцы войны, по его мнению, необходимо признать политические и стратегические просчеты Сталина накануне ее начала, а также принципиальный недостаток сталинской системы, в которой решение всех важнейших вопросов замыкалось на одного человека.

В.А. Рунов в своей работе (17) прежде всего отмечает, что мало иметь сильную армию, чтобы победить противника, — надо еще обладать военным искусством, которого, как показывается в

книге, у советских военачальников в начале войны не было: «Правомерно начало Великой Отечественной войны рассматривать не только с позиции наличия и соотношения сил и средств, как это делают многие современные исследователи, но также и со стороны наличия военного искусства применения их в бою и операции» (17, с. 9). Проводя сравнительный анализ подготовки командного состава Красной армии и Вермахта, он обращает внимание на их сильное различие: «В германской армии свыше 85% военачальников высших рангов имели академическое образование, 90% офицеров в звене рота–полк были выпускниками военных училищ» (17, с. 413). В РККА же на 1 января 1941 г. лишь 7,1% командно-начальствующего состава имели высшее образование, «55,9% – среднее, 24,6% – ускоренное, 12,4% – не имели военного образования» (17, с. 413). Отмечаются также низкая квалификация летчиков и танкистов, неопытность командиров. Весьма негативно на состояние войск западных округов действовали репрессии 1937–1940 гг.

Общая оценка политики Сталина

Дискуссии об общей оценке политики Сталина в предвоенный период и в начале Отечественной войны развиваются в основном по двум направлениям: вокруг вопроса об интерпретации ее целей и мотивов (был ли Сталин коммунистом, прагматиком-националистом, традиционалистом и т. д.) и вокруг вопросов собственно оценочного характера (была ли внешняя и военная политика Сталина оправданной или ошибочной, преступной, аморальной или же, напротив, отвечала, по крайней мере, интересам населения СССР). Естественно, что ответы на эти вопросы зачастую определяются не только (и даже не столько) исследуемым фактическим материалом, сколько особенностями мировоззрения и ценностными установками отдельных авторов.

К числу исследователей, считающих советского «вождя» скорее прагматиком-националистом, нежели фанатиком-марксистом, принадлежит, в частности, Дж. Лукач. В своей работе (32) он приходит к выводу, что Сталин в 1930-х – начале 1940-х годов руководствовался не столько коммунистической, сколько этатистской идеологией; такая позиция, в свою очередь, предопределила его обращение к национализму и империализму. Сходную точку зрения отстаивает и М.И. Мельтюхов (14), по мнению которого определяющим мотивом в действиях Сталина являлись преже-

де всего геополитические соображения, тогда как коммунистическая идеология играла второстепенную роль.

А.Л. Сафразьян (18), напротив, настаивает, что политика как Советского Союза, так и Третьего рейха была обусловлена именно идеологическими соображениями; это не исключало прагматические решения (например, пакт Молотова – Риббентропа), но лишь как временную меру на пути к достижению конечной цели. Д.Э. Мэрфи (35) также предполагает, что стремление Сталина «добиваться истощения капиталистов/империалистов в войнах» являлось проявлением коммунистической идеологии, а не прагматической Realpolitik.

Целый ряд авторов, например, О.В. Вишлёр (5) и А.В. Исаев (9, 10), открыто оправдывают политику Сталина. К числу его фактических защитников принадлежит и М.И. Мельтюхов, по мнению которого в советском экспансионизме (включая пакт Молотова – Риббентропа) не было ничего предосудительного (14, с. 220–221, 370), на территории, захваченные в 1939–1940 гг., у Советского Союза были законные права (14, с. 370–371), а победа СССР в результате нападения на Германию была бы благом для всего мира (14, с. 382).

Некоторые авторы критикуют лишь отдельные решения Сталина. Так, А.С. Орлов (16) соглашается, что секретные протоколы к пакту Молотова – Риббентропа «аморальны, незаконны и недействительны». Тем не менее в целом договор о ненападении с Германией, по его мнению, являлся благом для СССР, поскольку отодвигал границы страны дальше на запад. Уравнивание сталинского режима с нацистским Орлов считает необоснованным. В.Н. Свищев в своей работе отмечает, что именно на Сталине в первую очередь лежит ответственность за репрессии в армии, сильно подорвавшие обороноспособность СССР в преддверии войны. Кроме того, к причинам неудач РККА в летне-осенней кампании 1941 г. он относит целый ряд допущенных «вождем» политических и стратегических ошибок. Тем не менее, по мнению Свищева, «виновность Сталина в массовых репрессиях по отношению к партийным, советским и военным кадрам не умаляет его роли в создании первого в мире социалистического государства и достижении победы в Великой Отечественной войне, начавшейся так неудачно» (19, т. 1, с. 383). «Эта двойственность личности Иосифа Виссарионовича, – продолжает автор, – является проявлением особенностей того сложного времени» (19, т. 1, с. 383–384).

А.О. Чубарьян, анализируя советскую внешнюю политику в 1939 – первой половине 1941 г., последовательно обосновывает аморальность действий сталинского руководства. В своей работе (24) он доказывает, что решение Сталина заключить договор с Германией не было продиктовано опасениями быть вовлеченным в большую войну; напротив, мотивы советской стороны были вполне циничными: Гитлер, стремясь любой ценой обеспечить нейтралитет СССР в предстоящей германо-польской войне, предложил Москве заведомо более соблазнительные условия (раздел Восточной Европы и возвращение в зону советского влияния территорий, ранее входивших в состав Российской империи), чем она могла бы добиться на переговорах с Великобританией и Францией. Договор с Германией в такой ситуации просто показался Сталину наиболее выгодным и надежным. Анализируя процесс заключения договоров о взаимопомощи со странами Балтии, автор показывает предельно жесткий, ультимативный характер советских требований, отсутствие с советской стороны всякого стремления к взаимовыгодному компромиссу. Он отмечает также, что выборы в парламенты Эстонии, Латвии и Литвы, проведенные под советским нажимом летом 1940 г., проходили по советскому образцу, т.е. на безальтернативной основе, с одним кандидатом, что во многом предопределило их благоприятные для советской стороны результаты. Упоминается в книге и о том, что к числу основных обсуждавшихся в Таллине, Риге и Каунасе в 1939–1940 гг. аргументов в пользу принятия советских требований относилась и фактическая невозможность оказать вооруженное сопротивление советскому нажиму, а переход в советскую зону влияния и последующее присоединение к СССР воспринимались как выбор меньшего из зол по сравнению с опасностью, исходившей со стороны Германии. На многочисленных примерах Чубарьян показывает, что прогерманская ориентация советской внешней политики в 1939–1940 гг. была явно избыточной; такие меры, как заключение договора о дружбе с нацистским Рейхом, свертывание антифашистской пропаганды, более того – переход к публичному оправданию нацизма как идеологии и переро- ориентация зарубежных компартий на фактическую поддержку германской политики, не были необходимыми даже с точки зрения сохранения нейтралитета СССР в начавшейся Второй мировой войне. Напротив, налаживая все более тесные связи с Германией, Советский Союз в известной мере оказался заложником ее политики, упустив возможность своевременно «уравновесить» улучшение

отношений с ней развитием связей с англо-французским блоком и США. Впоследствии это сыграло только на руку Гитлеру, который после разгрома Франции в 1940 г. уже не так сильно, как в 1939 г., нуждался в советской поддержке и мог позволить себе действовать, не считаясь с позицией СССР.

Сходной точки зрения придерживается Л.А. Безыменский (4). Весьма критически сталинскую политику оценивает и Д.Э. Мэрфи (35). Д.М. Гланц в своей книге «Барбаросса» рассматривает советскую «наступательную» доктрину как одну из причин катастрофических поражений Красной армии летом – осенью 1941 г. (29, с. 16, 206).

Дж. Робертс, описывая в своей работе (36) промахи, допущенные Сталиным накануне и в начале Отечественной войны, отмечает также его способность учиться на своих ошибках: к осени 1942 г. он начал гораздо охотнее прислушиваться к своим генералам, что позволило ему продолжать войну с большим успехом, нежели в предшествующие месяцы. Это, а также то обстоятельство, что Сталину, несмотря на допущенные просчеты, удалось все же избежать в 1941 г. полного поражения СССР в войне с Германией, побуждает автора дать советскому диктатору как военному руководителю в целом положительную оценку. Более того, Робертс полагает, что в условиях созданной Сталиным тоталитарной системы по-настоящему эффективно руководить Советским Союзом в тотальной войне мог только сам Сталин. Автор специально оговаривает, что такие оценки не должны рассматриваться как оправдание сталинских преступлений, но позволяют глубже понять сам феномен сталинской системы, ее сложную и противоречивую природу и столь же сложные и противоречивые последствия.

Список литературы

1. *Абатуров В.В.* 1941: На Западном направлении. – М.: Эксмо, 2007. – 446 с.: ил.
2. *Арцыбашев В.А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 274 с.
3. *Арцыбашев В.А.* Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. – М.: Ипполитов, 2004. – 71 с.
4. *Безыменский Л.А.* Сталин и Гитлер перед схваткой. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 478 с.
5. *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. – М.: Наука, 2001. – 230 с.

6. *Гланц Д.* Восставшие из пепла: Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 543 с.
7. *Гланц Д.М.* Советское военное чудо, 1941–1943: Возрождение Красной Армии. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 639 с.
8. *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 831 с.: ил.
9. *Исаев А.В.* От Дубно до Ростова. – М.: Транзиткнига, 2004. – 711 с.: ил.
10. *Исаев А.В.* Пять кругов ада: Красная Армия в «котлах». – М.: Эксмо, 2008. – 396 с.: ил.
11. *Лопуховский Л.* 1941. Вяземская катастрофа. – 2-е изд., перераб. и испр. – М.: Эксмо, 2008. – 639 с.: ил.
12. *Лошков Д.Б.* Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны, (1939 – июнь 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 180 с.
13. *Лошков Д.Б.* Система подготовки и совершенствования профессионального уровня командных кадров РККА в преддверии войны / Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2003. – 51 с.
14. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (Док., факты, суждения). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Вече, 2008. – 539 с.: ил.
15. *Невежин В.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. – М.: Эксмо, 2007. – 317 с.
16. *Орлов А.С.* Сталин: в преддверии войны. – М.: Алгоритм, 2003. – 415 с.: ил.
17. *Рунов В.А.* 1941. Первая кровь. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 511 с.: ил.
18. *Сафразьян А.Л.* Идеология и внешняя политика СССР, 1939–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 235 с.
19. *Свищев В.Н.* Начало Великой Отечественной войны. – М.: SVN, 2003–2005. – Т. 1–2.
20. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. – М.: Наука, 2007. – 486 с.
21. *Хазанов Д.Б.* Битва за небо 1941: От Днепра до Финского залива. – М.: Эксмо, 2007. – 415 с.: ил.
22. *Хазанов Д.Б.* Борьба за господство в воздухе. – М.: Эксмо, 2008. – 607 с.: ил.
23. *Чернышев А.А.* 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 382 с.: ил.
24. *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сент. 1939 – июнь 1941 г. – М.: Наука, 2008. – 476 с.
25. *Bellamy Chr.* Absolute war: Sov. Russia in the Second World War: A mod. history. – L. etc.: Macmillan, 2007. – XXIX, 813 p.: ill.

26. *Braithwaite R.* Moscow 1941: a city and its people at war. – L.: Profile Books, 2007. – 446 p.
27. *Broekmeyer M.* Stalin, the Russians, and their war, 1941–1945. – Madison (Wis.); L.: Univ. of Wisconsin press, 2004. – XVI, 315 p.
28. *Brookes A.* Air war over Russia. – Hersham (Surrey): Allan, 2003. – 160 p.: ill.
29. *Glantz D. M.* Barbarossa: Hitler's invasion of Russia, 1941. – Stroud (Gloucestershire); Charleston (South Carolina): Tempus publishing, 2001. – 256 p.: ill.
30. *Glantz D. M.* Colossus reborn: the Red Army at war, 1941–1943. – Lawrence (Kansas): Univ. press of Kansas, 2005. – XX, 807 p.: ill.
31. *Hartmann Ch.* Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland, 1941/42. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2009. – 928 S.: Ill.
32. *Lukacs J.* June 1941: Hitler and Stalin. – New Haven; L.: Gale univ., 2006. – 169 p.
33. *Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet war, 1941–1945. – L.: Hodder, 2007. – XXIV, 502 p.
34. *Megargee G. P.* War of annihilation: combat and genocide on the Eastern Front, 1941. – Lanham (Maryland) etc.: Rowman & Littlefield, 2006. – XVI, 177 p.: ill.
35. *Murphy D. E.* What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. – New Haven; L.: Yale univ. press, 2005. – XXIV, 310 p.: ill.
36. *Roberts G.* Stalin's wars: from World War to Cold War, 1939–1953. – New Haven (Conn.); L.: Yale univ. press, 2006. – XXII, 468 p.: ill.
37. *Short N.* The Stalin and Molotov lines: Soviet western defences, 1928–1941. – Oxford; N. Y.: Osprey publishing, 2008. – 64 p.: ill.
38. *Ziemke E. F.* The Red Army, 1918–1941: From vanguard of world revolution to US ally. – L.; N. Y.: Cass, 2004. – 355 p.

Невежин В.

**«ЕСЛИ ЗАВТРА В ПОХОД...»: ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В 30-х–40-х гг. –
М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2007. – 317 с.**

(Реферат)

Монография доктора исторических наук, профессора В.А. Невежина (Институт российской истории РАН), написанная на основе большого массива не публиковавшихся ранее архивных материалов, посвящена деятельности советских пропагандистских органов в преддверии нападения Германии на СССР. К своим задачам автор относит попытку «расширить и конкретизировать представления об организационных основах советской пропаганды второй половины 1930-х – начала 1940-х годов, показать реальную значимость задействованных в ней руководящих кадров и рядовых исполнителей, которые контролировали, направляли и осуществляли пропагандистские акции по подготовке населения к войне» (с. 39–40). Книга состоит из введения, шести глав и заключения.

В первой главе анализируется историография проблемы, разделенная на советский период и дискуссии рубежа XX–XXI вв., а также определяются задачи исследования. Говоря о советском периоде историографии изучаемой темы, Невежин отмечает, что до начала 1990-х годов решающее влияние на содержание научных исследований процесса идеологической подготовки СССР к войне оказывало «неограниченное политико-идеологическое господство правящей Коммунистической партии» (с. 15). Он приводит периодизацию советской историографии по этапам: 1) конец 1940-х – середина 1950-х годов; 2) 1956 – середина 1960-х годов; 3) 1965–1985 гг.; 4) вторая половина 1980-х – 1991 г. Появление серьезного научного интереса к исследуемой проблеме автор относит к концу 1950-х годов. С этого времени указанная проблематика с той или иной степенью полноты разрабатывалась в отечественной историографии, но

носила печать идеологизированности. Даже на рубеже 1980–1990-х годов продолжали выходить работы, в которых «деятельность партии предвоенного периода в идеологической сфере рассматривалась исключительно с позитивных позиций» (с. 27).

1990-е годы стали переломным этапом в отечественной историографии, так как «уход с политической арены КПСС привел к преодолению идеологического контроля правящей партии над гуманитарными науками, в том числе – над исторической наукой» (там же). Начался процесс формирования постсоветской историографии, которая отличалась наличием плюрализма в методологии и новыми подходами к изложению событий 1930-х годов. Вопрос о роли советской пропаганды в деле идеологической подготовки СССР к войне начал по-настоящему изучаться лишь со второй половины 1990-х годов, когда «благодаря введению в оборот новых и более глубокому анализу уже известных источников, а также в атмосфере плюрализма взглядов начался процесс пересмотра ранее устоявшихся взглядов на нее» (с. 38).

Во второй главе В.А. Невежин дает общую характеристику пропаганды второй половины 1930-х годов, анализирует ее основные структуры и роль в ней «человеческого фактора» – руководителей и исполнителей. Система советской пропаганды была жестко централизована. В августе 1939 г. соответствующие структурные подразделения ЦК были объединены в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПА), которое должно было руководить пропагандой и агитацией в СССР и заниматься теоретической подготовкой партийных и государственных служащих. Первоначально управление состояло из пяти отделов, но в дальнейшем его структура усложнилась, а численность сотрудников увеличилась. По решению XVIII съезда ВКП(б) в 1939 г. в райкомах, горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик создавались военные отделы.

Высоко оценивался «политико-пропагандистский потенциал периодической печати» (с. 54). С целью укрепления цензуры был укрупнен отдел печати УПА, который помимо выполнения функций контроля над печатными изданиями и издательствами курировал работу Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС) и Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита). В январе 1938 г. было утверждено около 1600 цензоров районных газет и около 230 цензоров городских, областных и республиканских газет. Был создан специальный институт политредакторов,

которые проверяли работу цензоров. «Величайшим средством массовой агитации» считалось кино. Важную роль играло и радиовещание. Правящий режим придавал также большое значение руководству литературой и искусством. Именно писатели, тяга Сталина к которым была неизменно велика, «во многом способствовали его возвеличиванию» (с. 60).

Большое внимание уделялось политической работе с личным составом вооруженных сил. Общее руководство ею находилось в ведении Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии (ПУ РККА), обладавшего мощной издательской базой. Как отмечает автор, «армейская периодическая печать играла ведущую роль в политико-пропагандистской работе» (с. 62). С 10 мая 1937 г. в армии существовал институт военных комиссаров, действовавших во всех войсковых частях. А в составе отдела руководящих партийных органов ПУ РККА существовало специальное отделение по изучению политико-морального состояния начальствующего состава.

Сталин лично осуществлял контроль над партийной пропагандой, а его кадровая политика была связана с целью устранить потенциальную угрозу со стороны своих идеологических противников (например, путем репрессий) и утвердиться в качестве единоличного диктатора. В 1930-х – начале 1940-х годов пропагандистские структуры брали на вооружение основополагающие высказывания и указания Сталина, а также выступления его ближайших соратников. Так, одним из основных проводников сталинских идей был председатель СНК СССР В.М. Молотов, видными фигурами являлись М.И. Калинин, А.А. Жданов, А.С. Щербаков.

Волна политических репрессий, пишет В.А. Невежин, способствовала нагнетанию «внутриведомственного страха». Когда начальники и ответственные лица «внезапно исчезали» со своих постов, пропагандистские структуры пополнялись людьми образованными, но совершенно некомпетентными в пропагандистской сфере, или даже малообразованными и некультурными. Государственная цензура также не избежала репрессий. А в 1938 г. была поднята проблема некомплекта политсостава РККА, что напрямую связано с «чисткой» армейских рядов в 1937–1938 гг. В срочном порядке началась комплектация Политуправления выпускниками вузов и Института красной професуры.

При сталинском режиме существовала своя специфика восприятия пропагандистских установок. Она зависела не только от

интенсивности идеологических кампаний, но и от интеллектуального уровня и жизненного опыта их адептов. Иногда те люди, которые должны были проводить в жизнь указания партии, обнаруживали «“зазор” между пропагандистскими декларациями и жизненными реалиями, проникались сомнением и постепенно превращались в “политически неблагонадежных”» (с. 87). Тем не менее подготовленная Сталиным и его соратниками система пропаганды создавала «условия для стабильного функционирования партийно-пропагандистской машины» (с. 88).

В третьей главе анализируются метаморфозы «всеобщей военизации» на фоне слов и дел большевистского руководства. Автор приводит позицию Сталина, согласно которой не исключалась вероятность развязывания войны капиталистических стран против СССР. Сталин рассматривал войну «как возможный для капитализма выход из политического и экономического кризиса» (с. 91). Исходя из сталинской позиции, угрозу для СССР представлял весь зарубежный мир («капиталистическое окружение»). В связи с этим советское руководство осознавало необходимость укрепления обороноспособности своей страны. Но, по словам автора, при благоприятных условиях не исключалась и вероятность начала наступательных военных действий против «капиталистического окружения» по инициативе советской стороны (с. 114).

В 1938–1939 гг. Красная армия прошла боевые испытания у озера Хасан и на реке Халхин-Гол. События у озера Хасан по-разному трактуются в историографии. По одной версии, Токио обвинил Москву в нарушении государственной границы на Дальнем Востоке и начал военные действия; по другой, советская сторона привела к развязыванию вооруженного конфликта с Японией. Советским войскам удалось разгромить японцев, но, как отмечает автор, «пропагандистская значимость событий у озера Хасан порой чрезмерно преувеличивалась» (с. 121).

В середине 1939 г. на реке Халхин-Гол (территория Монгольской Народной Республики) произошел новый советско-японский конфликт. Япония намеревалась захватить восточный выступ монгольской территории, расположенный между границей с Китаем и рекой Халхин-Гол. В мае 1939 г. японцы вторглись на территорию МНР. С 12 марта 1936 г. действовал советско-монгольский протокол о взаимной помощи, на основании которого советский воинский контингент вступил на территорию Монголии и начал борьбу с японцами. Накануне конфликта ряд советских политработников

были репрессированы, ведущие должности политотдела во время боев оставались вакантными. Несмотря на это, начальник ПУ РККА Л.З. Мехлис призывал не ослаблять пропагандистской работы в частях. Однако остро ощущалось отсутствие квалифицированных переводчиков, переводчиков-референтов и офицеров-востоковедов. Главный недостаток состоял в том, что «офицеры-пропагандисты не были знакомы с национальной психологией войск противника, не имели представления о степени их религиозности и преданности монарху» (с. 130).

Четвертая глава посвящена советской пропаганде 1939–1940 гг., касающейся Польши и Финляндии. Согласно секретному протоколу к пакту Молотова – Риббентропа, СССР и Германия брали на себя решение вопроса о целесообразности сохранения независимости Польского государства. После вторжения Германии в Польшу 1 сентября 1939 г. СССР «стал готовиться к практическим шагам по освоению ранее оговоренных в этом протоколе “сфер государственных интересов” в Восточной Европе» (с. 156). Автор отмечает, что еще до занятия Красной армией Западной Украины и Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г. советские пропагандистские структуры «получили указания высшего руководства о том, в каком ключе должна вестись антипольская политико-идеологическая кампания» (с. 160). Советской пропаганде необходимо было создавать двойственный образ Польши. Реакционное польское правительство, враждебное СССР, должно было противопоставляться в сознании советских граждан с угнетаемыми им украинцами и белорусами, ожидающими помощи Москвы. Особо подчеркивалась резкая разница между «угнетающей» (поляки) и «угнетенными» (белорусы, украинцы) нациями. Во многом благодаря пропаганде личный состав РККА выразил согласие выполнить приказ об освобождении «угнетенных братьев» – белорусов и украинцев. Тем не менее отдельные военнослужащие делали заявления, в которых «подвергались сомнению бывшие на слуху сталинские пропагандистские установки об “агрессивных” и “неагрессивных” государствах, о “provokatorax войны”, которые “привыкли загребать жар чужими руками” и т.д. и т.п.» (с. 168).

По мнению автора, «жесткое отрезвление» СССР произошло в связи с советско-финской войной. В условиях начавшейся Второй мировой войны Советский Союз и Финляндия формально заявили о своем нейтралитете. В то же время присоединение к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, а также заключенные

Москвой осенью 1939 г. договоры с Латвией, Литвой и Эстонией нарушали баланс сил на Балтике в пользу СССР. А Германия сочла «излишним» вмешательство в советско-финляндские дела. Сталин, пытаясь добиться от Финляндии территориальных уступок, предложил Хельсинки подписать договор, аналогичный договорам с другими балтийскими государствами. Он означал бы создание советских военных баз и размещение воинских контингентов на территории Финляндии, поэтому предложение было отвергнуто. Эта и другие инициативы советского правительства привели к срыву советско-финляндских переговоров, советско-финской войне, анти-советской кампании в Финляндии и антифинляндской в СССР. Главным «посылом» для развертывания широкой антифинляндской кампании было обращение Молотова к советским гражданам 29 ноября 1939 г., в котором он утверждал, что правительство Финляндии проводило враждебную СССР политику, организовало провокации на границе и т.п. Пропагандистские девизы менялись в зависимости от обстановки на финском фронте. Если Красная армия оказывалась в сложном положении, наступательные лозунги менялись на освободительные. Понеся огромные жертвы в этой войне, сталинское руководство смогло переломить ситуацию и 12 марта 1940 г. заключило мирный договор с Финляндией. Уже после его подписания в выступлениях соратников Сталина и в пропагандистских материалах выражалось «сожаление по поводу того, что финская территория не была занята полностью» (с. 212). Война против Финляндии была серьезным испытанием не только боеспособности Красной армии, но и действенности советской пропаганды. Проявилась «порочность прежних установок о военной слабости потенциального противника, расчета на молниеносные боевые действия “малой кровью”, “на чужой территории”», провалились «замыслы идеологического обеспечения “экспорта” революции в Финляндию» (с. 215).

В пятой главе анализируется деятельность советских пропагандистских органов накануне нападения Германии на СССР. В марте-апреле 1940 г. ЦК ВКП(б) совместно с военно-политическим руководством предприняли широкую кампанию по изучению опыта Зимней войны. В ходе этих мероприятий большое внимание уделялось проблемам пропаганды, агитации и военной идеологии. Нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов был вынужден признать «недостаточно серьезное отношение военного ведомства ко всем мероприятиям», связанным с подготовкой военных действий.

А Сталин посчитал, что «приспособиться к трудным условиям, в которых развернулась кампания Красной армии против Финляндии, помешала прежде всего “шапкозакидательская психология”, возникшая в результате эйфории от антипольского похода 1939 г.» (с. 217). Он заметил, что современная война требует политически грамотных, стойких и знающих военное дело политработников.

Работу по обобщению итогов Зимней войны проводил ряд комиссий, в том числе комиссия Главного военного совета под председательством Ворошилова, созданная 21 апреля 1940 г. Были сделаны выводы о том, что в Красной армии слабо изучается военная история, в особенности русская, неудовлетворительно поставлено изучение опыта армий возможного противника, театров военных действий и т.д. Предлагалось «избавиться от “культа гражданской войны”, искоренить представление о непобедимости Красной армии, всемерно бороться с зазнайством, шапкозакидательскими настроениями» (с. 226).

С осени 1940 г., в особенности после поездки Молотова в Берлин, отношения СССР с Германией становились все более напряженными. Выступления соратников Сталина нацеливали на осознание всей сложности создавшейся ситуации. Уже с лета 1940 г. пропагандистские структуры стали активнее добывать антигерманские материалы. Начались разговоры о приближающейся войне, ходили слухи, что «участвовавшие в праздничном первомайском параде войска направляются в Минск, Ленинград и на польскую границу» (с. 270).

Шестая глава посвящена советской политико-идеологической кампании мая–июня 1941 г. 5 мая этого года Сталин побывал на приеме представителей высшего командования РККА и РКВМФ, профессуры и выпускников военных вузов. Он произнес сорокаминутную речь, посвященную международной обстановке и оценке состояния боеспособности Красной армии с краткой характеристикой Вермахта. Сталин утверждал, что «процесс перевооружения Красной армии завершен, в результате чего она стала современной армией» (с. 273). Он перечислил также достоинства Вермахта и недостатки его военных противников. Часть его речи касалась оценок дальнейших перспектив мировой войны. Сталин заявил, в частности, что, несмотря на несомненные успехи Германии, ее ждет «большая борьба». На вопрос о непобедимости германской армии вождь отвечал резко отрицательно. Перспективы дальнейшего хода войны для Германии он обрисовал как безрадостные. В конце речи

Сталин подытожил свои утверждения относительно причин успеха военных действий Германии в Европе. Он дал понять, что «не следует преувеличивать силу и мощь германской армии, которая одерживала победы по преимуществу по причине военной слабости и неподготовленности к войне своих противников, в первую очередь – Франции» (с. 277).

В.А. Невежин приходит к выводу о том, что Сталин «в своей речи перед выпускниками военных академий РККА явно стремился скрыть раздражение (если не сказать больше) от военных побед германской армии» (с. 279). Его выступление явилось «посылом сверху», послужившим сигналом к развертыванию политико-идеологической кампании под лозунгом наступательной войны. Важную роль сыграла также последовавшая за ним публикация «Опровержения ТАСС» от 9 мая 1941 г., в котором приводились сообщения из зарубежных СМИ о концентрации крупных воинских соединений Красной армии на западных границах СССР и утверждалось, что на деле никаких перебросок советских войск к западным границам не производится. Продолжением стал выход в свет письма Сталина с оценкой статьи Энгельса «О внешней политике русского царизма», в которой подчеркивалась «ошибочность» высказываний Энгельса о желательности поражения России в грядущем вооруженном столкновении с Германией. Предпринимались также меры по организации съемок фильмов военной тематики и т.п. Автор говорит о том, что кампания мая–июня 1941 г. не приняла больших размеров и не достигла своей цели. Он пишет, что «в сложнейшей международной обстановке следовало соблюдать строгую конспирацию» (с. 311). В конечном счете кампания была прервана начавшейся войной. Проекты директивных материалов, «в основу которых был положен лозунг “наступательной войны”», оказались не востребованными и сданы в архив» (там же).

В заключении В.А. Невежин приходит к выводу о том, что «конец 1930-х – начало 1940-х гг. – важная веха в развитии сталинской системы в целом и ее пропагандистского механизма в частности» (с. 312). В указанный период пропаганда использовалась как своеобразный «приводной ремень» между властной элитой и обществом для решения важных внутри- и внешнеполитических задач страны. Структура пропагандистских органов была весьма сложной, но централизованной и подчиненной лично Сталину. В середине 1930-х годов был выбран курс на противостояние с германским нацизмом, в том числе в идеологической сфере. Одна-

ко в связи с «дружбой» между СССР и Германией последняя перестала изображаться в открытой пропаганде как потенциальный враг Советского Союза. Накануне нападения Германии выявился зазор между «оборонительными» установками военного руководства и «наступательным» настроением, распространявшимся пропагандой. Начавшаяся в мае 1941 г. новая политико-идеологическая кампания была прервана нападением Германии на Советский Союз. Ее пропагандистские наступательные лозунги «в конце июня 1941 г. сменились на сугубо оборонительные» (с. 316).

О.В. Бабенко

Чубарьян А.О.

**КАНУН ТРАГЕДИИ: СТАЛИН И МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КРИЗИС: СЕНТЯБРЬ 1939 – ИЮНЬ 1941 г. –
М.: НАУКА, 2008. – 476 с.**

(Реферат)

Монография директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна посвящена одному из наиболее сложных и неоднозначных периодов российской истории – кануну Отечественной войны 1941–1945 гг. Целью своего исследования Чубарьян считает не ввод в оборот новых источников, а скорее новую интерпретацию уже накопленного учеными материала, поскольку большинство работ по рассматриваемой проблематике, вышедших в последние годы, представляются ему хотя и чрезвычайно ценными, но все же излишне политизированными и, как следствие, несколько односторонними. Освещение событий в книге начинается с сентября 1939 г., когда разразилась Вторая мировая война и началась практическая реализация положений советско-германского пакта о разделе Восточной Европы между нацистским Рейхом и Советским Союзом. К этому документу автор так или иначе возвращается на всем протяжении своей работы, поскольку вплоть до июня 1941 г. «над всеми событиями витала тень пакта Молотова – Риббентропа, который практически определял советскую политику в этот период» (с. 16).

Одна из основных трудностей при изучении советской внешней политики конца 1930-х – начала 1940-х годов состоит, по словам автора, в том, что ключевые решения в этой области, насколько можно судить по имеющимся свидетельствам, принимались узким кругом лиц во главе со Сталиным без протоколов и не оформлялись в письменном виде. Даже в тех случаях, когда проводились официальные заседания Политбюро, его решения обычно содержали слишком общие формулировки; подробности их подготовки, обсуждения и принятия остаются недоступными для исследователей.

Тем не менее, настаивает Чубарьян, «многие зигзаги советской политики и реальные намерения руководства могут быть раскрыты из конкретных заявлений и действий Сталина, Молотова и советских дипломатов» (с. 18).

Источниковую базу исследования составили прежде всего документы советских высших партийных и государственных органов; в работе используются фонды РГАСПИ, ГАРФ, Архива внешней политики РФ, Архива Президента РФ, а также многочисленные документальные публикации. Кроме того, автор привлекает разнообразные зарубежные источники, прежде всего документы дипломатических ведомств Германии, Великобритании, Франции, США. Отдельную группу источников составляют документы Коминтерна. Используются и источники личного происхождения; автор особо выделяет дневники Г.М. Димитрова, содержащие чрезвычайно интересный материал о советской политической «кухне» в изучаемый период; используется в работе и обширная мемуарная литература.

Книга состоит из подробного введения и 15 глав, разделенных на две части. Первая часть охватывает период с сентября 1939 по начало весны 1940 г. В ней прежде всего детально прослеживается процесс выработки нового внешнеполитического курса СССР после подписания 23 августа 1939 г. пакта Молотова – Риббентропа. Автор анализирует развитие политических и экономических отношений между Советским Союзом и Германией, показывает реакцию в мире на поворот в советской внешней политике. Рассматривается также дальнейшее развитие отношений между СССР и западными демократиями в новых условиях осени 1939 г. Отдельные главы посвящены разделу Польши, присоединению к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, заключению договоров о взаимопомощи с прибалтийскими республиками, переговорам о статусе Турции, событиям Зимней войны.

По мнению автора, переориентация советской внешней политики в сторону соглашения с Германией наметилась на рубеже 1938–1939 гг. под впечатлением от Мюнхена, резко усилившим недоверие Сталина к Великобритании и Франции и породившим в СССР опасение сговора между ними и Третьим рейхом. Первоначально речь, по-видимому, шла лишь о корректировке внешнеполитического курса с целью «уравновесить» контакты с Англией и Францией развитием отношений с Германией. Идеологической стороне проблемы с самого начала не придавалось существенного значения. «Для сталинизма, – отмечает автор, – был характерен

прикладной и весьма прагматический подход к идеологическим представлениям. Как показывают многочисленные примеры, Сталин легко менял идеологические приоритеты, если они не соответствовали его общим и часто весьма практическим планам и устремлениям» (с. 26). «Сигналом» Гитлеру стала речь Сталина на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г., однако еще до этого Гитлер на приеме в Берлине в январе того же года «публично и демонстративно беседовал с советским послом, в контакты с которым он до этого не вступал» (с. 25). Стремление к сближению, таким образом, было обоюдным, поскольку Германия готовилась к войне с Польшей.

Ситуация изменилась летом 1939 г., когда Германия в преддверии нападения на Польшу усилила нажим на СССР, стремясь как можно быстрее заключить с ним договор на максимально выгодных для него условиях. Сталин продолжал переговоры с Великобританией и Францией, однако к их скорейшему успешному завершению, по мнению автора, не прилагала достаточных усилий ни одна из сторон. Более того, поскольку СССР уже вел активные переговоры с Германией по экономическим вопросам, маловероятно, чтобы он вообще допускал возможность вступления в военный союз против нее. Интересно, что камнем преткновения на англо-франко-советских переговорах уже тогда оказались настойчивые требования советской стороны о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии, т.е. СССР уже тогда стремился усилить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе, хотя более определенных данных у историков пока нет. В этой ситуации речь шла уже не о том, чтобы «уравновесить» отношения с Англией и Францией отношениями с Германией, а о выборе между ними, причем немцы, похоже, не скрывали от советской стороны, что нападут на Польшу уже совсем скоро. При этом Гитлер предложил Советскому Союзу фактический раздел Восточной Европы, что означало бы такое усиление позиций СССР, о каком он не мог и мечтать в 1920–1930-е годы. Таким образом, Сталин, по-видимому, выбрал соглашение с Германией как более выгодное и надежное, не заботясь о правовой и моральной сторонах вопроса.

Автор показывает, что, поскольку заключение пакта с Германией было явной неожиданностью для советского руководства (вне зависимости от того, кому в действительности первому пришла в голову сама идея о «сферах интересов»), план его реализации, в том числе и новую позицию по отношению к странам Прибалтики, пришлось выработать буквально «на ходу», в условиях начав-

шейся войны в Европе. Очевидно, осенью 1939 г. в Москве еще не планировали осуществить советизацию прибалтийских республик, посчитав заключение с ними договоров о взаимопомощи достаточной мерой для их вовлечения в орбиту советской политики. Автор отмечает, однако, что уже в этот период переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой велись в ультимативном тоне, с позиции силы, не считаясь с собственными интересами этих стран. Интересно, что сценарий, аналогичный прибалтийскому, по-видимому, предполагалось реализовать и в Финляндии, что было явной ошибкой, ибо последняя, как отмечает Чубарьян, находилась в гораздо более выгодном положении, нежели Эстония, Латвия и Литва; следствием этого, а также царивших в Кремле шапкозакидательских настроений, стала Зимняя война, которая не только привела к большим человеческим жертвам, но и (что, очевидно, было важнее для сталинского руководства) ощутимо подорвала престиж Советского Союза, привела к его исключению из Лиги Наций и серьезным осложнениям в отношениях с Францией и Великобританией.

Анализируя ход и результаты советско-германских переговоров 27–28 сентября 1939 г., завершившихся подписанием 28 сентября Договора о дружбе и границе, автор приходит к выводу, что «Сталин спустя месяц после подписания договора с Германией о ненападении явно переступил грань чисто дипломатических отношений. <...> Поздравления Москвы по случаю взятия немцами Варшавы и совместный военный парад в Бресте свидетельствовали о выходе за рамки необходимых формальностей и о курсе на сближение с нацистским руководством» (с. 107). Описывая далее советско-германские отношения в октябре 1939 – феврале 1940 г., Чубарьян констатирует, что обе стороны действовали предельно прагматично, вплоть до цинизма. Гитлер стремился предотвратить вступление СССР в войну, добиться с его стороны более активных антибританских действий, в кратчайшие сроки получить от него крупные военные поставки. Сталин преследовал аналогичные цели – в кратчайшие сроки получить поставки немецкого оборудования и вооружения и по возможности сохранить свой нейтралитет. При этом германская сторона могла позволить себе намеки на то, что Советский Союз и так уже достаточно много получил от сотрудничества с Рейхом (имелись в виду Прибалтика и прежде всего Польша, в войне с которой РККА почти не участвовала, хотя СССР и получил Западную Украину и Западную Белоруссию), и напоминания о том, что Германия ведет войну и ее экономические возможности огра-

ничены; фактически таким образом немцы несколько раз «ставили на место» советских дипломатов, причем довольно жестко. СССР, со своей стороны, не менее жестко пресекал любые попытки германского вмешательства в прибалтийские и финские дела, опираясь на пакт Молотова – Риббентропа. Тем не менее обе стороны по-прежнему были заинтересованы в помощи друг друга и до поры находили компромиссные решения.

В заключительной главе первой части автор анализирует изменения в советской идеологии и пропаганде на протяжении 1939 – первой половины 1940 г. Поскольку наметившееся улучшение отношений с Германией вплоть до августа 1939 г. воспринималось в Москве лишь как определенная корректировка внешнеполитического курса, оно не сопровождалось отказом от антифашистской пропаганды. Однако в конце августа – начале сентября официальная идеология была кардинально пересмотрена, причем, как отмечает автор, Сталиным в сложившейся ситуации был избран самый крайний из возможных вариантов, предполагавший не только полное свертывание антифашистской и антигерманской пропаганды, но и начало фактического оправдания нацистской идеологии, а также переориентацию деятельности зарубежных компартий на борьбу не с фашизмом, а с социал-демократией, что перечеркивало все достижения 1930-х годов в области совместного с социал-демократами противодействия фашизму в рамках народных фронтов. Автор специально отмечает, что «подобная тактика помимо пренебрежения интересов и положения компартий была в какой-то мере еще и лишена здравого смысла, отстраняя те силы в странах Европы, которые Москва при случае могла бы использовать для своих интересов в качестве противовеса Германии» (с. 234). Не менее жесткую критику вызывает у него и наметившаяся тенденция к оправданию и защите нацистского режима и его идеологии. «Брать на себя функцию защиты гитлеризма как идеологии, – подчеркивает Чубарьян, – было не просто бессмысленно и непонятно, но и крайне вредно для самого Советского Союза» (с. 237).

Вторая часть монографии посвящена событиям мая 1940 – июня 1941 г. Стремительный разгром Франции в мае–июне 1940 г. кардинально изменил ситуацию в советско-германских отношениях. В сложившейся обстановке Германии предстояло определить направление дальнейших усилий: либо вторжение на Британские острова, либо установление контроля над Балканами, либо война с СССР, сокрушение которого по-прежнему оставалось одной из

главных целей нацистского режима. Советская сторона, напротив, оказалась в затруднительном положении, поскольку прежняя идея Сталина находиться «над схваткой» и использовать в своих интересах войну между двумя коалициями капиталистических стран уже не могла быть реализована. Тем самым Германия получила возможность проводить более решительную политику на востоке и юго-востоке Европы, не считаясь с позицией СССР. Это понимали и в Москве. Именно с описанными переменами в международной обстановке было, по мнению автора, связано решение сталинского руководства об окончательном присоединении Прибалтики к Советскому Союзу, а также об отторжении от Румынии Бессарабии и Северной Буковины; по-видимому, в новых условиях советская сторона стремилась как можно быстрее окончательно реализовать все возможности, вытекавшие из пакта Молотова – Риббентропа, из опасения, что в будущем такие шаги могут натолкнуться на противодействие Германии. Как показали дальнейшие события, такие как ввод немецких войск в Финляндию, относившуюся к советской «сфере интересов», эти опасения не были лишены оснований.

Присоединению прибалтийских республик к СССР посвящена первая глава второй части. Далее автор подробно рассматривает развитие напряженности в советско-германских отношениях во второй половине 1940 – первой половине 1941 г. и, в частности, анализирует итоги поездки Молотова в Берлин, определившей новые установки Кремля в отношении Германии. Описываются также маневры в Лондоне и реакция Москвы на перспективы советско-английских отношений. Значительное внимание уделяется противоборству великих держав на Балканах, куда все больше смещались интересы воюющих сторон. В завершающих главах рассматриваются внешнеполитические усилия советского руководства и меры, предпринимаемые внутри страны, в связи с нарастающей угрозой войны с Германией.

Процесс окончательного присоединения Прибалтики к Советскому Союзу начался уже в конце мая 1940 г., практически сразу после выхода германских войск к Ла-Маншу, и завершился спустя два месяца: 21–22 июля вновь избранные парламенты Эстонии, Латвии и Литвы приняли решение просить Верховный Совет СССР включить свои страны в состав Советского Союза в качестве союзных республик, а 1–6 августа на заседании VII сессии Верховного Совета эта просьба была удовлетворена. Таким образом, вхождение трех республик в состав СССР было оформлено как добровольная

инициатива с их собственной стороны, хотя очевидно, что такой исход был фактически predetermined, поскольку выборы 14 июля проходили по советскому образцу, на безальтернативной основе. Вместе с тем нельзя не признать, что позиции левых в Прибалтике были в этот период довольно сильны и часть населения относилась с симпатией к Советскому Союзу вследствие непростой экономической и политической ситуации в самих прибалтийских республиках.

Германия летом 1940 г. приступила к подготовке нападения на СССР; нацистское руководство отказалось от вторжения на Британские острова, ограничившись лишь массированными воздушными налетами. В этих условиях политика Берлина в отношении Москвы была направлена прежде всего на то, чтобы «притупить бдительность Сталина и выжать из сотрудничества с ним все, что было возможно» (с. 346). «Что касается Сталина и его окружения, — продолжает автор, — то, может быть, они и понимали реальные цели Гитлера, но в практическом плане вплоть до конца 1940 г. следовали курсу, взятому в августе–сентябре 1939 г., не делая попыток более гибко подойти к отношениям с Германией» (с. 346). Лишь неудачная поездка Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. отчетливо показала, что возможности дальнейшего сотрудничества с Рейхом исчерпаны.

Летом–осенью 1940 г. Германия активизировала свои усилия на Балканах, стремясь поставить этот стратегически важный регион под свой контроль, вытеснив из него Великобританию и СССР. Советская дипломатия, со своей стороны, тоже старалась расширить здесь свои позиции. Вследствие недостаточно продуманной политики Москвы в регионе эти планы потерпели крах. Весной 1941 г., после разгрома Югославии, Балканские страны окончательно перешли под контроль Германии, которая таким образом обеспечила себе южный стратегический фланг в будущей войне против СССР.

Попытки Великобритании улучшить отношения с Советским Союзом, предпринимавшиеся на протяжении 1940 – первой половины 1941 г., окончились неудачей. В Москве явно опасались раздражать Берлин, сказывалась и известная англофобия Сталина. Тем не менее англо-советские контакты продолжались, и на следующий же день после нападения Германии на СССР Черчилль заявил о сотрудничестве с ним в общей борьбе против нацизма. В советско-американских отношениях в этот же период стороны также занимали по преимуществу выжидательную позицию. Советско-япон-

ские контакты увенчались подписанием в апреле 1941 г. договора о нейтралитете; это давало Японии возможность дальнейшего продвижения на юг и облегчало подготовку к войне против США, тогда как СССР обеспечил относительную безопасность своих дальневосточных границ. На рубеже 1940–1941 гг. советское руководство, по мнению автора, приняло решение о непосредственной подготовке к большой войне с Германией, параллельно продолжая попытки оттянуть конфликт, чтобы завершить намеченные мероприятия по перевооружению и реорганизации Красной армии. Однако необходимые меры по разворачиванию войск и их приведению в боевую готовность принимались со значительным опозданием; автор объясняет это уверенностью Сталина в том, что в 1941 г. войны удастся избежать.

Таким образом, по мнению Чубарьяна, СССР на протяжении 1939 – первой половины 1941 г. проводил, с определенными оговорками, «реальный» внешнеполитический курс, т.е. стремился реализовать собственные имперские цели, не считаясь ни с международным правом, ни с моралью, ни с интересами других стран, ни с общественным мнением. Советско-германский договор о ненападении, к тому же сопровождавшийся секретным протоколом о разделе «сфер интересов» в Восточной Европе, не был обусловлен объективной необходимостью: Сталин принял решение об улучшении отношений с Германией еще на рубеже 1938–1939 гг., под влиянием Мюнхена, а в августе 1939 г. Гитлер предложил ему гораздо более выгодные условия, чем могли предложить Лондон и Париж. Перелом в советско-германских отношениях наступил после поражения Франции: теперь Советский Союз уже не мог использовать выгоды своего прежнего положения «над схваткой», а Германия могла позволить себе действовать, не считаясь с позицией СССР. После того как советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 г. показали, что возможности для мирного диалога окончательно исчерпаны, советское руководство перешло к непосредственной подготовке к войне с Рейхом. Тем не менее нападать на Германию первым Сталин, по мнению автора, не собирался, а напротив, стремился отсрочить начало войны до более благоприятного момента. Таким образом, главная ошибка советского диктатора состояла в том, что в 1939 г. он стремился наладить слишком тесные отношения с Германией – вплоть до выступлений в защиту нацизма и переориентации иностранных компартий на борьбу с социал-демократами, а не с фашизмом, – и не предпринял никаких

усилий к тому, чтобы уравновесить партнерство с Третьим рейхом конструктивными отношениями с западными демократиями. Как следствие, СССР сделался своеобразным заложником германской политики и в критический момент – во второй половине 1940 – первой половине 1941 г. – оказался в изоляции.

М.М. Минц

Мельтюхов М.И.

**УПУЩЕННЫЙ ШАНС СТАЛИНА: СХВАТКА ЗА ЕВРОПУ,
1939–1941 гг.: (ДОКУМЕНТЫ, ФАКТЫ, СУЖДЕНИЯ). –
3-е изд., испр. и доп. – М.: ВЕЧЕ, 2008. – 539 с.: ил.**

(Реферат)

Фундаментальная монография М.И. Мельтюхова, выдержавшая за последние несколько лет уже три издания, посвящена внешней и военной политике Советского Союза в 1939–1941 гг. Автор отмечает, что процесс «освоения» историками огромного массива архивных материалов, ставших доступными для исследования в постсоветский период, находится еще по преимуществу на начальной стадии и к тому же осложняется инерцией теоретических подходов, господствовавших в советские годы. Поэтому основной целью книги является не столько ввод в оборот новых документов, сколько беспристрастный анализ и комплексное осмысление уже известных источников. С этой же целью Мельтюхов старается воздерживаться и от оценочных суждений, ограничившись лишь сугубо аналитическими задачами (реконструкция собственно происходивших событий и их внутренней механики) и предоставив читателю возможность определиться со своими оценками самостоятельно. Значительное внимание в монографии уделяется анализу существующих в науке точек зрения по различным интересующим автора вопросам; таким образом, исследование находится на стыке конкретно-исторического и историографического жанров.

Источниковую базу работы составили документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), а также

многочисленные документальные публикации и воспоминания участников событий.

Монография состоит из введения, 12 очерков (глав), описывающих различные аспекты советской внешней и военной политики 1939–1941 гг., и заключения. Каждый из очерков представляет собой относительно самостоятельное произведение, посвященное определенной проблеме. Мельтюхов отмечает, что, таким образом, «попытка рассмотреть разные стороны истории этого периода предопределила некоторую мозаичность исследования, которая тем не менее, как надеется автор, не помешает целостному восприятию рассматриваемых в нем проблем» (с. 11). Книга снабжена довольно объемными приложениями, содержащими справочные сведения о советских вооруженных силах на протяжении 1930-х – начала 1940-х годов и некоторые другие.

В первом очерке – «На пути к войне» – описывается общее развитие международных отношений на протяжении 1920–1930-х годов. Автор подробно прослеживает процесс эволюции Версальско-Вашингтонской системы и ее постепенного распада, анализирует его причины. К концу 1930-х годов в результате целого ряда серьезных внешнеполитических кризисов в Европе и Азии эта система фактически прекратила свое существование, что, по мнению Мельтюхова, неизбежно вело к новой мировой войне, поскольку многочисленные конфликты интересов между великими державами делали невозможными достижение взаимоприемлемого компромисса и построение новой системы международных отношений путем переговоров. Автор не затрагивает идеологические и культурно-ценностные основы внешней политики, ограничиваясь анализом экономических процессов и геополитических механизмов.

Во втором очерке – «Политический кризис 1939 г.» – рассматривается стремительное обострение международной обстановки в последние предвоенные месяцы, анализируется процесс формирования англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. В числе прочего описывается ход неудачных англо-франко-советских переговоров, а также советско-германского сближения, увенчавшегося 23 августа 1939 г. заключением пакта Молотова – Риббентропа.

Следующие три очерка – «Сентябрь 1939 года», «Советский Союз и борьба за Скандинавский плацдарм» и «Наращивание советского военного присутствия в Прибалтике» – посвящены советской экспансии в Восточной Европе осенью 1939 – летом 1940 г. на основе этого пакта. Основной акцент автор делает на параллельном

анализе внешнеполитических и военных мероприятий советского руководства. В частности, подробно описываются не только советско-германские контакты в период германо-польской войны, советско-финские переговоры осенью 1939 и весной 1940 г., переговоры между СССР и прибалтийскими республиками, завершившиеся размещением на их территории советских войск в 1939 г. и присоединением этих стран к Советскому Союзу в 1940 г., но и боевые действия Красной армии в Польше и Финляндии, а также подготовительные мероприятия советской стороны на случай войны со странами Балтии. Предыстория и история советско-финляндской (Зимней) войны и последующее развитие советско-финских отношений рассматриваются на общем фоне борьбы великих держав за важный в геостратегическом плане Скандинавский регион, включавшей в себя также захват немцами Дании и Норвегии и фактический переход Швеции в зону влияния Германии при формальном сохранении нейтралитета.

Тему советской экспансии продолжает очерк «Советский Союз и борьба за Балканы». Юго-восток Европы с началом Второй мировой войны стал ареной ожесточенного дипломатического, а затем и вооруженного противоборства между англо-французской, германо-итальянской коалициями и СССР за влияние в регионе. В этом контексте, а также с учетом общей обстановки в Восточном Средиземноморье, автор рассматривает присоединение к Советскому Союзу Бессарабии и последующие попытки советской дипломатии расширить свое влияние в Балканских странах. Хотя эти попытки и не имели успеха, нападение Германии на Югославию, по мнению Мельтюхова, было в целом на руку Москве, поскольку делало практически невозможным примирение между Третьим рейхом и Великобританией. Подчеркнуто лояльное отношение СССР к германским интересам в Юго-Восточной Европе весной 1941 г. автор склонен объяснять не надеждами Сталина на «умиротворение» Германии, а скорее, его стремлением способствовать дальнейшему расширению германо-английского конфликта.

В следующем очерке – «Советский Союз между Англией и Германией» – показано развитие отношений в треугольнике Лондон – Берлин – Москва на протяжении второй половины 1939 – первой половины 1941 г. По мнению Мельтюхова, советскую внешнюю политику в этот период можно считать вполне успешной: СССР сумел довольно эффективно использовать противоречия между англо-французским блоком и Германией для удовлетво-

рения собственных захватнических интересов в рамках пакта Молотова – Риббентропа и в то же время продолжал поддерживать, хотя и весьма ограниченные, контакты с Лондоном, которые могли пригодиться в случае войны с Германией. В конце 1940 г. Советский Союз и Германия развернули непосредственную подготовку к войне между собой; в этих условиях деятельность как советской, так и немецкой дипломатии была направлена на то, чтобы «создать наиболее выгодные условия для ведения войны и обеспечить проведение последних военных приготовлений в тайне от противника, чтобы нанести внезапный удар и захватить стратегическую инициативу с самого начала войны» (с. 221).

Четыре очерка посвящены военной политике СССР в предвоенный период. В очерке «Советская разведка и проблема внезапного нападения» описывается деятельность советской разведки в 1939–1941 гг. Автор, в частности, показывает, что поступавшие в Москву сведения о германских военных приготовлениях были довольно фрагментарны и далеко не столь однозначно свидетельствовали о намерениях Гитлера совершить агрессию против СССР, как принято считать. Сыграла свою роль и проводимая нацистами дезинформационная кампания. В этих условиях Сталину показались более достоверными те сообщения разведки, из которых следовало, что в 1941 г. нападение Германии маловероятно. В очерке «Красная армия перед войной: организация и кадры» подробно анализируется советское военное строительство в предвоенные годы. В очерке «Советское военное планирование в 1940–1941 гг.» автор внимательно разбирает опубликованные к настоящему моменту стратегические, оперативные, мобилизационные планы и планы прикрытия границы, разработанные накануне войны с Германией. Проведенный им анализ показывает, что планы эти с самого начала были выдержаны в наступательном духе и рассчитаны не на отражение вражеского нападения, а на начало войны по инициативе СССР. В очерке «Оценка советским руководством событий Второй мировой войны в 1939–1941 гг.» анализируются различные материалы, главным образом пропагандистского характера, позволяющие понять, как в Москве оценивали международную обстановку, положение на фронтах начавшейся Второй мировой войны, перспективы ее дальнейшего развития, возможности воюющих государств. По мнению Мельтюхова, эти материалы свидетельствуют о том, что советское руководство, вопреки распространенным в историографии представлениям, не испытывало страха перед военной

мощью Германии и было вполне уверено в боевых возможностях Красной армии. В последние месяцы перед нападением немцев советская пропаганда постепенно начала подготавливать население к возможному началу большой войны (наступательной) с Третьим рейхом.

В последнем очерке рассматриваются мотивы нацистского руководства при подготовке нападения на СССР, кратко описываются разработка планов агрессии и последующее развертывание войск, анализируется соотношение сил между Вермахтом и Красной армией на Восточном фронте к утру 22 июня 1941 г.

Подводя в заключении общие итоги своего исследования, автор отмечает, что «рассмотрение на широком фоне военно-политических проблем кануна Великой Отечественной войны с учетом новейшей историографии и ставших доступными для исследователей документов показывает, что созданная еще в советский период концепция событий 1939–1941 гг. нуждается в существенной модернизации. Прежде всего следует отрешиться от навешенной советской пропагандой совершенно фантастической идеи о некоем патологическом миролюбии СССР» (с. 368). Мельтюхов настаивает, что в 1920–1930-е годы Советский Союз под лозунгом «мировой революции» фактически проводил империалистическую внешнюю политику, стремясь вернуть статус великой державы и восстановить позиции, утраченные Россией в результате революции и Гражданской войны. В условиях весны–лета 1939 г. договор с Германией показался Сталину более выгодным и надежным, нежели союз с Великобританией и Францией, что привело к заключению пакта Молотова – Риббентропа. Вторжение советских войск в Польшу в 1939 г., как и последующее нападение СССР на Финляндию, полностью подпадают под определение агрессии, содержащееся в Конвенции об определении агрессии 1933 г., предложенной именно советской стороной (с. 371). Странам Прибалтики договоры о взаимопомощи 1939 г., как и окончательное их присоединение к Советскому Союзу в 1940 г., были фактически навязаны силой, хотя до вооруженного столкновения дело не дошло и формально последнее слово в обоих случаях оставалось за правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, что позволяло объявить их согласие на советские условия добровольным.

Автор соглашается с существующей точкой зрения, согласно которой в 1939 г. Сталин рассчитывал использовать Германию для ослабления Великобритании и Франции, чтобы таким образом под-

готовить благоприятные условия для последующего советского вторжения в Европу. Еще со второй половины 1939 г. советские вооруженные силы и экономика фактически приступили к скрытному мобилизационному развертыванию, что, по мнению Мельтюхова, можно рассматривать как официальное начало подготовки к будущей войне с Третьим рейхом. Разработка стратегических планов на случай войны с Германией также началась уже осенью 1939 г.

Неожиданно быстрый разгром Франции в 1940 г. сорвал первоначальные планы советского руководства. Германия получила доминирующие позиции в Западной Европе, что значительно повышало вероятность военного конфликта между ней и СССР. Непосредственную подготовку к войне обе стороны развернули на рубеже 1940–1941 гг., после того как ноябрьские переговоры в Берлине показали невозможность нового советско-германского компромисса. Автор подчеркивает, что советское военное планирование в этот период, как и в 1939–1940 гг., исходило из того, что война с Германией начнется по инициативе СССР. В марте нападение было запланировано на 12 июня, но позднее было перенесено на более поздний срок – не ранее 15 июля. Это могло произойти в мае, в связи с полетом Гесса в Англию; Мельтюхов предполагает, что советское руководство решило дождаться результатов его миссии. Поскольку советской разведке так и не удалось своевременно сделать уверенное заключение о том, что Гитлер собирается напасть на СССР уже в 1941 г., Сталин вплоть до 22 июня был уверен, что в ближайшие месяцы агрессии со стороны Германии не последует, т.е. времени для подготовки к нападению на нее у советской стороны еще достаточно. Как следствие, к 22 июня 1941 г. советские войска, еще не завершившие стратегическое развертывание, были не готовы ни к наступлению, ни к обороне. О готовности СССР к нападению на Германию, по мнению автора, рассуждать бесполезно, поскольку оно так и не состоялось, хотя можно предполагать с достаточной степенью вероятности, что если бы не перенос сроков нападения с 12 июня на июль, то у Советского Союза были бы вполне реальные шансы выиграть войну уже в 1942 г.

Приведенные соображения позволяют взглянуть под новым углом зрения и на внешнеполитические перипетии конца 1940 – первой половины 1941 г. Так, хотя дипломатическое противоборство на Балканах весной 1941 г. было проиграно советской стороной, нападение Германии на Югославию было в целом на руку СССР, поскольку доказывало невозможность англо-германского компро-

мисса. Вопреки мнению ряда историков, Мельтюхов показывает, что в случае нападения Советского Союза на Германию примирение между ней и формирующейся англо-американской коалицией было практически исключено, так как и в Лондоне, и в Вашингтоне главным врагом в тот момент безусловно признавали не СССР, а Третий рейх. В то же время в мае-июне 1941 г. советская сторона действительно рассчитывала на возможность новых переговоров с Берлином (этому способствовала и проводимая нацистами дезинформационная кампания); такие переговоры позволили бы дополнительно прозондировать намерения гитлеровского руководства и выиграть время для подготовки к войне, а их срыв мог стать хорошим поводом для нападения на Германию.

Автор подчеркивает, что нацистская агрессия против СССР не может считаться превентивной войной, так как в Берлине не ожидали нападения с его стороны в 1941 г. В Москве также не ожидали нападения немцев в ближайшие месяцы, поэтому советские военные приготовления в равной степени не могут рассматриваться как подготовка к упреждающему удару с целью сорвать германскую агрессию. Поскольку советская сторона, не подозревая об истинных намерениях будущего противника, перенесла начало войны на июль, тогда как нацистское руководство уже назначило начало операции «Барбаросса» на 22 июня, немцам удалось опередить СССР. Растерянность советского командования 21–22 июня перед лицом германской агрессии только подтверждает, что планов оборонительной войны у СССР попросту не было.

В книге содержатся и некоторые выводы сугубо оценочного характера, вопреки декларируемому во введении намерению воздерживаться от таковых. В целом они сводятся к оправданию агрессивной политики Советского Союза в предвоенные годы. Экспансионизм и военная агрессия представляются автору едва ли не единственной формой соперничества государств на международной арене. Таким образом, заключает Мельтюхов, советский экспансионизм, в том числе и пакт Молотова – Риббентропа, также не следует считать чем-то предосудительным: «Конечно, Москва была заинтересована в отстаивании своих интересов, в том числе и за счет интересов других, но это, вообще-то, является аксиомой внешнеполитической стратегии любого государства. Почему же лишь Советскому Союзу подобные действия ставят в вину?» (с. 220–221, 370).

Автор категорически отрицает какую бы то ни было ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны: не он, а

Франция и Великобритания виноваты в срыве англо-франко-советских переговоров летом 1939 г., так же как не СССР, а Франция и Великобритания своей пассивной политикой подталкивали Германию к нападению на Польшу (с. 370).

Мельтюхов соглашается с тем, что у Советского Союза были законные права на территории, присоединенные к нему в 1939–1940 гг., поскольку существовавшие к 1939 г. границы были «навязаны ему в 1920–1921 гг.» (с. 370), а значительная часть указанных земель входила ранее в состав Российской империи «и была утрачена в годы Гражданской войны в результате внешней агрессии» (с. 371). «Применение термина “советская агрессия” к оккупированной Румынией территории Бессарабии, – продолжает автор, – вообще невозможно. Вступлению же Красной армии на территорию Северной Буковины предшествовали дипломатические переговоры, завершившиеся согласием румынской стороны с советским вариантом решения Бессарабского вопроса. <...> В этом смысле невозможно не присоединиться к мнению Н.М. Карамзина: “Пусть иностранцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое”» (с. 371).

Наконец, нападение на Германию в 1941 г. дало бы СССР «благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране» (с. 385). Кроме того, победа в такой войне, по мнению автора, была бы благом для всего мира, поскольку с большой долей вероятности привела бы к созданию советского сверхгосударства на значительной части Старого Света (а возможно, и Нового), что открывало бы довольно широкие возможности для дальнейшего развития, в том числе для того, чтобы в перспективе превзойти Америку по уровню жизни. «Сегодня совершенно очевидно, – заключает Мельтюхов, – что создание подобного Государства на основе русской советской традиции всеединства и равенства разных народов в гораздо большей степени отвечало интересам подавляющего большинства человечества, нежели реализуемая ныне расистская по своей сути модель “нового мирового порядка” для обеспечения интересов “золотого миллиарда”» (с. 382).

М.М. Минц

Мэрфи Д.Э.
ЧТО БЫЛО ИЗВЕСТНО СТАЛИНУ:
ТАЙНА «БАРБАРОССЫ»
(Реферат)

Murphy D.E.

WHAT STALIN KNEW: THE ENIGMA OF BARBAROSSA. –
New Haven; L.: Yale univ. press, 2005. – XXIV, 310 p.

В своей книге Дэвид Э. Мэрфи – кадровый офицер разведки, бывший шеф резидентуры ЦРУ в Западном Берлине в конце 1950-х – начале 1960-х годов, специалист по Германии и Советскому Союзу, анализирует работу советской разведки накануне Отечественной войны и реакцию сталинского руководства на поступающие сведения о военных приготовлениях Германии. Автор стремится прежде всего найти ответ на вопросы, почему Советский Союз, несмотря на свою военную мощь и начавшуюся милитаризацию экономики, оказался не готов к нацистской агрессии и почему Сталин отказывался верить сообщениям своей разведки о подготовке Третьего рейха к нападению на Советский Союз, будучи уверенным, что Гитлер не решится на такой шаг. Из всех российских архивов Мэрфи удалось поработать лишь в РГВА – с личным делом И.И. Проскурова. Все остальные архивы, включая не только Центральный архив СВР и Центральный архив ФСБ, но и Центральный архив Министерства обороны, для иностранцев оказались закрытыми; более того, автор столкнулся с тем, что ряд документов, уже опубликованных в 1990-е годы, были впоследствии засекречены повторно. Из-за описанных сложностей при работе над книгой Мэрфи вынужден был в основном ограничиться опубликованными материалами. Книга состоит из введения, 22 глав и четырех приложений.

Многочисленные архивные документы, доклады из разных резидентур позволяют увидеть, насколько хорошо работала совет-

ская разведка, насколько точной информацией она обладала и в какой степени эта информация была проигнорирована. Автор подчеркивает, что в течение всего предвоенного периода разведка доносила о готовящихся планах Гитлера лично Сталину, который получал сведения из многих, совершенно друг от друга не зависящих, источников, однако доверия полученная информация не вызвала. Автор высказывает предположение, что если бы Сталин прислушался к своей разведке, он был бы в состоянии заблаговременно принять все необходимые меры, которые позволили бы отразить германскую агрессию с гораздо меньшими потерями или даже предотвратить ее. Но в системе, где все зависело от одного человека, этот человек, даже имея огромную власть и широчайшие возможности, не мог справиться с валом подчас противоречивых данных, поневоле оказывая предпочтение собственным субъективным предубеждениям.

Монография в значительной степени построена как анализ карьеры трех офицеров советской разведки: Ивана Иосифовича Проскурова и Филиппа Ивановича Голикова (начальников Разведывательного управления Генерального штаба соответственно в 1939–1940 и в 1940–1941 гг.), а также Павла Михайловича Фитина (начальника Иностранного отдела ГУГБ НКВД – 1-го управления НКГБ в 1939–1946 гг.). Это позволяет Мэрфи показать детальную картину работы различных структур по получению разведывательной информации.

Анализируя карьеру И.И. Проскурова, героя войны в Испании, талантливого военного летчика, автор характеризует его как человека, отличавшегося независимостью суждений и поступков. До 1939 г. Проскуров не имел опыта разведывательной деятельности; его назначение начальником Разведуправления РККА было мотивировано в значительной степени стремлением повысить боевой дух сотрудников армейской разведки, подорванный чистками. Отсутствие связей с кем бы то ни было из «старой гвардии» также делало его кандидатуру весьма привлекательной, однако то, что Проскуров никогда не скрывал правды в своих донесениях, не всегда ценилось руководством СССР. Именно Проскуров 17 мая 1939 г. отправил Сталину знаменитую шестистраничную записку «Будущие агрессивные планы фашистской Германии по оценке чиновника Министерства иностранных дел Клейста», составленную благодаря работе варшавской резидентуры. Петер Клейст, бывший у министра Риббентропа главой восточного департамента, выступая перед

высшими чинами немецкого посольства в Варшаве, говорил о том, что «укрепление позиций Германии на востоке должно быть достигнуто любыми средствами» (с. 15). Имелось в виду скорое нападение на Польшу, которое должно было включать в себя, помимо собственно военных мер, также существенное давление на мировое общественное мнение (предполагалось добиться невмешательства США и СССР). После уничтожения польского государства очередными военными противниками Германии должны были стать Великобритания и Франция, и лишь после этого – СССР. Мэрфи утверждает, что Сталин уделил большое внимание этой записке, так как счел ситуацию благоприятной для заключения соглашения с Гитлером.

Автор не соглашается с распространенной точкой зрения, согласно которой политика умиротворения Германии преследовала цель направить нацистскую агрессию на восток: по его мнению, государства Западной Европы лишь стремились избежать новой мировой войны. Однако «ослепленный идеологией марксизма-ленинизма и конспирологическим складом своего ума вождь едва ли мог судить о вопросах внешней политики» (с. 95). В этой ситуации, по мнению Мэрфи, ему была свойственна патологическая антипатия к будущим союзникам по антигитлеровской коалиции, базирующаяся на предубеждении об их общей непримиримой враждебности по отношению к СССР. Оторванность генсека от европейских реалий, его подозрительность и недоверчивость окрашивали весь период с 1 сентября 1939 до 22 июня 1941 г.

Кратко описав внешнеполитическое развитие Европы 1930-х годов, Мэрфи обращает внимание на то, что побежденные в Первой мировой войне Германия и Россия сильнее всего пострадали и во Вторую мировую. В 1920–1930-е годы Сталин в условиях капиталистического окружения укрепил свою власть; Гитлер, придя к власти, постепенно избавился от ограничений Версальского договора. Соглашение между ними в 1939 г. сделало новую мировую войну неизбежной.

Гитлер под влиянием политики умиротворения, рассчитывал на нейтралитет Великобритании и Франции и в предстоящей германо-польской войне и стремился обеспечить также нейтралитет СССР. В свою очередь Сталин, который и сам не испытывал симпатий к польскому государству, опасался, что если он попытается помешать Германии завоевать Польшу, западноевропейские державы могут не оказать ему поддержки. В то же время нападение

Германии на Польшу могло спровоцировать большую войну между Рейхом и западными демократиями, которая, согласно марксизму в его сталинском понимании, могла, в свою очередь, создать в Европе революционную ситуацию и тем самым подготовить необходимые условия для расширения сферы влияния СССР. Именно желание сделать нападение Германии на Польшу неизбежным Мэрфи считает одной из основных мотиваций советского диктатора при заключении пакта Молотова – Риббентропа. Переговоры с Англией и Францией со стороны Сталина были лишь средством для давления на Берлин, чтобы добиться от Гитлера дополнительных территориальных уступок.

В этой связи стоит отметить, что, как признает сам автор, характеристика Сталина, данная в его книге, «входит в противоречие с той, которую отстаивают многие американские, европейские и российские историки» (с. 254). Мэрфи не согласен с представлением, будто Сталин был не революционером, а политиком-прагматиком, и настаивает, что «вождь народов», оставаясь убежденным коммунистом, лишь несколько ослабил революционную риторику из тактических соображений. Нацеленность диктатора на то, чтобы «добиваться истощения капиталистов/империалистов в войнах», автор считает проявлением ленинской идеологии, а не национализма или государственничества (с. 24). С этих позиций ему представляется, что для Сталина присоединение новых территорий было прежде всего «расширением границ социализма» (с. 29).

В то же время в военном отношении договор с Германией не столько усилил, сколько ослабил Советский Союз: на вновь захваченных территориях пришлось срочно строить новые укрепления и военную инфраструктуру, возникли дополнительные трудности с транспортом и снабжением, что было особенно актуально для советского военно-политического руководства в связи с его общим наступательным настроем. При этом СССР получил непосредственную границу с Третьим рейхом, а немецкие наблюдатели – удобную возможность отслеживать строительство советских укреплений.

Известную благожелательность, с которой жители вновь присоединенных к СССР территорий встречали красноармейцев, автор объясняет напряженными отношениями между поляками и местным населением; кроме того, жители Западной Украины вообще не имели опыта взаимоотношений не только с советским, но и с царским правительством, поскольку эти земли с 1772 по 1919 г. принадлежали Австрии. Однако ускоренная советизация «освобожденных» облас-

тей быстро привела к нарастанию антисоветских и соответственно прогерманских настроений, чем не замедлили воспользоваться нацисты: и до войны, и после ее начала использование агентов из числа местных жителей было важной частью их стратегии.

Автор также обращается к теме Зимней войны с Финляндией. Довольно подробно описан ход советско-финских переговоров осенью 1939 г., при этом упор сделан на постоянный рост запросов Сталина – от простого желания отодвинуть границу от Ленинграда до попыток создать просоветскую Финскую Демократическую Республику. Неудачный ход военных действий перечеркнул планы советизации Финляндии. Мэрфи особо отмечает, что финская война не только подорвала репутацию СССР на международной арене, но и сильнейшим образом повлияла на оценку немецкими генералами его военной мощи. «Козлом отпущения» был назначен в числе других и Проскуров, что было связано, помимо всего прочего, с различиями во взглядах между ним и Сталиным по поводу сути разведки и характера ее целей. Дни Проскурова на посту начальника Разведуправления, казалось, были сочтены. Вскоре, однако, началось наступление Вермахта на Западном фронте, разрушившее прежние планы советского диктатора, рассчитывавшего воспользоваться затяжной войной в Европе; в этих условиях генсек посчитал преждевременным убирать человека, который еще мог выяснить дальнейшие намерения Гитлера.

Д.Э. Мэрфи указывает на то, что в целом внешняя разведка и органы госбезопасности предоставляли высшему руководству достаточно данных о планируемой немцами агрессии, хотя сами немцы были уверены, что в Москве не замечают их военных приготовлений или, во всяком случае, не принимают их во внимание. Он описывает советских агентов, плодотворно работавших в Берлине, Хельсинки, Лондоне, Париже, Бухаресте, Праге, Белграде, Софии, Варшаве, и анализирует передаваемую ими информацию, показывая, что разведывательные сводки, поступавшие Сталину, хотя и были написаны на «марксистско-ленинском жаргоне» (с. 12), но все же так или иначе отражали реальность. К тому же, помимо добывания секретных сведений осуществлялось изучение иностранной прессы, общественного мнения за рубежом, военно-политической и военно-технической литературы из Германии и других стран. Таким образом был обнаружен в том числе изданный накануне войны и распространяемый в войсках Вермахта немецко-русский разговорник с фразами вроде «руки вверх», что показывало

его явно не туристическую направленность. Результаты допросов агентов германской разведки тоже указывали на неизбежность скорой войны. Однако, как показывает Мэрфи, лишь немногие профессионалы были готовы открыто говорить об опасности нападения немцев, тем более в письменном виде. Страх вызвать недовольство Сталина и навлечь на себя обвинения в паникерстве приводил к манипулированию информацией в отчетах, чтобы конечные выводы не слишком противоречили представлениям генсека и его окружения. Координация действий агентов нередко отсутствовала. Случались и задержки в доставлении корреспонденции адресатам, что наводит на мысли о том, что данная информация не воспринималась как срочная, хотя Мэрфи предполагает, что это могло быть следствием недостаточного профессионализма советских чиновников. В результате плохо организованной рассылки разведанных многие представители армейского командования не имели полной картины происходящего.

Особое внимание автора привлекает фигура Рихарда Зорге, агента в Токио, игравшего важную роль в системе разведки. Благодаря его деятельности в СССР поступала информация не только о германо-японских противоречиях, но и о нацистских планах и приготовлениях. Точная оценка численности находящихся на границе с Советским Союзом германских войск и даты вероятного вторжения – то немногое, чего удалось добиться Зорге в условиях подозрительного отношения к нему в Москве и уменьшения финансирования. Хотя именно он осенью 1941 г. передал в Москву материалы о том, что Япония не собирается вступать в войну против СССР, которые позволили перебросить значительные силы с Дальнего Востока к Москве в разгар операции «Тайфун», по заслугам он был оценен лишь после смерти. Обменивать арестованного и приговоренного к смертной казни Зорге Сталин отказался.

Помимо Разведуправления РККА, высшему политическому руководству страны информация поступала и по линии НКВД. Мэрфи довольно подробно останавливается на работе Иностранного отдела ГУГБ НКВД, который на тот момент возглавлял П.М. Фитин. После его развернутой биографии автор описывает работу самого отдела. Особенностью внешней разведки органов госбезопасности было отсутствие собственного аналитического подразделения – разведка сообщала запрашиваемую информацию, оставляя получателю возможность интерпретировать ее самостоятельно. К тому же,

в отличие от Проскурова, Фитин никогда не имел доступа к Сталину напрямую.

Информация шла и по линии контрразведки – как побочный продукт поиска иностранных агентов, обычно в результате перехвата сообщений и прослушивания переговоров, а также от завербованных сотрудников посольств. Основными целями являлись посольства Германии и ее союзников, но работа велась также и в американском, британском посольствах и посольствах других стран. Кроме того, анализ деятельности немецкой военной разведки – Абвера – в ключевых пограничных областях тоже наводил на некоторые размышления. Интересно, что ни германская разведка, ни иностранные дипломаты не замечали в самом СССР каких-либо значительных военных приготовлений даже в последние дни перед началом нацистской агрессии; отмечалось лишь распространение слухов о возможности войны. Советское руководство не придавало значения даже таким обстоятельствам, как выезд из страны немецких специалистов и уход германских судов из советских портов.

Некоторые сведения поступали от пограничных войск, главным образом это были сообщения о прибытии к границе эшелонов со снаряжением и техникой и об улучшении дорожного полотна. Даже при том, что немцы соблюдали высокий уровень «камуфляжной дисциплины», некоторые действия скрыть было невозможно, как, например, концентрацию войск, происходившую под видом перебазирования, отдыха и переформирования. Пограничниками отмечалась и доставка оборудования для переправы через водные преграды, необходимого для наступления. Результаты допросов задержанных германских агентов, многие из которых были рекрутированы из местных жителей, прямо указывали на активную подготовку к военным действиям.

Главное транспортное управление НКВД также занималось сбором информации. Уже в 1939 г. внимание чекистов привлекли диверсии на железных дорогах. Хотя виновные так и не были найдены, расследование обстоятельств этих инцидентов усилило внимание агентов НКВД к персоналу станций и поездным бригадам, особенно с осени 1939 г. в связи с включением в железнодорожную сеть СССР дополнительных линий на новых территориях. От них в основном поступали сведения о концентрации немецких войск и их взаимоотношениях с местным населением, а также о разговорах на тему скорой войны между Советским Союзом и Германией. Одновременно в докладах отмечались серьезные недостатки в транс-

портной системе СССР – начиная с отсутствия у Наркомата путей сообщения мобилизационных планов и планов перевозок на военное время и заканчивая неприспособленностью некоторых типов грузовых платформ к перевозке военных грузов и общей изношенностью подвижного состава.

В этих сложных условиях в июле 1940 г. Сталин считал уместным заменить «неудобного» Проскурова на Ф.И. Голикова, лично преданного ему человека, служившего в Красной армии со времен Гражданской войны, но не имевшего опыта работы в разведке. Автор обращает внимание, что новый начальник Разведуправления был не склонен давать прямые указания, чтобы иметь в случае недовольства Сталина возможность свалить вину на подчиненных, а главной целью работы управления видел предоставление вождю информации, которая бы его устраивала. Именно Голиков, ставший ответственным за передачу генсеку «полевой» информации и периодических аналитических обзоров, по мнению Мэрфи, усиливал убежденность Сталина в том, что Гитлер не решится атаковать СССР, пока не закончит войну на Западном фронте.

По данным Мэрфи, к 1 марта 1941 г. Гитлер имел в своем распоряжении 221 пехотную дивизию, 22 танковые и 20 моторизованных. При этом 40% из них находились на западе, что позволяло Сталину рассчитывать на то, что первоочередной целью фюрера все еще является Великобритания. Именно из-за такой позиции вождя, считает автор, несмотря на угрожающую концентрацию немецких войск в Восточной Пруссии и на территории уничтоженного польского государства и на другие многочисленные признаки приближающейся войны, Голиков позволил себе в докладе от 20 марта, направленном в СНК и ЦК ВКП(б), утверждение, будто «большинство отчетов агентов относительно возможности войны против СССР весной 1941 г. базируется на англо-американских источниках, чья цель в настоящий момент, несомненно, состоит в ухудшении отношений между СССР и Германией» (цит. по: с. 156). Основной вывод доклада состоял в том, что война между Советским Союзом и Третьим рейхом возможна только после завершения боевых действий на западе, а все сообщения, утверждающие обратное, – дезинформация. Автор отмечает, что этот доклад «был, вероятно, худшим разведывательным документом, который он [Голиков] подготовил за время своей службы на посту начальника РУ. Он [доклад] не имел отношения к реальности» (с. 158) и был

предназначен только для того, чтобы угодить Сталину и подтвердить верность его взглядов.

В своей монографии Мэрфи не раз останавливается на теме промедления Сталина с началом приведения войск в боевую готовность и его нежелания принимать в расчет мнение профессиональных военных как высшего, так и низового уровня. Одной из самых больших ошибок вождя он считает решение не препятствовать разведывательным полетам Люфтваффе над территорией СССР, хотя все высшее военное руководство уже понимало важность авиации в современной войне. Любопытно, что, по данным автора, немцы были уверены, что «Советы» ничего не замечают, тогда как на самом деле советским войскам было попросту запрещено сбивать немецкие самолеты. Директива НКВД от 29 марта 1940 г. ясно предписывала в случае нарушения немцами советского воздушного пространства не открывать огня, а ограничиться подачей протеста и составлением отчета о произошедшем. Даже уже зная, что немецкие летчики фотографируют укрепления, позиции войск, аэродромы, хранилища, узлы связи и другие военные объекты, руководство страны оставило это распоряжение в силе. Подобный «жалкий отпор немецким провокациям» (с. 170) сочетался с нехваткой сил ПВО и невозможностью преследования с пересечением границы. В результате между 27 марта и 18 апреля 1941 г. было зафиксировано 80 случаев нарушения воздушного пространства СССР, между 19 апреля и 19 июня – уже 180, 11 случаев зафиксировано 19 июня и 36 случаев – 20 июня. Более того, в последние месяцы перед началом войны немцы посылали не только отдельные разведывательные самолеты, но и целые группы бомбардировщиков, которые фактически проводили репетицию своих будущих налетов. Когда же за несколько дней до начала боевых действий все-таки было принято решение о начале маскировки аэродромов и железнодорожных станций, эти меры оказались недостаточными и к тому же запоздалыми, поскольку германская авиация уже выполнила все необходимые наблюдения, а плохое состояние и неудобное размещение важных объектов в пограничных районах (часто на расстоянии лишь 10–30 км от границы) значительно упростили противнику уничтожение основных целей.

Д.Э. Мэрфи уделяет значительное внимание исследованию предпринятых немцами усилий по маскировке своих военных приготовлений, включая демонстративную подготовку к вторжению на Британские острова, а также строительство укреплений на восточ-

ных рубежах Рейха с целью создать впечатление, будто планы германского командования носят исключительно оборонительный характер. Кроме того, в экспертном сообществе того времени было распространено представление о том, что концентрация германских войск на советских границах производится с целью устрашения Москвы в преддверии ультиматума о новых уступках. Сталин, по мнению автора, был готов к любым переговорам, если они могли помочь оттянуть начало войны. Однако германская дипломатия ограничивалась лишь консультациями технического характера, в то время как к советским границам перебрасывались все новые соединения Вермахта.

Разбирая версию о «превентивной войне», автор настаивает, что на момент начала боевых действий у Сталина не было достаточно сил для проведения крупномасштабного наступления. Несмотря на распространенное среди жителей СССР представление о том, что государство к войне подготовлено, даже с учетом размещения Сталиным дополнительных сил вдоль границы общий низкий уровень боевой и политической подготовки Красной армии, проявившийся в ходе финской кампании и в 1941 г., по мнению Мэрфи, достаточно убедительно свидетельствовал о невозможности на тот момент имевшимися у Сталина силами атаковать Германию.

В связи с вопросом о личных отношениях Сталина и Гитлера Мэрфи также обращается к теме их возможной секретной переписки, предполагая, что уверенность советского диктатора в том, что войны с Германией удастся избежать, могла быть основана и на каких-то заверениях, полученных им непосредственно от фюрера. Впрочем, автор отмечает, что никаких документальных подтверждений такой переписки до сих пор не найдено, да и сама эта версия появилась лишь в 1980-е годы. В то же время, по его мнению, если не признать, что у Сталина были какие-то убедительные данные о том, что Гитлер не станет нападать на СССР (например, полученные от него лично), то поведение генсека выглядит полностью иррациональным, ведь одно дело – быть обманутым, и совсем другое – проявлять упрямство, рискуя самим существованием Советского Союза.

В заключительных главах монографии описываются мероприятия советского руководства в последние месяцы перед нацистской агрессией и его реакция на начало боевых действий. Значительное внимание уделяется очередным волнам репрессий в вооруженных силах: чисткам в руководстве ВВС РККА и арестам ветеранов войны

в Испании перед войной, арестам и казням командиров различного ранга в первые месяцы войны. Показана дальнейшая судьба И.И. Проскурова, Ф.И. Голикова и П.М. Фитина.

Отвечая на главный вопрос: как могло получиться, что, несмотря на известную подозрительность Сталина, советское руководство не приняло заблаговременно необходимых мер на случай германской агрессии, – автор указывает на то, что Сталин фактически видел лишь то, что хотел увидеть, да и его подчиненные показывали ему по большей части лишь то, что он хотел увидеть. Как следствие, хотя информация о готовящемся нападении поступала в СССР в достаточном количестве, генсек по существу отказывался ее воспринимать, независимо от источника. Напротив, пользовалось популярностью мнение, будто слухи о предстоящей войне либо являются английской провокацией с целью столкнуть Советский Союз с Третьим рейхом, либо распускаются германскими спецслужбами с целью запугать советскую сторону в преддверии ультиматума о новых уступках. Как результат, Сталин до последней минуты полагал, что Гитлер не решится напасть на СССР до тех пор, пока не завершит войну с Великобританией. «Только прибытие немецкого дезертира вечером 21 июня 1941 г., – указывает Мэрфи, – всерьез встревожило Кремль», но было уже поздно (с. 216). Автор отмечает, что в истории это не единственный пример того, как учитываются лишь те данные разведки, которые соответствуют планам политической верхушки. В системе, замкнутой на одной личности, подобное было неизбежно.

Завершая исследование, автор отмечает, что фигура Сталина до сих пор привлекает внимание большого количества исследователей и, вероятно, еще долго будет оставаться центром горячей полемики. На эту мысль наталкивают не только попытки некоторых исследователей «обелить» фигуру «вождя», но и другая крайность – стремление обвинить в катастрофе 1941 г. одного только Сталина, не затрагивая сущность сложившейся к тому времени политической системы. Мэрфи призывает читателей задуматься, не будет ли будущее повторением прошлого.

С.В. Втулкин

Лукач Дж.
ИЮНЬ 1941 ГОДА: ГИТЛЕР И СТАЛИН
(Реферат)

Lukacs J.
JUNE 1941: HITLER AND STALIN. – New Haven; L.:
Gale univ., 2006. – 169 p.

Личные отношения Сталина и Гитлера уже не раз становились объектом изучения. Джон А. Лукач (США) в своем исследовании-размышлении (по его собственному определению – историческом эссе) также обращается к этой теме. Автор пытается показать, как специфические решения, которые принимали два разных человека, изменили минувшее столетие, исходя из того, что история – результат конкретного выбора конкретных людей, а не безликих сил.

Эти идеи развиваются в первой главе – «Историческая перспектива». По мнению Лукача, все основные решения, предопределившие ход и результаты советско-германского противоборства, зависели лично от Гитлера и Сталина. Это не совпадает с распространенной в социальных науках точкой зрения, согласно которой история управляется экономикой и другими материальными факторами, однако автор настаивает на том, что Вторая мировая война, вышедшая на новый этап 22 июня 1941 г., не только отмечена, но и определена склонностями и решениями Сталина, Гитлера, Черчилля и Рузвельта.

В самом начале второй главы – «Гитлер» – Лукач замечает, что большинство людей, включая историков, считают окончательно установленным, что начавшаяся 22 июня 1941 г. германская агрессия против СССР была неизбежной, что мысль о войне с Россией Гитлер вынашивал с самого начала своего политического пути. Однако автор считает, что в данном случае мы видим не реализацию неизбежных и прогнозируемых планов, а волю самого Гитлера.

Действительно, Гитлер утверждал, что главный враг Германии находится на востоке, что немцам необходимо жизненное пространство, по крайней мере, до Урала. Антисемизм и антисоветизм также были характерны для его политических, социальных, идеологических и стратегических взглядов. Однако, с точки зрения автора, мнение, будто Гитлер был фанатиком, движимым идеологией в ущерб политическому, дипломатическому и военному здравому смыслу, – упрощение. По мнению самого Лукача, Гитлер – талантливый политик и государственный деятель, обратившийся ко злу.

Что же касается антисемизма, то автор предполагает, что фюрер прежде всего пытался извлечь выгоду из его распространенности и популярности. Образ главного борца с коммунизмом позволял ему до прихода к власти запугивать германское руководство и оправдывать необходимость террора, а после прихода к власти находить все новых союзников по всему миру. Уже в июне 1934 г. он заявлял, что защита Европы от большевизма – основная задача Германии на ближайшие десятилетия. Именно образ Германии как барьера на пути варварства и поддерживаемого русскими коммунизмом позволил Гитлеру добиться политики умиротворения, заключения Антикоминтерновского пакта, возможности оказывать помощь Франко, а также дал Рейху сотни тысяч добровольцев немецкого происхождения, готовых воевать «с азиатским еврейско-большевистским коммунизмом».

Даже в ноябре 1937 г., готовясь к возможной войне с Чехословакией, Гитлер, по мнению автора, не рассматривал СССР в качестве неизбежной опасности. Во время Мюнхенского кризиса он также не выразил серьезных опасений относительно возможности вступления Сталина в войну. Целью фюрера в тот момент было господство Германии в Восточной Европе, что могло привести к войне с Советским Союзом. В то же время Гитлер вполне допускал для себя и возможность сближения со Сталиным в случае активного сопротивления западных держав его агрессивным планам. По мнению автора, это было в значительной степени связано с наличием у Германии и СССР общего врага – Польши. Польская внешняя политика так и не была подчинена Германией полностью. Советский Союз, который в случае германо-польского конфликта оказался бы в тылу польской армии, стремился к территориальным приобретениям. Это в значительной степени предопределило подписание пакта Молотова – Риббентропа, который, по мнению автора, был

по существу личным договором между Гитлером и Сталиным, поскольку в конечном итоге именно от них зависело его содержание.

Однако подписание пакта о ненападении и дополнительного секретного протокола о разделе северо-восточной части Европы имело разные последствия для его участников: если в СССР это привело к выходу некоторого числа людей из партии и снижению веры в коммунистический интернационализм, то в Германии, напротив, народ в целом был воодушевлен «очередным свидетельством гениальности фюрера» (с. 21). С точки зрения автора, это доказывает, что позиция Гитлера, считавшего, что мощь государства важнее идеологической последовательности, соответствовала настроениям населения.

Дж. Лукач обращает внимание на то, что еще Веймарская республика в период с 1918 по 1933 г., настроенная в целом антикоммунистически, поддерживала тем не менее выгодные отношения с Советской Россией, где обучались немецкие офицеры и велась разработка запрещенных для Германии вооружений. Сотрудничество продолжалось и при нацистах, а после подписания пакта Молотова – Риббентропа отношения Сталина и Гитлера и вовсе казались безоблачными. Советско-германская торговля постоянно росла, в Рейх поступало необходимое сырье. В дальнейшем оккупация нацистами весной 1940 г. Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии, Люксембурга, Франции встретила поздравления Молотова. Однако, когда летом 1940 г. СССР аннексировал Прибалтику и отобрал у Румынии Бессарабию, Гитлер начал смотреть на него не как на союзника, но как на оппонента.

Тем не менее в качестве своего главного потенциального противника летом 1940 г. Гитлер, по мнению автора, рассматривал не СССР и не Великобританию, а США. Даже альянс Японии, Германии и Италии был направлен не против Советского Союза, а против Соединенных Штатов, сближающихся с Великобританией. Последняя, в свою очередь, рассчитывала на помощь СССР и США. Таким образом, устранение России с политической арены могло удержать и Америку от участия в европейской войне. В этом случае у Британии уже не оставалось бы никаких шансов. Характерно, что, по данным автора, в конце жизни Гитлер размышлял о том, почему ему пришлось воевать с Россией, и сожалел, что пришлось воевать с США – но было слишком поздно.

Третья глава – «Сталин» – посвящена представлениям и мотивациям советского диктатора. Лукач предполагает, что в первой

половине 1941 г. генсек стремился избежать войны с Германией, однако задается вопросом, не планировал ли он советизировать Европу позднее, при более благоприятных условиях, например, после того как европейские государства истощат друг друга в затяжной войне. На этот вопрос он отвечает положительно: Сталин действительно рассчитывал воспользоваться начавшейся войной в Европе для дальнейшего расширения территории СССР, однако стремился сохранять нейтралитет как можно дольше, предполагая, что время работает на него. Но это, подчеркивает Лукач, – решение прагматика, что позволяет считать Сталина не столько радикальным фанатиком-марксистом, сколько правителем-традиционалистом, воплощающим в своей деятельности образ царя-деспота, характерный для русско-азиатской, в том числе и кавказской, политической культуры. Подозрительный, хитрый, грубый, много читающий, но мало знающий о мире, почти совсем не верящий в мировую революцию, он победил более образованного, знающего мир и Маркса Троцкого, который поддерживал идею мировой революции. Репрессии и чистки, помимо всего прочего, могут рассматриваться как попытка замены партийной бюрократии государственной, подчиненной лично Сталину. Выступая за всемерное укрепление мощи государства (хотя, по Марксу, оно должно было постепенно ослабевать, вплоть до полного отмирания), Сталин превратился из революционера-интернационалиста в политика-националиста. К 1939 г. «государство» было «священным термином» официальной прессы (с. 49). Культ государства вскоре высветил и важность национализма как составного элемента «государственничества» (что было еще бóльшим отступлением от марксизма). По Лукачу, в этих условиях Сталин, вслед за Гитлером и Муссолини, увидел, что «мираж» интернационального социализма не столь эффективен, как социализм националистический.

С точки зрения автора, когда в 1938–1939 гг. западные демократии искали союза со Сталиным против Гитлера, они считали, что Третий рейх является общим врагом. Сталин же, напротив, уважал Германию и восхищался ею, ее народом, да и самим фюрером, считая, что вместе они могут быть непобедимы. Особое впечатление на него произвела «ночь длинных ножей» 1934 г., а также то, как быстро Гитлер возродил мощь Германии, устранил своих врагов и добился поддержки всех классов общества.

Автор напоминает, что в Советской России довольно часто можно было наблюдать изрядное расхождение между внешней и

внутренней политикой, между дипломатией и официальной идеологией. Можно вспомнить, например, чистки 1930-х годов, проходившие одновременно с выдвиганием идеи коллективной безопасности и международного сотрудничества в борьбе с агрессором, или вхождение СССР в 1934 г. в Лигу Наций, которая до этого порицалась как империалистическая организация. Более того, Сталин, как известно, провозглашал тосты за здоровье фюрера, когда тысячи коммунистов и их сторонников, в том числе и в нацистских концлагерях, восхищались Советским Союзом и верили в него.

Когда летом 1939 г. Сталин столкнулся с явным недоверием Великобритании и Франции на переговорах в Москве, в то время как предложенное Гитлером партнерство позволяло СССР извлечь выгоду из расправы над Польшей, идеологические разногласия между большевизмом и нацизмом отошли на второй план. Совершенно подходящий немцам текст договора о ненападении был написан Сталиным и Молотовым, равно как и секретный протокол о разделе сфер интересов в Восточной Европе (Сталин был готов делить и Юго-Восточную Европу, но это уже не вписывалось в планы Гитлера). Целью пакта было не только отдалить СССР от войны, «которая поможет делу мирового коммунизма на опустошенном войной континенте» (с. 43), но и вернуть «бывшие территории Российской империи, потерянные когда-то Лениным» (с. 57).

Воспользовавшись пактом Молотова – Риббентропа, Сталин уже осенью 1939 г. разместил гарнизоны в Прибалтике, аннексировал часть Польши и развязал войну с Финляндией, хотя неудачные действия Красной армии и не позволили поставить там «народное правительство». Летом 1940 г. последовали окончательная аннексия Прибалтики и территориальные претензии к Румынии. Подобная интерпретация Советским Союзом понятия сфер интересов вызвала беспокойство Гитлера, однако генсек продолжал прежнюю политику.

Когда 25 июля 1940 г. Черчилль отправил ему письмо с предупреждениями относительно агрессивных намерений Берлина, Сталин приказал Молотову сообщить немцам, что на сближение с Великобританией он не пойдет. Если Черчилль был уверен в неизбежном скором начале войны на востоке, то советский вождь считал, что имеет место лишь попытка британцев поссорить СССР с Германией. Это постоянное недоверие к Великобритании автор связывает с тем обстоятельством, что именно ее образ в представ-

лении генсека в наибольшей степени соответствовал большевистскому стереотипу враждебной империалистической державы.

Сталин ожидал скорого вторжения немцев на Британские острова, но вместо этого германские войска в августе 1940 г. появились в Финляндии, а в августе-сентябре в Румынии. Предложения генсека относительно будущего раздела Европы, Азии и Африки остались без ответа. Автор отмечает, что разведанные о концентрации немецких войск на советских границах поступали в Москву из самых разных источников, тем более что на польских равнинах технику и массы людей скрыть невозможно, однако Сталиным эти сообщения по-прежнему воспринимались как провокация с целью втянуть СССР в войну с Рейхом. Этим, по мнению Лукача, объясняются и его действия весной – в начале июня 1941 г., направленные на то, чтобы не спровоцировать Германию на конфликт с Советским Союзом, ставшие одной из причин катастрофы лета 1941 г.

В четвертой главе – «Берлин» – показана реакция населения Германии на начало войны с СССР. Официальный предлог – готовящееся вторжение Красной армии – полностью устроил консерваторов, приветствовавших начало кампании. Уровень доверия к фюреру по-прежнему оставался достаточно высоким. Тем не менее известие о начале войны на востоке, несмотря на сохраняющуюся уверенность в боевых качествах Вермахта, вызвало у немцев смешанные чувства. Помимо прочего, многие были искренне удивлены таким поворотом событий и не могли понять, зачем Германии нужна эта война, если «иваны» и без того готовы снабжать Рейх всем необходимым. Даже министр иностранных дел Риббентроп, по его собственным утверждениям, сожалел о том, что вынужден был объявить советскому послу о начале войны. Автор рассматривает это как подтверждение того, что агрессия против СССР не всегда входила в военно-политическую программу Гитлера и была обусловлена конкретной обстановкой 1940–1941 гг., прежде всего стремлением фюрера принудить Великобританию к миру и удерживать США от вступления в войну, устранив их последнего потенциального союзника в Европе. Кроме того, по данным Лукача, Гитлер осознавал, что война с Россией будет непростой, и, будучи уверенным в конечной победе, проявлял все же меньше оптимизма, нежели его генералы.

Пятая глава – «Москва» – посвящена реакции в СССР на начало войны, прежде всего реакции советского политического руко-

водства во главе со Сталиным, который, несмотря на поступавшую ранее информацию о готовящейся агрессии, был потрясен внезапным нападением немцев, которому не предшествовали ни переговоры, ни даже ультиматум. Автор отмечает, что все утро 22 июня по советскому радио шли обычные передачи, так что большинство советских граждан узнали о начавшейся войне только из запоздалого выступления Молотова.

В шестой главе – «Лондон» – рассматривается реакция Великобритании. Несмотря на сильное недоверие по отношению к Советскому Союзу и ожидание нового соглашения между ним и Германией, внезапная новость о вторжении немцев в Россию вызвала у британцев облегчение от осознания того, что они не одиноки в своем противостоянии Гитлеру. В то же время военные возможности СССР вызвали сомнения. Черчилль, к примеру, долгое время считал, что Красная армия проиграет войну. Анализируя его отношение к Советскому Союзу, Лукач приходит к выводу, что его политика была вполне последовательной, несмотря на его антикоммунистическую позицию. Союз с большевистской Россией был обусловлен как общностью интересов в сложившейся ситуации (Черчилль, по мнению автора, к тому времени уже принял для себя твердое решение уничтожить гитлеровский режим), так и вполне объяснимым желанием помочь стране и народу, столкнувшимся с нацистской агрессией. Что же касается раздела Европы со Сталиным, то в данном случае Черчилль, как считает Лукач, руководствовался прагматическими соображениями, посчитав, что отдать Восточную Европу на некоторое и вряд ли продолжительное время в сферу влияния СССР будет меньшим злом, нежели смириться с захватом всей континентальной Европы Гитлером на, как можно было предположить, гораздо более долгий срок.

Седьмая глава – «Вашингтон – и по всему свету» – кратко описывает реакцию в США, а также позицию лиц, не являвшихся государственными деятелями стран, напрямую вовлеченных в военные действия. Как указывает автор, жители Соединенных Штатов получили информацию о нападении Германии на СССР из передач американских корреспондентов в Лондоне и Берлине; комментаторы местных радиостанций тоже уделили существенное внимание новому фронту мировой войны. Однако несмотря на отрицательное отношение большинства американцев к Гитлеру, в США существовала также мощная тенденция к изоляционизму, базировавшаяся как на недоверии к Великобритании и Франции,

так и на нелюбви к Сталину националистов и некоторых американских социалистов. Хотя представление о том, что «коммунизм опаснее национал-социализма» не вполне соответствовало общественному мнению, оно все же было фактором, который необходимо было учитывать. Не только многие республиканцы не испытывали желания «воевать под красным флагом», но и сам бывший президент Соединенных Штатов Г. Гувер заявлял, что Америке следует воздержаться от участия в войне, поскольку ее помощь будет только на руку Сталину. Несмотря на то что Черчилль еще до 22 июня 1941 г. писал Рузвельту о неизбежности советско-германской войны и убеждал в необходимости помогать СССР ввиду того, что Гитлер – общий враг, которого непременно нужно победить, Рузвельт не сделал специального заявления ни 22 июня, ни позднее.

Несколько слов Лукач уделяет и реакции на начало Отечественной войны в остальном мире, включая настроения в странах – союзницах Германии, а также позицию части населения СССР, воспринимавшей немцев как освободителей. Также бегло описываются расчеты участников Сопротивления в оккупированных странах

Европы на то, что на этот раз Германия наконец-то влезла «в серьезные неприятности» (с. 113), и сформировавшееся у коммунистов представление о Сталине как о спасителе человечества.

Восьмая глава – «Немедленный кризис» – посвящена описанию первых дней после 22 июня. И до, и после начала нацистской агрессии против Советского Союза лучшие военные эксперты мира по обе стороны Атлантики (в том числе люди, хорошо знавшие ситуацию в Москве) предсказывали поражение Красной армии в течение нескольких недель или, самое большее, через пару месяцев и захват немцами, по крайней мере, европейской части СССР. Подобные предположения не были лишены оснований: на мировую общественность и экспертное сообщество произвели сильное впечатление ход и итоги Зимней войны между Советским Союзом и Финляндией, а еще раньше – репрессии в Красной армии в 1937–1938 гг.; неготовность СССР к войне казалась очевидной. Черчилль предполагал, что вступление Советского Союза в войну принесет лишь временное облегчение. Автор соглашается с тем, что сталинское руководство и сам генсек несут значительную долю ответственности за катастрофическое начало войны. Он приводит также мнение германского посла в Москве Шуленбурга о том, что в самом начале войны Сталин и некоторые члены Политбюро всё еще

рассчитывали на возможность соглашения с Гитлером и выражали готовность пожертвовать Прибалтикой и Украиной, повторив тем самым Брест-Литовский мирный договор 1918 г. Только через неделю после начала боевых действий, когда был потерян Минск, у Сталина исчезла надежда на «новый Брест-Литовск», и в его речи 3 июля 1941 г. вместо обычной коммунистической риторики прозвучал воодушевляющий патриотический призыв.

В девятой, заключительной, главе – «Непреднамеренные последствия» – в своеобразном стиле анализируются некоторые результаты, в том числе долгосрочные, нападения Германии на СССР, наступление которых в перспективе было неочевидным с точки зрения обстановки в мире летом 1941 г. Антисемитская политика нацистов, повергшая в шок мировую общественность, достигла своего апогея после начала войны с Советским Союзом, когда началась реализация планов «окончательного решения еврейского вопроса». Красная армия, несмотря на целый ряд сокрушительных поражений, сумела избежать краха в первые месяцы войны, а политическое руководство СССР удержалось от капитуляции перед Германией. Гитлер оказался по-своему прав, предрекая неизбежный распад противоестественной, по его мнению, коалиции Великобритании, СССР и США, однако этот распад наступил уже после крушения Третьего рейха. Если в 1941 г. роковым для Советского Союза едва не оказалось чрезмерное доверие Сталина по отношению к Германии, то в 1945 г. генсека подвело недоверие к США; установление просоветских коммунистических режимов в странах Восточной Европы стало одной из причин «холодной войны», конечным результатом которой стал распад самого СССР.

Интересно, пишет автор, и еще одно обстоятельство. В Японии в 1941 г. при обсуждении возможных сценариев вступления во Вторую мировую войну высказывалось и предложение напасть на Советский Союз вопреки заключенному незадолго до того договору о нейтралитете; это позволило бы избежать вовлечения в войну США и поставило бы СССР перед необходимостью воевать на два фронта. Тем не менее было принято «худшее из возможных решений» (с. 130) – напасть на США, что в конечном итоге привело к их вступлению в войну против Германии в декабре 1941 г. Любопытно и тоже по-своему неожиданно, отмечает автор, что в долгосрочной перспективе поражение Японии во Второй мировой войне принесло наибольшую выгоду не СССР или Америке, а Китаю.

С.В. Втулкин

Гланц Д.М.
«БАРБАРОССА»: ВТОРЖЕНИЕ ГИТЛЕРА
В РОССИЮ, 1941
(Реферат)

Glantz D.M.
BARBAROSSA: HITLER'S INVASION OF RUSSIA, 1941. –
Stroud (Gloucestershire); Charleston (South Carolina):
Tempus Publishing, 2001. – 256 p.: ill.

Реферируемая монография Дэвида М. Гланца целиком посвящена первому «раунду» советско-германского противоборства – летне-осенней кампании 1941 г. и началу контрнаступления под Москвой. Используя вновь рассекреченные советские архивные материалы, автор показывает, каким образом советским войскам удалось расстроить планы нацистского командования несмотря на то, что Красная армия мирного времени была практически уничтожена в начальный период войны и наступление Вермахта, возглавлявшееся четырьмя мощными танковыми группами и прикрытое непроницаемым «зонтиком» авиационной поддержки, долгое время казалось неостановимым. Гланц также оспаривает устоявшееся представление, будто основными причинами провала «Барбароссы» были плохие погодные условия, сложная местность и ошибочное стратегическое мышление Гитлера.

Книга состоит из предисловия, девяти глав и заключения, снабжена библиографией и указателем. В приложении опубликованы некоторые документы советского и германского командования, связанные с операцией «Барбаросса» и отражением нацистского вторжения советскими войсками, а также подробный состав войск противоборствующих сторон на Восточном фронте по состоянию на 22 июня 1941 г.

Как подчеркивается в предисловии, западные историки, не имея доступа к советским источникам, долгое время вынуждены были ограничиваться лишь обзорными исследованиями войны на Восточном фронте, вследствие чего в литературе основной акцент делался на наиболее известные и драматичные сюжеты летне-осенней кампании 1941 г., в то время как многие более прозаичные события, составлявшие тем не менее тот фон, на котором разворачивались более крупные сражения и операции, по преимуществу оставались неизученными. Комплексное исследование основных мероприятий советского руководства на протяжении первых шести месяцев Отечественной войны, как и по-настоящему глубокое понимание их мотивов и целей, стало возможным лишь в постсоветские годы на основе изучения вновь рассекреченных советских и более углубленного анализа немецких источников.

В первой главе монографии автор вкратце рассматривает состояние советских и германских вооруженных сил перед началом операции «Барбаросса», а также советские и немецкие военные планы. От подробного анализа советских планов Гланц воздерживается, но отмечает заложенное в них противоречие – попытку решить оборонительные задачи наступательными средствами. Этот же «наступательный дух», следствием которого была недооценка роли обороны в современной войне, был характерен для советского военного мышления в целом. Ситуация усугублялась атмосферой страха, сложившейся в армии в результате репрессий и подавлявшей инициативу. Автор отмечает любопытный парадокс: несмотря на декларируемый в СССР научный, рационалистический подход к войне и военной науке, ставший основой для подлинного расцвета советской военной мысли в 1920-х – начале 1930-х годов, во второй половине тех же 1930-х годов в армии последовательно насаждался догматизм и беспрекословное подчинение вышестоящему руководству. Это резко отличало Красную армию от Вермахта, где, напротив, культивировалась инициатива подчиненных при выполнении приказов начальства, основу которой составляло единство мышления внутри офицерского корпуса, позволявшее инициативному командиру быть уверенным, что принимаемые им решения не противоречат замыслу его начальника, поскольку его начальник в сложившейся ситуации сам поступил бы сходным образом. Из других проблем предвоенной Красной армии автор выделяет неэффективную организационную структуру (отсутствие самостоятельных танковых армий и групп, громоздкие механизированные корпуса,

разделение значительной части авиации между отдельными армиями и т.д.), трудности с освоением новейшего вооружения и военной техники, нехватку опытных командиров. Анализ состояния советских вооруженных сил перед началом войны позволяет ему сделать вывод о том, что наибольшее значение для исхода приграничных сражений имела не стратегическая или тактическая, а скорее институциональная внезапность: советские войска встретили противника в переходном состоянии, не успев завершить начатые мероприятия по перевооружению и реорганизации (с. 31). Гитлер, вольно или невольно, выбрал наиболее выигрышный момент для нападения на СССР: сделай он это четырьмя годами ранее или даже годом позднее, и успехи Вермахта на Восточном фронте могли бы оказаться намного более скромными (с. 31–32). В то же время автор отмечает, что Красной армии предстояло воевать на своей территории; это значительно облегчало ее положение, как и сложившаяся привычка советских бойцов и командиров к действиям в условиях гораздо более скудного снабжения, нежели в западных армиях.

Что касается нацистского руководства, то наиболее значительными его ошибками Гланц считает недооценку проблем снабжения (немецкая промышленность в 1941 г. фактически работала в режиме мирного времени, что делало крайне затруднительным ведение затяжной войны), недооценку военного потенциала СССР (германская разведка пропустила сосредоточение армий второго стратегического эшелона, а в военных планах Вермахта не учитывались значительные силы, дислоцированные во внутренних военных округах и на Дальнем Востоке) и, наконец, самонадеянные военные планы, предполагавшие одновременное наступление на нескольких расходящихся направлениях.

Описывая причины, по которым советское руководство не приняло своевременных мер по подготовке к отражению нацистской агрессии, Гланц особенно подчеркивает уверенность Сталина в том, что Гитлер, как и любой другой политик, являлся рационалистом и прагматиком; именно эта уверенность привела советского диктатора к мысли о невозможности нападения Германии на СССР до тех пор, пока не будет завершена ее война с Великобританией. «На июнь 1941 г., — отмечает Гланц, — часто ссылаются как на классический пример того, как лидер игнорирует способность противника к нападению, поскольку сомневается в его намерении напасть» (с. 28). Он упоминает и об опасениях Сталина, будто поступающая информация о подготовке Германии к агрессии против

СССР может быть провокацией англичан или польского эмигрантского правительства с целью втянуть Советский Союз в войну с Третьим рейхом. Дискуссии о возможных агрессивных намерениях самого Сталина Гланц не касается.

Вторая глава посвящена приграничным сражениям в июне – начале июля 1941 г. По мнению Гланца, советское командование в этот период попыталось реализовать на практике довоенный «план обороны государства» (по-видимому, имеется в виду мартовский стратегический план 1941 г.). Автор подробно прослеживает разгром Западного фронта в Белоруссии, наступление группы армий «Север» в Прибалтике и напряженные бои на Украине, включая танковое сражение под Бродами. При этом он подчеркивает, что, несмотря на в целом катастрофическое для СССР начало войны, в ходе первых победоносных операций Вермахта на Восточном фронте выявились и первые трудности. Несмотря на огромное число убитых и плененных, бойцы Красной армии продолжали сражаться с фанатизмом, изумлявшим немецких солдат. Вермахту удалось окружить и уничтожить главные силы Западного фронта в Белоруссии, но на ленинградском и особенно киевском направлениях немцы просто отеснили советские войска на восток. Как следствие, наступление приняло асимметричный характер: оккупировав Белоруссию и Прибалтику, группы армий «Центр» и «Север» вырвались значительно дальше вперед, нежели группа армий «Юг», продвижение которой натолкнулось на упорное сопротивление войск Юго-Западного фронта. Среди офицеров появились первые признаки недовольства работой разведки, с трудом выявлявшей ударные группировки советских войск (так, к началу войны немецкой разведке удалось установить всего три из 16 механизированных корпусов, сосредоточенных в приграничных военных округах). Начались и первые перебои со снабжением в условиях плохо развитой дорожной сети. «Немецкие командиры, – пишет Гланц, – начинали осознавать, что “русский километр” означает намного больше, чем километр на Западе» (с. 56).

В третьей главе анализируется реакция советского руководства на начало войны с Германией. Автор, в частности, описывает такие мероприятия, как формирование чрезвычайных органов власти и новых органов стратегического управления, реорганизация Красной армии, формирование новых частей и соединений, эвакуация промышленности. Тяжелые потери в приграничных сражениях и острая нехватка квалифицированных командиров с навыками

управления крупными соединениями и объединениями вынудили советское командование упразднить корпусное звено и увеличить количество армий, уменьшив их численность. Механизированные корпуса были расформированы, вместо них началось формирование танковых бригад поддержки пехоты. Штат и огневая мощь стрелковых дивизий были значительно сокращены; кроме того, помимо дивизий началось формирование еще более компактных стрелковых бригад. «В лучших советских традициях» был восстановлен институт военных комиссаров. К сожалению, отмечает Гланц, проведенная оптимизация организационной структуры РККА, в целом отвечавшая требованиям сложившейся обстановки, не сопровождалась такими же значительными сдвигами в тактическом и оперативно-стратегическом мышлении; серьезные перемены в этой области произойдут значительно позже – в 1942–1943 гг. Возвращаясь к вопросу о первых промахах гитлеровской разведки накануне и в начале войны, автор отмечает, что «величайшей ошибкой германской разведки была недооценка способности СССР восстанавливать разгромленные части и соединения и формировать новые силы с нуля» (с. 66). И хотя по своим боевым качествам вновь сформированные дивизии и бригады значительно уступали довоенным, несмотря на все недостатки последних (по выражению Гланца, во вновь сформированных частях зачастую «не хватало всего, кроме винтовок и политических офицеров». – С. 71), именно этот непрерывный поток новых формирований во многом позволил советскому командованию остановить немецкое наступление, возместив недостаток качества количеством. В это же время эвакуация промышленных предприятий на восток и уничтожение предприятий, не подлежавших эвакуации, хотя и осуществлялись с неодинаковым успехом в разных регионах, основательно подорвали планы нацистского руководства по использованию ресурсов оккупированных территорий для дальнейшего ведения войны.

Четвертая глава посвящена Смоленскому сражению и охватывает период с 10 июля по 10 сентября 1941 г. Автор подробно описывает как германское наступление на Смоленск в начале июля, так и многочисленные контрудары, предпринятые советским командованием в последующие недели, в том числе ликвидацию Ельнинского выступа и Рославль-Новozyбковскую операцию Брянского фронта с целью сорвать наступление 2-й танковой группы Г.В. Гудериана в тыл Юго-Западного фронта, а также ряд других, менее известных сражений. Итоги двухмесячных боев Гланц оценивает как

противоречивые. С одной стороны, налицо был несомненный успех Красной армии. Под Ельней советским войскам впервые с начала войны удалось прорвать подготовленную оборону немцев, что безусловно повысило их боевой дух и уверенность в своих силах. Появление на смоленском направлении пяти армий второго стратегического эшелона стало крайне неприятной неожиданностью для противника, не предполагавшего встретить восточнее Минска сколько-нибудь серьезного сопротивления. Кроме того, войска Вермахта в результате победоносных операций в приграничных областях продвинулись уже довольно далеко вглубь советской территории, что вызвало серьезные проблемы со снабжением, поскольку тыловые службы не успевали налаживать подвоз всего необходимого на такую глубину, да еще в условиях плохо развитой дорожной сети. Вследствие возникших трудностей Гитлер в конце июля вынужден был пересмотреть свою дальнейшую стратегию и приостановить наступление на центральном участке Восточного фронта, сосредоточив основные усилия на ленинградском и киевском направлениях, что позволяло советскому командованию выиграть время для укрепления обороны восточнее Смоленска. Но в то же время по-прежнему давала о себе знать и порочная «наступательная» стратегия советской стороны. Переоценка собственных возможностей и недооценка возможностей противника приводили к бесконечным попыткам контрударов зачастую с заведомо недостижимыми целями, которые только подтачивали силы Западного, Центрального и Брянского фронтов. В результате советским войскам так и не удалось предотвратить бросок Гудериана на юг, а к началу нового немецкого наступления на Москву войска Западного, Резервного и Брянского фронтов оказались слабее, чем в начале августа.

В пятой главе подробно описываются бои на дальних и ближних подступах к Ленинграду с 10 июля по конец сентября. С 22 июня по 9 июля войска группы армий «Север» прошли уже около 450 км, и командующий группой армий генерал-фельдмаршал Вильгельм фон Лееб рассчитывал пройти оставшиеся 250 км до Ленинграда с такой же скоростью. Противостоящие ему советские войска 10 июля были подчинены вновь образованному Главнокомандованию Северо-Западного направления во главе с К.Е. Ворошиловым, которому было поручено координировать действия Северного и Северо-Западного фронтов, Северного и Балтийского флотов. К началу августа германские войска вышли к советским укреплениям на реке Луга. Переход немцев к обороне на москов-

ском направлении во второй половине июля позволил им использовать освободившиеся силы для дальнейшего наступления на Ленинград и разгрома советских войск на Украине. В состав группы армий «Север» была передана 3-я танковая группа генерал-полковника Германа Гота. В начале августа немцы возобновили наступление. 8 сентября части 20-й моторизованной и 12-й танковой дивизий Вермахта прорвались к Ладожскому озеру, отрезав Ленинград с суши. Тем не менее попытки немцев в течение сентября овладеть Северной столицей провалились. Ситуация дополнительно осложнилась во второй половине месяца после передачи 3-й и 4-й танковых групп и значительных сил авиации в состав группы армий «Центр» для наступления на Москву. В конце сентября войска группы армий «Север» вынуждены были перейти к обороне.

Событиям на Юго-Западном направлении посвящена шестая глава. Автор, в частности, подробно рассматривает операции Вермахта в Правобережной Украине, окружение советских 6-й и 12-й армий под Уманью, отступление советских войск на левый берег Днепра и грандиозное наступление 1-й и 2-й танковых групп Вермахта, завершившееся окружением и уничтожением основных сил Юго-Западного фронта восточнее Киева. Среди историков до сих пор нет единого мнения сразу по нескольким дискуссионным вопросам, связанным с боевыми действиями на Украине в августе–сентябре 1941 г. Наиболее оживленные споры связаны с вопросами о последствиях решения Гитлера приостановить наступление на московском направлении, направив 2-ю танковую группу Гудериана в обход Киева, и о причинах разгрома Юго-Западного фронта, в том числе о вине Сталина. Опираясь на результаты собственных исследований, Гланц оспаривает как выводы ряда немецких историков и мемуаристов, склонных обвинять Гитлера в том, что его отказ от дальнейшего наступления на Москву в конце июля стал причиной провала «Барбароссы», так и попытки советских историков оправдать задним числом катастрофу под Киевом утверждениями, будто упорное сопротивление советских войск на Украине ослабило войска противника и позволило советскому командованию выиграть время для укрепления обороны под Москвой. В действительности, настаивает Гланц, в результате успешных действий Вермахта на Украине южный фланг Красной армии был фактически уничтожен, что не только открыло немцам дорогу в Донбасс и на Ростов, но и заставило советское командование в срочном порядке перебрасывать на Юго-Западное направление

войска с других участков фронта, в том числе и с московского направления. Таким образом, ни о каком укреплении обороны под Москвой говорить не приходится, тем более что войска Западного фронта и без того были значительно ослаблены бесконечными попытками перейти в контрнаступление, а силы Брянского фронта – неудачной попыткой остановить наступление 2-й танковой группы в обход Киева. Автор отмечает и еще одно любопытное обстоятельство: упорное стремление Сталина любой ценой удерживать Киев было продиктовано не только политическими соображениями, но и ожиданием нового наступления противника на Москву (в этом случае советские войска на Украине могли бы составить серьезную угрозу правому флангу группы армий «Центр») – того самого наступления, в необходимости которого немецкие генералы в конце июля тщетно пытались убедить Гитлера.

Наиболее тяжелые испытания ожидали Красную армию в октябре 1941 г.; эти события разбираются в седьмой главе. По мнению автора, «бедствия, которые Ставка наблюдала, а Красная армия терпела в октябре, превосходили июньские, августовские и сентябрьские почти в каждом аспекте. Хуже того, поскольку это происходило у ворот Ленинграда, Москвы, Ростова и Кавказа, у Ставки почти не оставалось пространства для маневра. Тот факт, что три фронта, действующие на московском направлении в конце сентября, в пять раз превосходили те войска, которыми располагал Жуков на том же направлении в конце ноября, показывает весь масштаб поражений Красной армии под Вязьмой и Брянском» (с. 157–158). На центральном участке Восточного фронта советские войска были практически уничтожены на первом этапе немецкого наступления на Москву, на северном фланге соединения группы армий «Север» продолжали держать Ленинград в осаде и, захватив Тихвин, прорывались навстречу финским частям, на южном – войска группы армий «Юг» захватили Крым и подходили к Ростову, стремясь прорваться на Кавказ. Тем не менее воспользоваться результатами своих побед противнику не удалось. Тому было несколько причин. Так, непредвиденно долгое (7–14 дней) и упорное сопротивление окруженных советских войск в Брянском и Вяземском «котлах» вынудило немцев выделить для их уничтожения 48 из 75 дивизий группы армий «Центр», что значительно ослабило их силы, наступавшие на Москву. Более того, командующий группой армий генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, заранее уверенный в своей победе, еще больше усугубил ситуацию, повернув часть своих

сил (9-ю армию и 3-ю танковую группу) в сторону Калинина. Сыграли свою роль и погодные условия (слово «распутица» не имеет эквивалента в английском языке). Войска группы армий «Юг» вынуждены были вести бои на растянутом фронте, далеко оторвавшись от своих тылов. Тем временем на помощь защитникам Москвы начали подходить резервы из глубины страны, что в дальнейшем позволило советскому командованию окончательно остановить противника и создать условия для перехода в контрнаступление.

Боевые действия в ноябре 1941 г. описываются в восьмой главе. Наибольшее внимание автор уделяет событиям на московском направлении, где немцы, перешедшие в конце октября к обороне из-за распутицы, в середине ноября, с первыми морозами, возобновили наступление; в начале декабря противник был остановлен советскими войсками на ближних подступах к Москве, после того как силы наступавших немецких армий были окончательно истощены. Отдельно описываются бои на флангах советско-германского фронта, завершившиеся освобождением Ростова в конце ноября и Тихвина 8 декабря. Таким образом, примерно через пять с половиной месяцев после начала войны немецкое наступление выдохлось на линии Ленинград–Москва–Ростов, что лишило Вермахт последней надежды достичь поставленных целей до конца года и означало окончательный провал плана «Барбаросса». Но успех советских войск был достигнут слишком дорогой ценой: только официальные потери Красной армии на советско-германском фронте с 1 октября по 31 декабря 1941 г. составили 1 656 517 человек, в том числе 636 383 убитыми, пленными и пропавшими без вести, однако реальные потери, по оценкам автора, приближаются к 2 млн. убитых, раненых, пленных и пропавших без вести, из которых около 1 млн. советские войска потеряли под Брянском и Вязьмой (с. 182). Если прибавить к этому потери за первые три месяца войны (около 2 800 000 человек), то приходится констатировать, что армия мирного времени к концу года была практически уничтожена. Для окончательной победы над Германией Советскому Союзу пришлось создавать новую армию из плохо обученных резервистов, которые вынуждены были осваивать военное дело непосредственно в бою, что делало чрезмерные потери неизбежными и в дальнейшем.

Заключительная, девятая, глава монографии посвящена первым десяти дням контрнаступления под Москвой. Несмотря на то что в начале декабря наступательные возможности Вермахта на Восточном фронте, в том числе и группы армий «Центр», были

окончательно исчерпаны, присутствие войск противника в непосредственной близости от столицы само по себе было чрезвычайно опасным, что, в свою очередь, создавало объективную необходимость оттеснить немцев от Москвы, причем по возможности до того, как они успеют оборудовать оборонительные позиции. Подготовка к контрнаступлению началась еще в ноябре, после того как советским войскам удалось на время приостановить продвижение противника на Москву. Армии Калининского фронта перешли в наступление на рассвете 5 декабря, 6–8 декабря к ним присоединились соединения Западного фронта. К 16 декабря советские войска продвинулись на 100–125 км на запад. Вслед за планом «Барбаросса» рухнула и концепция блицкрига, а заодно миф о непобедимости Вермахта. Неудивительно, замечает автор, что вскоре после провала «молниеносной войны» против СССР покатились и первые головы ее организаторов (среди прочих в декабре были смещены со своих постов главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Герд фон Рунштедт, командующий группой армий «Центр» фон Бок, командующий 2-й танковой армией Гудериан).

Подводя в заключении итоги своего исследования, автор прежде всего рассматривает вопрос о причинах неудач РККА в летне-осенней кампании 1941 г. К наиболее важным из них он относит несколько факторов. Прежде всего, Вермахт, начав войну с Советским Союзом, встретил на границе фактически армию мирного времени, поскольку советские войска так и не успели завершить от мобилизацию и развертывание. Кроме того, перед началом войны с Германией Красная армия пережила волну репрессий в 1937–1938 гг., продолжавшихся, хотя и в меньших масштабах, также в 1939–1941 гг.; это порождало в войсках атмосферу страха, убивая инициативу. Армия испытывала острую нехватку квалифицированных командиров – отчасти также из-за репрессий, но прежде всего из-за непрерывного наращивания ее численности в 1939–1941 гг. Перечисленные проблемы усугублялись тем, что летом 1941 г. еще продолжались начатые годом ранее масштабные мероприятия по перевооружению и реорганизации РККА, которая, таким образом, встретила войну в переходном состоянии. Наконец, чрезвычайно губительной для Красной армии Гланц считает ее порочную «наступательную» стратегию, следствием которой летом-осенью 1941 г. стали бесконечные самоубийственные контрудары и запоздалые

приказы об отступлении. Автор отмечает также неэффективную организацию советских частей и соединений перед войной и негативные последствия часто поспешных и недостаточно продуманных мероприятий по ее перестройке, предпринимавшихся уже после начала боевых действий. Постоянные кадровые перестановки тоже не способствовали стабильности и эффективности управления войсками. Значительные проблемы создавала недооценка роли артиллерии, инженерных войск и связи в современной войне. Как следствие, хотя Красной армии и удавалось на время приостанавливать наступление германских войск на отдельных участках фронта, создание устойчивой стратегической обороны долгое время оставалось для нее непосильной задачей, и продвижение Вермахта на восток продолжалось вплоть до конца ноября 1941 г., в то время как советское командование вынуждено было раз за разом закрывать все новые и новые бреши в обороне вновь сформированными частями и соединениями. Сталинское военно-политическое руководство, таким образом, несет немалую долю ответственности за то, что всего через пять месяцев после начала войны немецкие дивизии оказались под самой Москвой.

В свою очередь, говоря о причинах провала «Барбароссы», Гланц прежде всего отмечает стратегические ошибки германского командования, важнейшей из которых он считает самоуверенность и «неуемный аппетит» Гитлера: увлекшись наступлением на растянутом фронте с уязвимыми флангами, немцы не смогли вовремя остановиться, хотя советское контрнаступление под Тихвином и Ростовом следовало бы рассматривать как важный предупреждающий сигнал. В свете этого автор, в частности, оспаривает распространенную точку зрения, согласно которой роковое значение для Вермахта имело августовское решение Гитлера о приостановке наступления на московском направлении и переносе основных усилий на фланги советско-германского фронта. По мнению Гланца, в августе условия для наступления на Москву были менее благоприятными, чем в октябре, когда советские войска, прикрывавшие московское направление, были ослаблены переброской части сил на другие участки фронта после тяжелых поражений Красной армии под Ленинградом и особенно под Киевом. Даже если бы немцам удалось в августе–сентябре захватить Москву, настаивает автор, им предстояла бы тяжелая зимовка в разрушенном городе и удары советских войск по их незащищенным флангам (с. 212–213). Другой причиной неудачи немецкого блицкрига Гланц считает достаточно

грамотные действия советского командования во время битвы под Москвой: на этот раз оно сумело не только сформировать новые части и соединения из вновь мобилизованных резервистов, но и скрытно подготовить стратегические резервы из нескольких армий, а также удачно выбрало момент для начала контрнаступления, не дав противнику достаточно времени, чтобы закрепиться на достигнутых рубежах. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что к ноябрю 1941 г. германские войска были уже значительно ослаблены многомесячными тяжелыми боями, а жестокая репрессивная политика Германии на оккупированных территориях лишь способствовала дальнейшему нарастанию сопротивления. К тому же, несмотря на приверженность как советского, так и немецкого руководства идеям тотальной войны, советская сторона оказалась гораздо более последовательной в их воплощении на практике, осуществив в 1941 г. подлинную мобилизацию всех ресурсов страны на нужды войны, тогда как нацисты не сумели этого сделать вплоть до 1944 г.

М.М. Минц

Абатуров В.В.

1941: НА ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ. –

М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2007. – 448 с.

(Реферат)

Реферируемая книга состоит из пяти глав, описывающих первые месяцы Великой Отечественной войны. В первой главе – «Трагическое начало» – В.В. Абатуров подробно разбирает причины и истоки поражения советских войск. Он уверен, что их следует искать в довоенной политике Сталина, в устаревших взглядах его окружения и высшего военного руководства на характер и методы ведения войны, в недооценке материально-технической оснащенности и подготовки противника, в ошибочных подходах к формированию вооруженных сил и дислокации войск.

Советское правительство полагало, что на начальном этапе войны боевые действия будут вести армии прикрытия, перед которыми ставилась задача обеспечить условия для развертывания главных сил. Также была уверенность в том, что советские войска достаточно быстро смогут справиться с противником и вести дальнейшие военные действия на его территории.

Основные положения военной политики СССР были отражены в ряде документов, среди них автор особо выделяет принятый в марте 1941 г. «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке». Этот план «привел к тяжелым последствиям в деле подготовки к войне, до которой, как потом выяснилось, оставалось всего три месяца» (с. 17). План был основан на положениях, часть из которых оказались ошибочными. Прежде всего, было неверно определено направление главного удара. Предполагалось, что Германия развернет основные силы на юго-западе, от Седлец до Венгрии, чтобы ударом на Киев и Бердичев захватить Украину. Соответственно, наиболее подходящим для развертывания основных сил советских

войск считался участок к югу от реки Припять, а первыми стратегическими целями – Люблин, Краков, Радом. Там должны были быть разбиты основные силы немецких войск, а Германия отрезана от экономически необходимых Балканских стран. Поэтому самая сильная группировка в составе Красной армии была в Киевском особом военном округе.

Не меньше ошибок было в планах, разработанных для военных округов и армий. Общим их недостатком автор считает противоречивость: «С одной стороны, признавалась возможность внезапного начала войны и ведения сторонами высокоманевренных боевых действий. В связи с этим необходимо было иметь сильный первый оперативный эшелон. С другой стороны, все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия в угрожаемый период будет предоставлено время на отмотилизование. Игнорировалась реально сложившая обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью стратегических и оперативных группировок Вермахта к наступлению и незавершенностью развертывания советских войск. К тому же недооценивалась мощь вооруженных сил Германии» (с. 23). Также Абатуров отрицает распространенный миф о внезапности нападения Германии на СССР, он пишет, что уже к весне 1941 г. советское руководство обладало достаточной разведывательной информацией о подготовке Германии к войне.

К началу войны в Западном особом военном округе под командованием генерала армии Д.Г. Павлова войска располагались следующим образом: соединения и части первого и второго эшелонов армий прикрытия находились в местах постоянной дислокации; боеспособные соединения 10-й армии размещались в лагерях и казармах в Белостокском выступе; к государственной границе были выдвинуты 2-й, 21-й, 44-й, 47-й стрелковые корпуса; управление 13-й армии, предназначенное для координации действий 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, располагалось в Могилеве; 30-я танковая дивизия проводила тактические учения, а 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии готовились к учениям; артиллерийские части 10-й армии и зенитные 4-й армии находились в окружном лагере под Минском; подавляющая часть авиационных полков размещались на стационарных аэродромах, о которых было известно разведке противника. Непосредственно на границе находились пограничные войска, а также безоружные инженерные войска и части других подразделений, задействованных на строительстве укрепленных районов. К началу

боевых действий, пишет Абатуров, не было сделано главного – «не проведено отмотилизование и приведение в полную боевую готовность армий прикрытия, не созданы боееспособные группировки войск» (с. 29).

Автор подробно описывает начало войны, тщательно анализирует действия и передвижения немецких и советских войск. Он приводит следующие данные: за время боевых действий из 44 дивизий, входивших в состав Западного фронта, 24 дивизии (десять стрелковых, восемь танковых, четыре моторизованные, две кавалерийские) были разгромлены, остальные 20 потеряли от 30 до 90% сил и средств. Общие людские потери составили 417 790 человек, из них 341 073 погибли, попали в плен или пропали без вести; фронт лишился 9427 орудий и минометов, свыше 4700 танков, 1777 самолетов. Было потеряно 30% всех боеприпасов фронта, 50% горючего, 50% запасов продфуража, 90% вещевого имущества (с. 111).

Анализ боевых действий показывает, пишет Абатуров, что поражение советских войск было обусловлено неготовностью ЗапОВО к отражению внезапных и мощных танковых ударов врага, неудачной дислокацией войск. Многие соединения находились в стадии формирования и перевооружения. «Все это явилось результатом ошибочной оценки военным руководством страны военно-политической обстановки и времени возможного начала войны» (с. 113).

Вторая глава – «Смоленское сражение» – анализирует ход битвы, проходившей с 10 июля по 10 сентября 1941 г. на огромной территории: 600–650 км по фронту и 200–250 км в глубину, от Себежа и Великих Лук на севере до Лоева и Новгород-Северского на юге, от Полоцка, Витебска и Жлобина на западе до Торопца, Ярцева, Ельни и Трубчевска на востоке. В разное время в битве участвовали четыре советских фронта: Западный, Резервный, Центральный и Брянский. Против них сражалась немецкая группа армий «Центр» (29 дивизий – 12 пехотных, девять танковых, семь моторизованных, одна кавалерийская, 1040 танков, более 660 орудий и минометов), которую поддерживали свыше 1000 самолетов. Немецкое командование планировало прорвать оборону Западного фронта, окружить и разбить невелискую, смоленскую и могилевскую группировки и беспрепятственно наступать на Москву.

Автор отмечает, что в советской историографии Смоленское сражение всегда оценивалось как успешное, потому что удалось приостановить продвижение немецких войск к Москве. «При этом отдельные тактические успехи советских войск непомерно восхва-

лялись, в то время как военное искусство противника приуменьшалось или замалчивалось» (с. 116).

В.В. Абатуров подчеркивает значительное превосходство и в людях, и в технике со стороны Вермахта. Следует учесть и то, что сражение началось в крайне невыгодных условиях для Западного фронта, оборона была подготовлена недостаточно, не хватало танков, артиллерии, средств ПВО. Но самое главное – на моральном духе советских солдат отрицательно сказались поражения начала войны, стремительное наступление противника, его безусловное доминирование в воздухе и в танковых атаках.

Именно в разгар Смоленского сражения в августе 1941 г. был принят приказ № 270, подписанный И.В. Сталиным, В.М. Молотовым, С.М. Будённым, К.Е. Ворошиловым, С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошниковым, Г.К. Жуковым. Абатуров пишет, что автором этого приказа был Сталин: «Потеряв надежду на возможность стабилизировать линию фронта и не допустить разгрома, Верховный Главнокомандующий прибег, в значительной мере в силу критических обстоятельств, к своему испытанному методу жестких карательных мер. <...> Таким образом, уже в первые месяцы войны было окончательно сформировано отношение к собственным военнопленным. В ходе боев разбираться было некогда, и под этот приказ попадали и правые, и виноватые» (с. 146).

На первом этапе противнику удалось прорвать оборону Западного фронта и продвинуться почти на 200 км, захватить Ярцево, Смоленск, Ельню, Кричев. К началу августа 1941 г. на центральном участке фронта и на его флангах установилось относительное равновесие. В сентябре 1941 г. советские армии перешли в контрнаступление. 6 сентября им удалось потеснить противника, срезав стратегически важный Ельнинский выступ. Но, подчеркивает Абатуров, главная задача – окружение и полное уничтожение противника в этом районе – не была выполнена. По его мнению, к неудачам в Смоленском сражении привели несколько факторов, и прежде всего тяжелая ситуация на фронтах в июле–сентябре 1941 г., сложившаяся в результате ошеломляюще быстрого начала войны, умелых действий противника, неверной оценки обстановки со стороны советского командования, принятия необоснованных решений руководством страны и использования жестоких методов управления. Значительная часть старого состава военного руководства была репрессирована, а новые командиры, особенно на уровне армий и дивизий, не были готовы к серьезным наступательным

операциям, у них не было боевого опыта. «К тому же войскам не доставало вооружения, транспорта и нередко боеприпасов. Попад в сложную боевую обстановку, они проявляли немало героизма, упорства и мужества, но им не хватало сил, средств и умения вести наступление в тех особых условиях, которые сложились летом 1941 г.» (с. 192). В ходе Смоленского сражения Красная армия безвозвратно потеряла более 486 000 человек, раненых – более 273 000, 1348 танков, 9290 орудий и минометов, 903 самолета.

В следующей главе – «Катастрофы под Вязьмой и Брянском» – автор анализирует причины неудачных действий советских войск на первом этапе битвы за Москву. После Смоленского сражения на западном направлении наступило короткое затишье, во время которого уточнялись стратегические планы, восстанавливалась боеспособность войск. Уже 6 сентября 1941 г. Гитлер подписал директиву о большом наступлении на Восточном фронте. Командующий группой армий «Центр» генерал фон Бок 16 сентября отдал приказ о проведении наступательной операции под кодовым названием «Тайфун». Как и в начале войны, немцы задействовали крупные танковые соединения, поддерживаемые массированными ударами авиации. Противник наносил главный удар из трех районов: Духовщины, Рославля и Шостки; после прорыва линии обороны советских войск планировалось их окружение и уничтожение в районах Вязьмы и Брянска. Это была одна из самых грандиозных операций немецкого командования. К концу сентября в составе группы армий «Центр» насчитывалось 1 800 000 человек, 14 000 орудий и минометов, 1700 танков, 1390 самолетов. В войсках Западного, Резервного и Брянского фронтов было 1 250 000 человек, 10 309 орудий и минометов, 1044 танка, 545 самолетов.

Советской Ставке не удалось правильно спрогнозировать планы противника, основное внимание уделялось автостраде Минск–Москва. Автор подчеркивает, что в тот момент перевес противника над войсками Западного фронта не был подавляющим (591 танк против 486, 5651 орудие и миномет против 4028), но командующий войсками Западного фронта И.С. Конев не сумел правильно распорядиться имеющимися ресурсами еще на этапе подготовки операции. Это сказалось и на выборе местоположения основных сил фронта, хотя имелись довольно точные сведения о группировках противника. Войска были расположены так, как велела Ставка, вернее сказать, Сталин. В результате основные силы советских войск были сосредоточены на смоленско-вяземском на-

правлении. Таким образом, на направлениях главного удара противника его превосходство составило: по людям 4,1:1, по артиллерии 6:1, по танкам 31:1 (с. 198–199). «Низкие плотности артиллерии, танков, противотанковых и противовоздушных средств, незначительная глубина и очаговый характер обороны делали малоэффективной всю систему огневого поражения противника, борьбу с вражескими танками и противовоздушную оборону войск. Эти обстоятельства в сочетании с ошибками в определении направлений главных ударов противника и соответственно районов сосредоточения главных усилий фронтов в обороне привели к тяжелым последствиям для советских войск» (с. 203). Была (в третий раз) разорвана стратегическая оборона советских войск, им пришлось отступить от 250 до 390 км, линия фронта теперь проходила в 100–110 км от Москвы. Советские войска несли тяжелейшие потери, точных сведений о них нет до сих пор. По некоторым источникам, только в октябре под Москвой потери составили свыше 1 млн. бойцов и командиров.

Оборонительные сражения длились 67 дней, только к 5 декабря 1941 г. Красная армия остановила противника на московском направлении. О событиях контрнаступления под Москвой в декабре и последующей Ржевско-Вяземской наступательной операции (8.01–20.04.1942) рассказывается в четвертой главе – «Зимнее наступление Красной армии». К декабрю 1941 г. немецкие войска группы армий «Центр» были растянуты более чем на 1000 км, все дивизии участвовали в сражениях. Уже к 1 декабря фон Бок доносил своему командованию о невозможности вести наступательные бои. Советское командование правильно оценило расстановку сил на фронте и выбрало верные место и время для начала контрнаступления. Предполагалось одновременно нанести удары по противнику силами трех фронтов – Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронта, разбить немцев севернее и южнее Москвы и предотвратить угрозу ее захвата. Неожиданно для противника рано утром 5 декабря начали наступление войска Калининского фронта, на следующий день к ним присоединились группировки Западного и Юго-Западного фронтов.

В ходе Ржевско-Вяземской операции советские войска продвинулись на 250 км на витебском направлении, на 80–100 км – на гжатском и юхновском, были освобождены Московская, Тульская, некоторые районы Калининской и Смоленской областей. Но главная задача – окружение и уничтожение ржевско-вяземской группировки.

ровки немецких войск – не была выполнена. В ходе боев на этом направлении Красная армия понесла тяжелые потери – 776 889 человек, из них безвозвратно 272 320 человек, а также 957 танков, 7296 орудий и минометов, 550 боевых самолетов. По немецким данным, потери группы армий «Центр» за январь–март 1942 г. составили около 54 800 человек убитыми и пропавшими без вести, ранеными около 120 тыс. (с. 358).

Заключительная глава книги посвящена боям на Ржевско-Вяземском плацдарме. Автор рассматривает ход 1-й Ржевско-Сычёвской наступательной операции и операции «Марс», о которой советская историография упоминала крайне редко. Эта операция (также известна как 2-я Ржевско-Сычёвская) разрабатывалась одновременно с операцией «Уран» по разгрому немецких войск под Сталинградом; ее целью было окружение и уничтожение 9-й немецкой армии в Ржевском выступе силами Западного и Калининского фронтов. В ходе этой операции Калининский и Западный фронты безвозвратно потеряли 70 400 человек, 1363 танка. Согласно официальной версии, решительные действия советских войск на ржевско-вяземском направлении не дали врагу возможности перебросить войска под Сталинград. Но, полагает автор, это верно лишь отчасти и не оправдывает столь значительных людских и материальных потерь. Успех операции «Марс» был залогом дальнейшего широкомасштабного наступления, в частности, операции «Юпитер», в ходе которой планировалось полное уничтожение группы армий «Центр». «Но непомерные амбиции и честолюбие затмили трезвый расчет и скрупулезность в оценке обстановки. Ошибки, допущенные при планировании операции, он [Г.К. Жуков] пытался исправить в ее ходе за счет безжалостного, а порой безрассудного принесения в жертву своих войск не столько Марсу, сколько сверкающему вдалеке славой Юпитеру» (с. 444).

Ю.В. Дунаева

Хазанов Д.Б.

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ. –

М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2008. – 607 с.: ил.

(Реферат)

Книга Д.Б. Хазанова, основанная на материале советских и немецких архивов, а также на воспоминаниях участников событий, представляет собой скрупулезное исследование действий советской авиации в первые месяцы Отечественной войны (вплоть до описания отдельных воздушных боев и судеб конкретных людей). Автор пытается разобраться в причинах поражений ВВС РККА, оценить масштабы и результаты грандиозной битвы за небо. Монография состоит из трех частей, снабжена приложениями и иллюстрирована множеством редких фотографий.

Первую часть книги открывает глава, посвященная предвоенному состоянию советских ВВС и авиапромышленности, основным этапам формирования и развития советской авиации и военно-воздушной доктрины. Хотя еще в начале 1920-х годов Советская Россия в развитии авиастроения отставала от ведущих мировых держав и даже от Германии, которой по Версальскому договору запрещалось иметь военную авиацию, к концу 1930-х годов СССР удалось создать авиастроительную промышленность и наладить обучение кадров. Советскими военными теоретиками была разработана передовая теория применения воздушных сил, взятая на вооружение в том числе и нацистской Германией. Тем не менее успешно отразить удары Люфтваффе в 1941 г. советским ВВС не удалось. Причины этого, по мнению автора, кроются в отсталых технологиях, моторостроении, маломощной опытной производственной базе, слабой технической оснащенности научных институтов, недостаточной выучке пилотов и командиров. Нехватка алюминия привела к тому, что в конструкции самолетов широко применялось дерево; не хватало также надежных и компактных радиостанций и

навигационного оборудования. Опыт Гражданской войны в Испании остался неучтенным и широко не обсуждался даже в военных кругах, поэтому с тактикой германских летчиков, с их манерой вести воздушный бой советские авиаторы были практически незнакомы. При планировании борьбы за господство в воздухе была отброшена, как несостоятельная, идея авиаударов по неприятельским аэродромам. Основным методом считался воздушный бой, причем «мало кто из авиационных специалистов сомневался, что основные схватки развернутся вблизи практических потолков высоты самолетов. В реальной жизни немецкая авиация действовала на малых, а иногда – предельно малых высотах» (с. 114). Вдобавок к вышеперчисленному начавшееся в 1940 г. формирование большого числа новых авиационных соединений значительно снизило боеготовность и слетанность старых, хорошо сколоченных частей, так как из них были взяты наиболее опытные кадры. Тяжелейший удар по военной авиации и авиапромышленности нанесли также репрессии 1937–1938 гг.

Во второй главе книги подробно рассказывается о первом дне войны на протяжении всего фронта немецкого вторжения. К 22 июня 1941 г. советская фронтовая авиация имела в приграничной зоне 9917 боевых самолетов (кроме вспомогательной авиации), но в большинстве своем это были машины устаревшие, уступающие германским по живучести и скорости, а часто просто изношенные. Однако имелось и 1317 машин новых образцов. Но эти самолеты только начали поступать в войска, имели еще много производственных дефектов и конструктивных недостатков, запчастей к ним практически не было, а главное – слишком малым было количество пилотов, их освоивших. «18 Ил-2, которые перед войной отправили в Прибалтийский, Западный и Киевский округа, – пишет автор, – практически не имели боевого значения. Ведь первая группа летчиков, освоивших на Воронежском заводе № 18 бронированные штурмовики, видимо, так и не успела к роковому часу прибыть в части. Во всяком случае, о боевых вылетах “илов” 22 июня ничего не известно» (с. 33–34).

В составе германских эскадр вторжения боеспособных самолетов имелось чуть более 2000, но умение концентрировать силы на направлениях главных ударов, отличная работа разведки, заранее указавшей местонахождение советских аэродромов, внезапность нападения позволили Люфтваффе почти безнаказанно господствовать в воздухе. Слабо развитая аэродромная сеть в западных недавно

присоединенных к СССР районах также играла на руку гитлеровцам — чрезмерная скученность построенных в линию самолетов на имеющихся аэродромах не позволяла успешно маскироваться и маневрировать. Одной из причин линейного расположения самолетов на аэродромах был банальный недостаток бензозаправщиков и автостартеров: хаотично расположенные самолеты трудно быстро подготовить к вылету. Что касается маскировки, то хотя еще 27 декабря 1940 г. НКО был издан приказ, требующий к 1 июля 1941 г. закончить маскировку всех аэродромов, расположенных в 500-километровой приграничной зоне, к началу войны эта работа была далека от завершения.

С первых минут войны советские авиаторы столкнулись с неожиданной тактикой немецких летчиков при налетах: мелкие и средние группы бомбардировщиков и истребителей чередовались, создавая некое подобие карусели, и атаковали один и тот же аэродром по три-четыре раза, практически до полного уничтожения. Взлетевшие по первой тревоге советские самолеты либо возвращались на уже разбитые аэродромы, либо попадали на земле, после посадки, под новый удар противника. Отсутствие надежной связи не позволяло ни эффективно управлять своими воздушными силами, ни вовремя отвести их на запасные аэродромы. К тому же общего плана вывода частей из-под удара у советского командования не существовало. Катастрофически обстояли дела в Западном особом военном округе, войска которого прикрывали границу на протяжении 470 км от Гродно до Бреста включительно. Здесь положение усугубилось еще и расположением аэродромов в непосредственной близости к границе (15–20 км). «Как следовало из немецких документов, наибольшие потери 22 июня Люфтваффе понесли на Украине (там некоторые наши авиационные дивизии базировались на удалении более 300 км от границы) при рейдах по расположенным в глубоком тылу объектам Киевского особого военного округа» (с. 150).

Автор считает, что 22 июня авиация РККА потеряла не менее 2000 самолетов (сбитые, уничтоженные на аэродромах, брошенные). По материалам немецких архивов, безвозвратные потери (боевые и небоевые) Люфтваффе составили 78 машин. Подводя итоги первому дню начавшейся войны, Хазанов пишет: «Не будет ошибкой утверждать, что обстановка неразберихи, отсутствие твердого руководства принесли больше ущерба, чем непосредственно бомбардировки и обстрелы немецкими самолетами» (с. 58).

В третьей главе описываются налеты советских ВВС на Финляндию в конце июня 1941 г. Формально она еще оставалась нейтральной, однако обязалась вступить в войну против СССР через 14 дней после начала германского вторжения. Поскольку в Москве Финляндия рассматривалась как союзник Германии, советской Ставкой было принято решение о нанесении начиная с 25 июня серии ударов с воздуха по финским аэродромам, в которых приняли участие около 300 самолетов ВВС Северного и Северо-Западного фронтов, Балтийского и Северного флотов. Это был единственный пример упреждающих действий советских ВВС в июне 1941 г. Интересно также, что план операции, по-видимому, был разработан еще до начала войны, поскольку «вряд ли за одну ночь можно было подготовить и обеспечить боевые действия нескольких соединений» (с. 139). Хотя и менее интенсивные, налеты на финские аэродромы продолжались вплоть до 1 июля. Сравнение советских документов с финскими, впрочем, показывает, что результаты данной операции были довольно скромными. Этому способствовало то, что финские аэродромы располагались довольно далеко от границы и не были достаточно тщательно разведаны советской авиацией.

Большое внимание Хазанов уделяет описанию воздушной войны над Москвой и Подмосковьем летом 1941 г. Он анализирует вопросы строительства и функционирования противовоздушной обороны столицы, приводит сведения о потерях сторон, о погибших и пострадавших при бомбардировках, о разрушениях в городе. Во время летних налетов на Москву гитлеровское командование рассчитывало, помимо бомбежек военных объектов, также посеять панику среди москвичей, подавить их волю к сопротивлению. Однако весьма сильная противовоздушная оборона города оказалась для немцев неожиданной. Как писал немецкий историк К. Рейнгарт, «противовоздушная оборона Москвы была такой сильной и хорошо организованной, что немецкие летчики считали налеты на русскую столицу более опасным и рискованным делом, нежели налеты на Лондон» (цит. по: с. 220). По свидетельству немецких асов, им «удавалось относительно легко уклоняться от перехвата ночными истребителями русских, а вот мощный огонь зенитных орудий часто вынуждал прекращать выполнять задание» (цит. по: с. 199). Зенитчикам помогали московские прожектористы; по разным оценкам, им удалось осветить от 29 до 33% самолетов противника, принимавших участие в налетах. Аэростатное заграждение заставило немцев поднять высоту полета до 5000 м, но «к сожалению

нию, летом 1941 г. от ударов о тросы пострадало немало своих истребителей» (с. 214).

Первый налет на Москву состоялся в ночь на 22 июля силами 195 самолетов (по советским данным, их было 220) и продолжался четыре часа. Во время него немецкие самолеты шли непрерывным потоком мелких групп (от двух до девяти в группе), действуя с высот от 1000 до 4000 м, сбросили 104 т фугасных бомб и более 46 000 штук мелких зажигалок. Этот налет принес Москве самый большой урон: «Пострадало 792 человека, 130 из которых погибли. В городе возникли 1166 очагов пожаров, причем 36 раз случились возгорания на военных объектах, а 8 – на железнодорожном транспорте» (с. 196). В ту ночь, единственный раз за все время налетов на Москву, «юнкеры» смогли переходить в пикирование и обстреливать объекты и людей из пулеметов. Однако лишь половина немецких экипажей смогли выполнить задание. Сталин в специальном указе от 22 июля «объявил благодарность участникам отражения налета. Это был первый с начала войны приказ Верховного Главнокомандующего о поощрении» (с. 193). 81 защитник Москвы был награжден. Советское командование сообщило, что было сбито 22 вражеских бомбардировщика, из них 12 – истребителями. Германские документы подтверждают потерю не более чем семи самолетов.

Следующей ночью «серьезно пострадал московский метрополитен. Одна крупная авиабомба пробила перекрытие тоннеля на перегоне Смоленская–Арбат, другая попала в эстакаду метромоста неподалеку, а третья разорвалась у входа в вестибюль у Арбатской площади. Пострадало более 100 человек, из которых 60 погибло. Наибольшие жертвы вызвала паника, возникавшая на лестнице эскалатора. В ту же ночь не менее 76 авиабомб различного типа упали в Кремле и на Красной площади» (с. 197). В дальнейшем количество самолетов было сокращено, а удары стали наноситься с большей высоты. Когда же группа армий «Центр» 30 июля была вынуждена временно перейти к обороне, налеты на Москву продолжились мелкими группами и одиночными самолетами, с тем чтобы держать силы советской ПВО в постоянном напряжении. Последний крупный налет состоялся в ночь на 11 августа. В нем участвовало около 100 бомбардировщиков в двух волнах. Во время следующего налета в ночь на 12 августа полутонная бомба полностью разрушила здание Арсенала Московского Кремля. Однако фотоснимки, сделанные самолетами-разведчиками, показывают не слишком высо-

кую эффективность немецких бомбардировок: большинство бомб попало в парки, скверы, стадионы.

Всего «в результате бомбардировок с 22 июля по 22 августа 1941 г. погибло 736 москвичей и 3513 человек получили ранения. <...> Пострадали несколько крупных столичных предприятий, мосты, вокзалы, объекты городского и железнодорожного транспорта» (с. 220). Автор считает, что на каждый сбитый в конце июля – начале августа немецкий самолет приходился один потерянный советский. Всего за 1941 г. немцы произвели 76 налетов на Москву.

В последней главе первой части рассказывается о налетах, проведенных силами ВВС Черноморского флота и дальнебомбардировочной авиации на нефтепромыслы Румынии и ее военноморскую базу Констанца, первый удар по которой состоялся в ночь на 23 июня, был хорошо организован и оказался для врага внезапным. Решающего воздействия на ход войны эти налеты не оказали, однако заставили немцев и румын держать значительные силы ПВО в постоянной готовности.

Вторая часть книги посвящена боевым действиям на Юго-Западном фронте и обороне Киева. За три месяца противнику удалось продвинуться на этом направлении более чем на 600 км вглубь советской территории, захватив огромные трофеи. К началу войны ВВС Киевского особого военного округа были самыми многочисленными из всех приграничных округов, включая в себя почти 30% фронтовой авиации, сосредоточенной на Западном театре. Авиация КОВО превосходила немецкую в 2,3 раза, к тому же ее главные силы не были разгромлены на аэродромах в первые дни войны. Подробно описывая действия ВВС сторон с 22 июня по 26 сентября, когда Киевская оборонительная операция закончилась поражением Красной армии, автор показывает, как неумение руководить войсками, отсутствие связи, распыление сил авиации по всему фронту привели в конце концов к катастрофе. «К этому, – отмечает Хазанов, – следует добавить такое положение, когда все (!) должности командующих ВВС армий оставались вакантными, а штабы укомплектовывались зачастую случайными офицерами, не имевшими оперативной подготовки» (с. 302).

Разделение авиации на армейскую и фронтовую усложнило управление ею и тем самым снизило эффективность поддержки наземных войск. Отсутствие на общевойсковых КП представителей ВВС приводило к большой потере времени между принятием решения и подъемом самолетов в воздух. В результате обстановка

нередко успевала кардинально измениться, так что «и красноармейцы обстреливали, а бывало сбивали самолеты с красными звездами на борту, и бомбы падали в расположении своих войск» (с. 304). При отсутствии надежной связи «незнание авиаторами точной линии боевого соприкосновения, отсутствие обозначения наземными войсками специальными сигналами переднего края вынуждало экипажи из опасения поразить свои позиции выбирать цели, расположенные в глубине вражеской обороны» (с. 387). Отсутствие связи и недостатки разведки сказались также на поддержке авиацией полуокруженных под Уманью 6-й и 12-й армий, а затем, когда кольцо окружения замкнулось, — на невозможности навести воздушный мост. Несмотря на то что примерно половина всех самолето-вылетов затрачивалась на борьбу за господство в воздухе, советские авиасоединения действовали слишком пассивно. Зенитчики совершенно не умели вести борьбу с пикирующими бомбардировщиками и к тому же «плохо знали силуэты многих наших самолетов — Як-4, Пе-2, Су-2, но, случалось, сбивали и хорошо изученные СБ и ДБ-3» (с. 304).

В августе улучшилась работа штабов, были отработаны вопросы взаимодействия наземных войск и ВВС, но отсутствие радиоаппаратуры на самолетах не позволяло наладить управление авиачастями с земли. Практически управление состояло в организации взлета и посадки, в воздухе же летчики действовали самостоятельно. Была налажена ночная работа бомбардировочной авиации как способ уменьшения потерь. Однако немцы считали, что советские бомбардировки на ход сражения повлияли незначительно. Автором приводятся слова бывшего летчика Люфтваффе: «Русские вылетали с раннего утра до позднего вечера большими группами. Не наблюдалось даже признаков какой-либо системы или концентрации усилий. Короче говоря, прослеживалось желание в любое время постоянно держать дежурные патрули над полем боя. Существовали зоны (как Киев) сугубо оборонительных действий истребителей, в которых самолеты почти постоянно патрулировали на высоте от 1000 до 4500 м» (цит. по: с. 466). Немцы при меньшем числе вылетов достигали большего.

Практически до последнего дня советское руководство полагало, что окружения столицы Украины не произойдет, что «наша авиация своими ударами если и не остановит, то, во всяком случае, притормозит стремительное продвижение мотомеханизированных групп неприятеля. Во время переговоров с командующим фронтом

в ночь на 11 сентября начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников заявил, ссылаясь на данные авиационной разведки, что в наш тыл просочились лишь небольшие группы противника, которые уже частично уничтожены авиацией» (с. 475). Но уже вечером 14 сентября немцы замкнули кольцо окружения. Вину за трагедию, разыгравшуюся на Украине, автор возлагает на высших военных и политических руководителей страны во главе со Сталиным.

В третьей части монографии рассказывается о налетах германской авиации на Ленинград и Кронштадт. Первоначально немцы имели на этом направлении всего 78 самолетов различных типов, действия которых ограничивались в основном постановкой морских мин и разведкой. Уже во время первой воздушной тревоги, объявленной в Ленинграде в ночь на 23 июня, зенитчикам удалось сбить один из 12 самолетов противника, а его экипаж взять в плен. К 23 июля советскими прожектористами было организовано первое световое поле площадью 25 на 30 км над районом прохождения неприятельских разведчиков, а к 30 июля район Ленинграда прикрывали 297 аэростатных постов. С первого дня войны истребители ПВО приступили к боевому дежурству; автор отмечает, что за первые 40 дней боев «97% самолето-вылетов было произведено на выполнение задач непосредственно противовоздушной обороны» (с. 507). Очень эффективным оказалось создание засад истребителей на 70–150-километровом удалении от Ленинграда на аэродромах Чудово, Малая Вишера, Любань, которые нанесли ряд неожиданных ударов по фашистским бомбардировщикам и разведчикам. Причем воздушным соединениям фронта удалось сохранить высокую боеспособность, а понесенные ими потери были гораздо меньше, чем на других фронтах.

Силы германской авиации значительно возросли после того, как немцы в соответствии с директивой Гитлера за № 34 от 30 июля перешли к обороне на московском направлении и перенесли основные усилия на фланги Восточного фронта. К 8 августа, когда войска группы армий «Север» перешли в наступление, располагая примерно 750 самолетами (без войсковой и транспортной авиации), ВВС Северного фронта насчитывали немногим более 1000 самолетов, причем примерно 20% из них составляли машины нового типа и уровень их освоения личным составом значительно возрос. Но силы авиации снова были рассредоточены по всему фронту. Когда советскому командованию удавалось сконцентрировать хотя бы часть сил на наиболее опасном участке, действия наших летчиков

серьезно затрудняли жизнь фашистам, как, например, на кингисеппском направлении, где воздушные бои принимали характер настоящих сражений.

Тем не менее фронт приближался к Ленинграду. 4 сентября на город впервые обрушились снаряды дальнбойной артиллерии противника, а с 8 сентября начались массированные налеты немецких бомбардировщиков, продолжавшиеся до конца месяца. Когда враг вышел на ближние подступы к городу, эффективно бороться с ним силами оставшейся истребительной авиации стало практически невозможно. В условиях блокады наиболее действенным методом борьбы было признано создание подразделений дальнебомбардировочной авиации для ударов по неприятельским аэродромам, подчинявшихся непосредственно Ставке.

М.М. Минц

Мигарджи Дж.П.
ВОЙНА НА УНИЧТОЖЕНИЕ: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
И ГЕНОЦИД НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ, 1941
(Реферат)

Megargee G.P.

WAR OF ANNIHILATION: COMBAT AND GENOCIDE ON THE
EASTERN FRONT, 1941. – Lanham (Maryland) etc.: Rowman &
Littlefield, 2006. – XVI, 177 p.: ill.

Реферируемая монография Джеффри П. Мигарджи (Американский мемориальный музей Холокоста) посвящена преступлениям нацистов на оккупированной советской территории – прежде всего репрессиям против местного населения, геноциду евреев и жестокому обращению с советскими военнопленными. Кроме того, автор стремится исследовать и показать взаимосвязь оккупационной политики немцев с ситуацией на фронте. Тема жестокостей «войны на уничтожение» уже довольно долгое время приковывает внимание историков. В данном случае мы имеем дело, как признает сам автор, не с самостоятельным исследованием, а скорее с попыткой обобщить имеющийся обширный материал.

Важным препятствием на пути изучения войны между СССР и Германией автор считает мифологизацию немецкого военного гения, особенно в части предполагаемой моральной корректности военнослужащих Вермахта. Кроме того, он отмечает проблемы доступности источников и конъюнктурное использование мемуаров проигравших генералов в антикоммунистических целях, а также искусственное, по его мнению, разделение военных операций и военных преступлений. Мигарджи настаивает на существовании определенной связи между «военным» и «геноцидным» аспектами войны и ставит перед собой задачу «соединить оба этих аспекта в рамках краткого очерка о начале кампании» (с. XIII).

В своей работе автор стремится найти ответ на вопросы о том, каковы были представления германского руководства и насколько они влияли на военное командование; почему нацистское руководство приняло решение о войне с Советским Союзом и на чем основывалась его убежденность в будущей победе Германии; как цели и ожидания немцев соотносились с их поведением в отношении врагов на поле боя и вне его и как эти цели и ожидания изменялись со временем. Для ответов на эти вопросы автором был проведен анализ долгосрочных культурных, социальных, политических тенденций в Германии, приведших к войне; решений Гитлера о том, что необходимо для победы; военных планов и планов развития оккупированных территорий, а также их реализации в первые, важнейшие месяцы Отечественной войны (до начала 1942 г., когда стал очевиден провал планов блицкрига). Монография состоит из введения, шести глав, заключения и двух приложений.

В первой главе – «Корни войны на уничтожение» – автор указывает на то, что уже к началу XX в. немцы ощущали свое общее превосходство над другими народами, равно как и угрозы, исходящие, как им казалось, со всех сторон. Неожиданное поражение в Первой мировой войне в условиях, когда германские войска еще сражались на территории противника, породило мнение об «ударе в спину», будто бы нанесенном евреями и коммунистами, что сопровождалось ростом враждебности к тем и другим. Жестокость и разрушения периода войны сделали насилие привычным для нации, а носители правых взглядов рассматривали его как вполне допустимое средство для достижения своих целей.

Философия «консервативных революционеров», реваншизм и идеи очищения, выковки нового человека, равно как и распространившаяся доктрина социал-дарвинизма также весьма сильно повлияли на представление о войне как об основном инструменте глобальных преобразований и разрешения конфликтов. Сам Гитлер не раз заявлял, что цель войны – не достижение какого-либо рубежа, а полное уничтожение врага. Нельзя забывать и о понятии *Lebensraum*, «необходимого жизненного пространства», распространение представлений о котором автор связывает с тем, что в ходе войны произошел контакт немцев с более бедным сельским населением на востоке.

Таким образом, борьба с евреями, борьба с СССР (представлявшимся как экспансионистское «еврейско-большевистское государство») и борьба за «жизненное пространство» определяли курс

нацистов в отношении «России и ее вассальных пограничных стран» (с. 4).

Все это сопровождалось разработкой новой концепции *тотальной войны*, в основу которой были положены как идея концентрации всех ресурсов для достижения победы, так и допустимость (или даже желательность) использования в своих интересах или уничтожения любого источника силы врага: военная необходимость спишет все, в том числе и одинаково враждебное отношение как к военнослужащим, так и к гражданским лицам противника. Кроме того, новая концепция требовала достижения единства в обществе, чтобы избежать удара в спину. Представление о том, что «Великая война» (в социал-дарвинистском смысле, а не просто как Первая мировая война) не закончилась, приводило к мысли о необходимости «перевооружения», переустройства общества – политической, военной, экономической, идеологической сфер. Для борьбы со слабостью и разобщенностью предполагалось развивать социальное государство, проводить культурную модернизацию, бороться с коррупцией и милитаризовать общество. Важнейшим элементом такой системы становился «принцип фюрерства», предполагавший, в частности, буквальное исполнение приказов (на что впоследствии будут указывать проигравшие генералы). Впрочем, автор отмечает, что традиция автоматического повиновения в германской армии отсутствовала, более того, присутствовала склонность к независимому мышлению. Однако еще в XIX в. существовало представление о том, что командир должен отдавать приказы, отражающие настроение подчиненных, а для снятия социальных барьеров между командиром и его людьми необходима индоктринация – внедрение общей идеологической концепции для формирования определенных настроений.

Конечно, существование этих тенденций еще не означало неизбежности последовавшего развития событий, тем более что большинства населения они не касались. Однако, по мнению Мигарджи, именно вера в собственное расовое превосходство и «необходимое жизненное пространство», ненависть к «еврейскому большевизму», вера в неизбывную борьбу народов и право Германии использовать любые средства, чтобы победить, активное желание новой войны при уверенности, что она будет тотальной, – все это и привело в конце концов к «натиску на восток».

Автор считает, что уже в германо-польской войне 1939 г. можно обнаружить идеологический конфликт, хотя и не слишком

явный. Кроме того, именно во время польской кампании быстрое наступление армейских частей Вермахта впервые сопровождалось использованием спецподразделений СС – айнзацкоманд, – чтобы контролировать обширные области в тылу действующей армии, а также для репрессий против мирного населения на оккупированных территориях. Как отмечает автор, между военными и СС существовали противоречия, но скорее тактического плана: военные не одобряли массовые расстрелы мирных жителей в целях устрашения. В то же время их беспокоили не столько нарушения норм морали, сколько возможные проблемы с дисциплиной, которые могли сказаться на боевых качествах армии. Присутствовало здесь и естественное желание отстраниться от возможных жестокостей, не пачкать руки. Однако в целом был достигнут вполне приемлемый уровень кооперации армии, СС и полиции. Сама армия в следующий раз будет лучше подготовлена к «расовой» войне.

Во второй главе – «Планы и приготовления, 1940–1941» – автор делает акцент на том, что война Германии с Советским Союзом не была спонтанной и потребовала более года подготовки. Позиция Сталина в этот же период определялась ожиданием взаимного истощения европейцев, стремлением не провоцировать Гитлера и готовностью продолжать сотрудничество с Рейхом. Шокирующее быстрое поражение Франции показало, что к следующему шагу в глобальном противостоянии никто среди германского руководства не готов. У Германии не было способа быстро победить Англию, но и та была неспособна к наступательным действиям на континенте, что делало для Германии допустимым открытие второго фронта на востоке Европы. В этих условиях устремления обратились в сторону СССР, победа над которым не только лишила бы Англию мощного потенциального союзника, но и дала бы Рейху новые территории, новые ресурсы (продовольственные, сырьевые, трудовые), которые можно было бы использовать против Англии и, в конечном итоге, по мнению автора, против США, у которых вследствие этого не было бы никаких шансов устоять.

Автором особо подчеркивается, что Гитлер часто основывал свои оценки других наций на ненадежной информации и упрощающих концепциях. Отсюда его самоуверенность (подкрепленная итогами французской кампании), убежденность в организационно-техническом, морально-интеллектуальном и расовом превосходстве Рейха, вера в то, что борьба за выживание оправдывает все, тем более в столкновении с такой извращенной и злонамеренной силой,

как Советский Союз. С подобных позиций СССР, представлявшийся «государством славян под властью евреев» (с. 24), что с точки зрения расовой теории означало неэффективное руководство, имевший на своей территории недовольные меньшинства, прошедший «раздувающие политическую нестабильность чистки» (с. 24), считался в военном отношении слабым противником, что, в свою очередь, позволяло надеяться на быструю победу. На деле же план вторжения изначально нес в себе семена своей неудачи. Существовала серьезная неготовность к войне на макроуровне, включающая в себя не только нехватку боеприпасов, горючего, снаряжения и подготовленных солдат, но и ошибочный подход к планированию. То, что сперва были разработаны военные планы, а уже затем, в условиях неопределенности и конфликта приоритетов, при значительном разнообразии ландшафтов и большом числе снабжаемых, прорабатывалась логистика снабжения, превращало всю кампанию в авантюру. Мигарджи отмечает, что, несмотря на послевоенные заявления немецких военачальников об их несогласии с планом агрессии против СССР, генералы разделяли отношение Гитлера к «еврейско-большевистскому» государству, признавали конфликт необходимым и неизбежным и тоже рассчитывали на быструю и легкую победу, чем и подтолкнули фюрера к его решению. Автор также указывает на невозможность разделить, как это делали исследователи в прошлом, экономические и военные планы и преступные замыслы. Не только расизм и концепция тотальной войны, стратегические и политико-экономические цели, но и сложности снабжения и охранения вкупе с желанием быстрой победы – все это сильно сказалось на степени жестокости войны.

Нацистское руководство отдавало себе отчет в том, что его приказы нарушают подписанные Германией международные конвенции, но тем не менее, требуя энергичных мер против большевистских агитаторов, саботажников, евреев, санкционировало применение оружия в случае «активного или пассивного сопротивления, неподчинения, попытки восстания или бегства». Дело не ограничивалось своеобразным «отпущением грехов» для специальных групп в зоне действия армии, издавались также приказы и инструкции, требующие безжалостности к врагу, что оправдывалось его особой большевистской природой.

Из-за своей убежденности в быстрой победе германское руководство оказалось не готово к наплыву большого числа пленных, что, в свою очередь, стало причиной их недостаточного снабжения

пищей, медикаментами, жильем, транспортом, работой. Пренебрежительное отношение к военнопленным оправдывалось тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию. Автор с возмущением описывает перемещение пленных пешком в лагеря, которые по мере движения фронта на восток оказывались все дальше в тылу. К тому же лагерей не хватало, из-за чего пленникам приходилось строить их самостоятельно, зачастую при отсутствии материалов и инструментов, и в результате лагерь нередко состоял из проволочной ограды, вышек и примитивных укрытий или даже нор в земле. Недостаточный уровень снабжения был связан не только с организационными проблемами, когда потребности фронта не позволяли заниматься пленными, но и в значительной степени с безразличием к их судьбе, вызванным приказами «сохранять дистанцию» в общении с ними и чувством собственного превосходства. Возможно, это было связано также с тем, что изначально представители армейского командования не планировали играть заметную роль в проведении оккупационной политики. Их расчет строился на том, чтобы победить советское правительство, а после уступить управление новыми территориями представителям политической власти. В связи с этим не были подготовлены силы безопасности для контроля больших районов на случай широкомасштабного сопротивления. К тому же на систему снабжения ложилась дополнительная нагрузка из-за необходимости обеспечивать деятельность «отрядов наведения порядка».

Местное население, считает Мигарджи, поначалу было настроено довольно дружелюбно по отношению к немцам, что позволило назначать местную власть из местных жителей, несколько снизив тем самым нагрузку на силы Рейха. По отношению к жителям СССР со стороны немцев существовала некая двойственность: с одной стороны, они рассматривались как жертвы сталинизма, с другой – разом записывались в грязные, нечестные, расово неполноценные, враждебные. Так высокомерие и недоверие оказались сильнее дружелюбия, а проявлением терпимости было не изменение общей репрессивной политики, а избирательное ее применение, например, «обвинять в применении тактики выжженной земли и саботаже русских, евреев, коммунистов, а не всех местных жителей» (с. 66). Большинство же офицеров считало, что единственный способ ослабить или подавить сопротивление – проявить максимум жестокости. Гитлер в этой связи подчеркивал, что партизанская война имеет свои преимущества, в частности, дает возможность

искоренить все, что выступает против Рейха. Террор виделся подходящим инструментом, чтобы сломить волю врага к сопротивлению, тем более что, по мнению руководства Германии, «русские привыкли к жестоким мерам властей» (с. 65), и это якобы позволяло вводить в том числе и систему коллективной ответственности. Подобное поведение резко контрастировало с рассказами стариков об оккупации времен Первой мировой, когда немцы вели себя более корректно и занимались скорее реформированием и улучшением жизни местных жителей. По мнению автора, бесчеловечная природа нацистской оккупации вызвала у населения глубокий шок и привела к постоянно растущей поддержке партизан, несмотря на сильные антисталинские настроения. Только гитлеровский режим, отмечает Мигарджи, мог своими действиями убедить людей, что при Сталине жить лучше.

В результате уже к концу июля 1941 г. для охраны линий снабжения были задействованы шесть пехотных дивизий, а также подразделения службы безопасности, вспомогательные местные силы, союзнические отряды. Смерть полагалась за шпионаж, саботаж, помощь партизанам, хранение оружия, радио, коммунистической литературы. Особенно распространенной была логическая связь понятий «партизаны» – «большевики» – «евреи». Борьба с евреями в рамках идеологии нацизма не только являлась самоцелью, но и воспринималась как ключ к уничтожению СССР, а также как способ уменьшить число лишних ртов. Этим и объяснялось то, что именно евреи становились первыми жертвами насилия, принудительных работ и уничтожения. Реакция армии варьировалась от робкого смирения до энтузиазма и поддержки айнзацкоманд снабжением, боеприпасами, транспортом, помещениями. В лучшем случае армия сохраняла нейтралитет. Как замечает автор, в 1941 г. генералы еще не понимали масштаба смертей и мучений, с которыми им предстоит столкнуться.

Третья глава посвящена событиям июня–августа 1941 г. Автор описывает как ход боевых действий на фронте, так и события, происходившие на оккупированных территориях. Первоначальный успех, достигнутый немцами в первые недели войны, оказался все же ограниченным. Вермахт по многим параметрам превосходил противника, но для одновременного наступления по расходящимся направлениям его сил все-таки не хватало. Несмотря на понесенные потери, Красная армия продолжала упорно сопротивляться. Активность советских войск вкупе с плохими дорогами подрывали

мощь транспортной системы Вермахта, что приводило к перебоям со снабжением. Советские запасы продовольствия, горючего и техники, захваченные немцами в приграничных районах, также оказались недостаточными и к тому же низкого качества. Кроме того, вскоре после начала кампании вновь обозначились разногласия между политическим и военным руководством по вопросу о том, как действовать дальше.

В этих условиях руководство Рейха вынуждено было сочетать в своей оккупационной политике как идеологически мотивированные, так и сугубо практические решения. Как показывает автор, в этих вопросах между военными и политическим руководством также не было единства: армия выступала скорее за охрану тыла, прочную защиту линий снабжения и свободу использования местной экономики, тогда как нацистская верхушка делала основной акцент на борьбе со своими политическими и «расовыми» противниками – прежде всего коммунистами и евреями. Серьезных противоречий между военными и нацистами, впрочем, пока не возникало, поскольку ближайшей задачей и те, и другие видели элементарное наведение порядка и борьбу с партизанами. При этом убежденность в легком исходе противостояния порождала пренебрежительное отношение к мирному населению, а вера в эффективность жестокости приводила лишь к дальнейшему раскручиванию спирали насилия.

В четвертой главе рассматриваются события августа–сентября 1941 г. Автор описывает разногласия между Гитлером и военным руководством по вопросу о дальнейших действиях (захват Украины и Донбасса или наступление на Москву), а также анализирует отношение исследователей к решению фюрера приостановить наступление на центральном участке фронта, отмечая, однако, при этом, что на тот момент уже ничто не могло гарантировать победу Германии. В этих условиях среди генералов стала распространяться вера в «одну последнюю удачную атаку», которая сможет гарантировать победу и тем самым решить проблемы снабжения.

Нагрузка на тыловые подразделения Вермахта в этот период продолжала нарастать – как из-за удлинения линий снабжения по мере продвижения в глубь советской территории, так и в связи с ростом числа пленных. Это подталкивало германское руководство к дальнейшему ужесточению оккупационной политики; таким образом, серьезных противоречий между идеологическими и практическими соображениями по-прежнему не возникало.

Убежденность немцев в быстром конце войны способствовала пренебрежительному отношению к военнопленным; лагеря для их содержания не были построены в достаточном количестве и не были подготовлены к зиме. Частым явлением были пешие марши пленных в тыл. Снабжение их продовольствием осуществлялось фактически по остаточному принципу.

В августе-сентябре происходит эскалация насилия, особенно в отношении евреев. Параллельно с массовыми расстрелами разрабатывались более «эффективные» инструменты геноцида, в том числе мобильные газовые камеры. С их помощью предполагалось не только скрыть следы прямого германского участия в убийствах, но и помочь справиться с угнетавшим исполнителей стрессом. Политика геноцида на данном этапе встречалась с пониманием на любом уровне и легко находила оправдание по уже привычной схеме «евреи – коммунисты – партизаны». Армия организовывала снабжение, предоставляла транспорт, занималась регистрацией евреев, их охраной и транспортировкой. В основном военные держали дистанцию от прямого участия в убийствах, но порой случалось и это.

Автор отмечает, что советское руководство явно было не готово к потере столь обширных территорий и организации на них вооруженного сопротивления и вынуждено было импровизировать. В первые месяцы войны поддержка партизан местным населением была довольно ограниченной. Напротив, этот период характеризовался появлением большого числа коллаборационистов. Жители оккупированных областей оказались в непростом положении, будучи вынужденными выбирать между опасностью со стороны партизан, требовавших продовольствия, крова, выполнения работ и порой угрожавших смертью, и немцев, также требовавших продовольствия (от колхозов), выполнения работ, информации о партизанах и тоже угрожавших смертью. Однако репрессивная политика оккупантов убеждала население в невозможности сотрудничества с ними, что приводило к нарастанию сопротивления.

Пятая глава – «Последний рывок на Москву и системный крах, октябрь–декабрь 1941 г.» – посвящена операции «Тайфун» и ее провалу. Автор отмечает, что имеющиеся техническое и тактическое превосходство Вермахта позволило добиться на первом этапе наступления успехов даже более крупных, чем ожидалось, но и этого оказалось недостаточно для полной победы. Тому было несколько причин. Сыграли свою роль и погодные условия: немецкое наступление совпало по времени с началом распутицы, вслед за

которой наступили сильные холода. Однако, замечает автор, Красная армия в этих условиях испытывала те же проблемы, что и Вермахт, т.е. основной причиной провала операции «Тайфун» была не погода, а неудачное планирование, следствием которого стали перебои со снабжением, проблемы с пополнением действующих войск, отрыв подвижных соединений от пехоты. К тому же истинная численность советских вооруженных сил превышала германские расчеты в 1,5 раза, а осенью 1941 г. советское командование, основываясь на поступившей информации о военных планах Японии, перебросило под Москву дополнительные силы с Дальнего Востока. Германское руководство явно не осознавало всю серьезность сложившейся ситуации; более того, в начале октября Гитлер заявил, что уже окончательно сложились условия для «последнего удара колоссальной силы» (с. 99), который позволит сокрушить врага до зимы. Планируемые темпы наступления временами были завышены настолько, что в отдельных случаях выполнить отдававшиеся приказы в срок едва ли было возможно даже при отсутствии сопротивления.

К началу декабря стало ясно, что война принимает затяжной характер, а у Вермахта нет сил ни эффективно наступать, ни эффективно обороняться. Немцы еще не успели оборудовать укрепленные позиции, не хватало жилых помещений. Зимняя одежда, топливо, стройматериалы, боеприпасы – все находилось в глубоком тылу. В этих условиях, подчеркивает Мигарджи, на первый план неизбежно выдвигались экономический и моральный факторы.

В тылу в это время, как указывает автор, господствовали «циничное манипулирование, злостное небрежение и убийственная жестокость» (с. 115), что скорее усиливало сопротивление, чем уменьшало его. Продолжало ухудшаться и положение пленных, которых в результате применения Красной армией тактики выжженной земли стало нечем кормить. Автор, впрочем, отмечает, что в соответствии с международным правом невозможность для воюющего Вермахта прокормить пленных не являлась основанием для того, чтобы морить их голодом. Ситуация со снабжением начала улучшаться с конца октября: становилось ясно, что война затягивается, и германское руководство рассчитывало использовать пленных как рабочую силу. К ноябрю наблюдалось прекращение практики пеших переходов пленных и запрещение перевозить их в открытых вагонах (смертность во время транспортировки, впрочем, по-прежнему составляла от 25 до 75%). Примерно в это же время

пленных начали делить на категории по уровню работоспособности. Полностью работоспособные (первая категория) должны были получать обычный уровень питания. Тем, кто еще мог восстановить свою работоспособность (вторая категория), полагались отдых, теплый барак, медицинская помощь. Судьба неспособных работать (третья категория) четко не прописывалась, но, как указывает автор, ее можно было легко предугадать.

Наплыв пленных после взятия Вермахтом Киева, Вязьмы, Брянска составил более 1 300 000 человек. Даже понимая их ценность как рабочей силы, армия была неспособна прокормить их, как и деревня. Обсуждался проект специального «русского хлеба», содержавшего 50% ржаной муки, 20% мульчи сахарной свеклы, 20% целлюлозной смеси и 10% соломы или листьев. Но трудности с доставкой пищи создали препятствия на пути увеличения рациона даже такого рода.

Продолжался и геноцид евреев; одной из причин перебоев в снабжении армии было отвлечение значительного количества поездов для их перевозки к местам уничтожения – и это при том, что, по некоторым оценкам, около 1 500 000 евреев удалось своевременно бежать на восток. Из того обстоятельства, что для немецких отчетов этого периода характерно нежелание их авторов называть вещи своими именами, в том числе использование таких, по мнению автора, явных эвфемизмов, как «еврейские коммунисты», «еврейские саботажники», «еврейские мародеры», Мигарджи делает вывод, что организаторы массовых убийств отдавали себе отчет в том, что творимое ими лежит за пределами общепринятых моральных норм.

В последней, шестой главе – «Неудача и ее последствия, до начала 1942 г.», автор рассматривает ситуацию, сложившуюся в конце осени – начале зимы 1941 г. Положение Вермахта в этот период осложнилось до предела. Германские войска оказались растянутыми на фронте протяженностью около 1800 км и были вынуждены вести бои в условиях плохой погоды, в сугробах и на морозе. Приходилось зимовать прямо на передовой, при этом в армии не было ни зимней одежды, ни позиций, удобных для обороны, – ни на переднем крае, ни в тылу. Невозможно было и оборудовать такие позиции: сказывалось отсутствие как рабочей силы в прифронтовой полосе (где в распоряжении немецкого командования были только войска), так и материальных ресурсов (весь транспорт был задействован для подвоза боеприпасов и горючего, чтобы обеспечить продолжение наступления). Людей можно было бы взять из отрядов охраны и снаб-

жения, но тогда грузы застряли бы на базах или попали под удар партизан. При тяжелых потерях, в условиях недостатка снабжения и нехватки резервистов у армии не было возможности отдохнуть и собраться с силами. Боевой дух падал. Как указывает автор, «решение атаковать до конца привело к концу» (с. 130).

При этом, подчеркивает Мигарджи, Красная армия по-прежнему продолжала сопротивление и крушения советского режима так и не произошло. Более того, военный пожар разрастался: с 11 декабря Германия находилась в состоянии войны с США. Гитлер, по мнению автора, знал, что рано или поздно это произойдет, однако военные в большинстве своем недооценивали потенциал нового противника и были уверены, что даже по худшим сценариям в 1942 г. решающих сражений с американцами не будет. В этих условиях планировалось, что войска, находящиеся на Восточном фронте, должны за зиму отдохнуть и собраться с силами, а в 1942 г. атаковать Мурманск, чтобы помешать морским поставкам в СССР стратегических ресурсов, и Кавказ для последующего выхода на Ближний Восток. Победа Германии на этих направлениях лишила бы ее противников экономически и стратегически важных областей, что вкупе с успехами Японии на Дальнем Востоке должно было, как предполагалось, привести к капитуляции Великобритании.

Очевидное затягивание войны породило идею более интенсивного использования местного сырья, продовольствия, трудовых ресурсов и активной помощи местному населению, чтобы оно не помогало партизанам. Однако политика «кнута и пряника» в целом провалилась: немцы мало что могли предложить, зато были жестоки и высокомерны в требованиях. Подлинных попыток отвечать на запросы жителей оккупированных территорий не было, так же как, что особо подчеркивает автор, не было и роста свободы или земельной реформы. Вместо этого были реквизиции и трудовая повинность. Разочарование, голод, ущемление в правах приводили к открытой враждебности местного населения. Рост партизанской активности продолжался даже в условиях зимы, в том числе из-за того, что значительные силы СС, полиции, Вермахта были задействованы на фронте. В этих условиях зачастую максимум, что противостояло партизанам, — это охрана конвоев и ключевых пунктов.

В условиях затяжной войны «окончательное решение еврейского вопроса», по мнению нацистов, перешло из разряда долгосрочных целей в первоочередные. В связи с медленным наступлением на фронте на оккупированных территориях произошла вто-

рая, более тщательная «зачистка». Началось строительство лагерей смерти. На протяжении 1942 г. в них погибли более 50% от общего числа жертв Холокоста.

В заключении автор подводит итоги анализа и делает ряд выводов о сути произошедшей войны. По его мнению, германское вторжение в 1941 г. (и подготовка к нему) весьма поучительно освещают связь идеологии, культуры, политики, экономики и военного дела. На вопрос, что привело немцев в СССР и заставило нарушить цивилизационные нормы, автор отвечает: влияние опыта Первой мировой войны и ее последствий, антимарксизм, расовая теория. Часть военнослужащих Вермахта разделяли цели, декларируемые нацистами, часть просто были уверены в легкой победе. Красная армия считалась ослабленной после сталинских чисток. В условиях подавляющего военного, а также, как полагали нацисты, расового и политического превосходства представлялось неизбежным, что победа у Двины и Днепра приведет к немедленному краху сталинского режима. Начальная фаза кампании, казалось, подтверждала эти прогнозы и была настолько успешной, что заставила германское руководство считать победу уже достигнутой и строить планы на послевоенное использование солдат. Однако, как показывает автор, в этой кампании ничто не могло гарантировать победу.

Основной причиной поражения Гитлера в войне стала, по мнению автора, сама постановка такой чрезмерно амбициозной с военной точки зрения цели, как победа над СССР, и как следствие — плохое планирование, в ходе которого не были учтены ни размеры Советского Союза, ни качество дорог, ни суровый климат, ни прочность сталинского режима (автор делает особый акцент на то, что германское руководство не приняло во внимание степень преданности населения Сталину, хотя немцы и сами жили в тоталитарном государстве), ни численность РККА, а также значительные человеческие и индустриальные ресурсы СССР. Сыграла свою роль и жестокость оккупантов по отношению к местному населению и военнопленным. В условиях провала плана «Барбаросса» и отсутствия альтернативного плана на случай затяжной войны, особенно же после вступления в войну США, для победы Германии нужно было чудо, но его так и не последовало.

Красная армия и Советское государство не были разгромлены в 1941 г. даже после серии тяжелейших поражений. К концу 1941 г. Ленинград был лишь в осаде, Москва продолжала защищаться, на юге советские войска также не были уничтожены. По мнению ав-

тора, шанс на победу Вермахта был упущен именно в снегах под Москвой, а разгром немцев под Сталинградом стал лишь эмоциональным переломом.

Первоначально предполагалось закончить войну к началу сентября, что соответствовало германским традициям быстрых побед начиная с XIX в. При таких планах местные жители не были важны и не рассматривались даже в качестве временных союзников против сталинского режима. Наоборот, автор приводит данные о специальном планировании голода и трудовых повинностей и о пренебрежительном отношении к пленным. Армия, контролирующая оккупированные территории, сознательно допускала совершение преступлений, и даже более того – воодушевляла солдат не ценить жизни гражданских, призывая к жестоким мерам. Невиданные преступления в тылу оправдывались военной необходимостью. Оккупационная политика, по мнению автора, была не только незаконна, но и неэффективна, поскольку вызывала негодование местных жителей. Цикл «жестокость – рост сопротивления – рост жестокости» в сочетании с имевшимися предрассудками ударил в первую очередь по евреям. По мнению автора, именно ход геноцида евреев на оккупированной советской территории оказал сильное влияние на идею «окончательного решения еврейского вопроса» в общеевропейском масштабе. Продолжающаяся война сделала невозможным отселение евреев в отдаленные районы. В этих условиях нацистское руководство решило не ждать, тем более что мероприятия, проводившиеся на «восточных территориях», показали, что массовое уничтожение людей с использованием новейших технических и организационных средств (газовые камеры и лагеря смерти) – вполне реализуемая задача.

Завершая исследование, автор признает, что политика Германии безусловно была направлена на покорение и колонизацию новых территорий и тем самым приговаривала миллионы к голоду, трудовым повинностям, смерти. Именно бесчеловечность политики, а не только военные ошибки автор видит основными причинами поражения Германии в войне.

С.В. Втулкин

Хартман Х.
ВЕРМАХТ В ВОЙНЕ НА ВОСТОКЕ:
ФРОНТ И ТЫЛ, 1941–1942 гг.
(Реферат)

Hartmann Chr.

WEHRMACHT IM OSTKRIEG: FRONT UND MILITÄRISCHES
HINTERLAND, 1941/42. – München: R. Oldenbourg Verlag,
2009. – VIII, 928 S.: III.

Довольно объемная монография Христиана Хартмана (Институт современной истории, Мюнхен) посвящена повседневности немецких солдат на Восточном фронте в 1941–1942 гг. Книга состоит из пролога, введения, пяти глав и заключения; в приложении содержатся справочные сведения о дивизиях Вермахта, на материале которых проводилось исследование, а также о действовавших в их тылу карательных подразделениях.

Во введении автор дает общую характеристику изучаемой проблемы, использованных источников и методов, а также описывает и обосновывает выборку исследуемых соединений Вермахта. В заключительном параграфе введения (с. 26–27) содержатся некоторые дополнительные замечания относительно терминологии.

Хартман отмечает, что история Вермахта, и прежде всего проблема его соучастия в военных преступлениях, до сих пор остается в немецком обществе предметом острых дискуссий. Это не удивительно: с 1939 по 1945 г. в рядах германской армии успели побывать 17–18 млн. человек, так что вопрос о ее ответственности за преступления нацизма для многих немцев естественным образом трансформируется в вопрос о возможной личной ответственности их собственных отцов и дедов. История военных преступлений как таковых, в том числе совершенных военными Вермахта, изучена уже достаточно подробно, однако исследование их истоков

и предпосылок, по мнению автора, находится еще на начальной стадии. Необходимым условием для того, чтобы по-настоящему глубоко понять эти истоки и предпосылки, историк считает исследование повседневности простого солдата, его самосознания, мироощущения, менталитета, отношения к нацистской идеологии.

Указанными соображениями определяются временные, пространственные и организационные рамки исследования: автора интересует ситуация на Восточном фронте (главный сухопутный театр Второй мировой войны) в Сухопутных войсках (главный вид вооруженных сил Германии, особенно на Восточном фронте) в течение первого года советско-германского противоборства (июнь 1941 – июнь 1942 г.). По мнению Хартмана, «то, что Вермахт к началу этой войны был “полон абсолютной уверенности в себе”, позволяет, предположительно, наилучшим образом раскрыть цели, которые он и его военнослужащие преследовали в этой убийственной, равно как и самоубийственной, операции» (с. 16–17). Автор также полагает, что подобное исследование лучше всего проводить на материале соединений уровня дивизии. Тому есть несколько причин. Во-первых, как отмечает Хартман, дивизионный уровень до сих пор остается крайне слабо изученным, поскольку «традиционную» военную историю интересуют более крупные боевые единицы (корпуса, армии и группы армий), между тем как история дивизий долгое время оставалась уделом «ветеранов и апологетов войны». Во-вторых, исследование истории дивизий представляет интерес с методической точки зрения, поскольку дивизия как самое маленькое соединение, имеющее постоянный состав (в отличие от корпуса или армии) и в то же время способное к выполнению самостоятельных задач (в отличие от более мелких подразделений), является своеобразной точкой пересечения между оперативным уровнем и уровнем тактическим, на котором существуют коллективы меньшего размера (полк, батальон, рота), для которых характерны достаточно тесные отношения между военнослужащими. Наконец, в-третьих, изучение истории дивизий позволяет исследователю использовать огромное количество самых разнообразных источников, среди которых автор выделяет три основные группы: официальную документацию штабов дивизий (донесения, журналы боевых действий, разнообразные отчеты и др.); источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания); личные дела и судебные дела, включая материалы послевоенных процессов по делам о военных преступлениях.

Исследование Хартмана выполнено на материале пяти германских соединений, воевавших на Восточном фронте в сходных условиях: 4-й танковой, 45-й и 296-й пехотных и 221-й охранной дивизий, а также 580-й комендатуры армейского тылового района. Автор специально выбирал соединения, максимально разнообразные по своей организации и местам формирования. Так, 4-я танковая дивизия, сформированная в ноябре 1938 г., относилась к наиболее передовому в техническом отношении роду войск Вермахта, имела опыт боев в Польше и во Франции и к июню 1941 г. считалась элитной. 45-я пехотная дивизия, сформированная в апреле 1938 г., входила в число наиболее боеспособных соединений, составлявших боевое ядро германской армии, тогда как 296-я пехотная дивизия была сформирована в феврале 1940 г. и до июня 1941 г. в боях не участвовала. В то же время 45-я пехотная дивизия была сформирована в Австрии после аншлюса на основе частей бывшей австрийской армии, что не могло не сказаться на менталитете и поведении личного состава. 4-я танковая дивизия, по выражению автора, «в техническом, равно как и в политическом, отношении продукт Новейшего времени, оставалась верной феодальным традициям кавалерийских полков», что затрудняло усвоение такой нацистской идеологии, как расовая война на уничтожение (с. 23). 221-я охранная дивизия представляет оккупационные войска, как и 580-я комендатура армейского тылового района. Последняя (*нем.* Kommandantur rückwärtiges Armeeggebiet 580, сокращенно Korück 580), строго говоря, не являлась дивизией и представляла собой особое соединение, предназначенное для поддержания порядка в тылу одной из армий, однако сопоставима с дивизией по организации и численности. Автор подчеркивает, что до 90% дивизий Вермахта, воевавших на Восточном фронте в 1941–1942 гг., относились к тем же типам, что и соединения, выбранные им для своего исследования (с. 25).

Первая глава монографии посвящена организационному устройству германских дивизий. Хартман отмечает, что любая армия стремится к максимальному подавлению человеческой индивидуальности; в особенности это относилось к Рейхсверу – Вермахту с его девизом «У офицеров Генерального штаба нет имен». Как следствие, для того чтобы по-настоящему глубоко понять поведение конкретных военнослужащих, необходимо хорошо знать организацию изучаемой армии и место отдельных солдат и офицеров в этом сложном организме. Наиболее подробно автор, в качестве

примера, разбирает организацию, а также вооружение пехотной дивизии Вермахта, поскольку именно к этому типу относилось более половины германских дивизий, принимавших участие во Второй мировой войне. Описываются также особенности танковых и охранных дивизий и комендатур армейских тыловых районов. Глава содержит и некоторые сведения непосредственно о тех соединениях, история которых анализируется в книге.

Во второй главе описывается личный состав этих соединений. Наиболее детально автор рассматривает их офицерский корпус: в главе проводится статистический и социокультурный анализ биографий нескольких сотен офицеров, сравниваются особенности происхождения, образования, карьеры, менталитета нескольких поколений. Описывая рядовой состав интересующих его соединений, Хартман анализирует сохранившиеся статистические данные, а также описывает места формирования пяти дивизий и их дислокации в мирное время. В Германии, в отличие от Советского Союза, не был принят экстерриториальный принцип комплектования армии, и значительная часть рядового состава каждого соединения рекрутировалась в том же регионе, где оно было расквартировано; таким образом, сведения о местах формирования и дислокации соединения позволяют делать определенные выводы о менталитете его солдат, как и об их отношении к нацистским идеям, которые пользовались неодинаковой популярностью в разных частях страны. Интересную информацию о боевых возможностях каждой дивизии на разных этапах ее истории дает также статистика наградений. Можно, например, проследить, как 296-я пехотная дивизия, сформированная в военное время и долго считавшаяся второсортным соединением, уже весной 1942 г. обогнала по количеству Железных крестов 2-го класса 45-ю пехотную дивизию, боевые возможности которой были необратимо подорваны кампанией 1941 г. Анализ статистики потерь позволяет сделать определенные выводы о характере боевых действий, которые приходилось вести тому или иному соединению.

В третьей главе Хартман подробно разбирает собственно военный контекст, в котором функционировали интересующие его дивизии на протяжении второй половины 1941 – первой половины 1942 г. Все пять соединений действовали в основном в составе группы армий «Центр» и частично – в составе группы армий «Юг»; 45-я пехотная дивизия в июне-июле 1941 г. осаждала Брестскую крепость. Изучаемый период автор делит на пять этапов: разверты-

вание войск перед нападением на СССР; приграничные сражения (июнь-июль 1941 г.); продолжение наступления (август-ноябрь 1941 г.); кризис (декабрь 1941 – февраль 1942 г.); позиционная война (март-июнь 1942 г.). Проследившая боевой путь каждой из пяти дивизий, Хартман показывает, как в зависимости от складывающейся обстановки менялись настроения в войсках, а также отношение солдат и офицеров к местному населению. Кроме того, в главе описывается участие изучаемых соединений в осуществлении оккупационной политики Третьего рейха, включая борьбу с партизанами, репрессии против мирных жителей, Холокост.

В четвертой главе дается краткая характеристика территории, на которой действовали данные дивизии, описывается организация немецкой оккупационной администрации, а также анализируются различия в условиях, в которых функционировали фронтовые и тыловые (оккупационные) части и соединения Вермахта, и порождаемая этими различиями разница в менталитете личного состава. Автор отмечает, что без учета пространственного фактора наше понимание истории участия Вермахта в войне против Советского Союза будет заведомо неполным.

Наиболее обширная пятая глава посвящена непосредственно преступлениям германских военнослужащих на Восточном фронте и на оккупированных территориях. Хартман начинает с так называемого «указа о комиссарах» от 6 июня 1941 г., которым предписывалось уничтожать попавших в плен комиссаров и политработников Красной армии. Хотя общее число его жертв было относительно небольшим, содержание этого указа, история его применения и эволюция отношения к нему солдат и офицеров Вермахта хорошо иллюстрируют восприятие нацистским руководством и немецкими военнослужащими своих противников в войне на востоке. Наиболее подробно автор описывает судьбу советских военнопленных; отдельно анализируется обращение с ними в зоне боевых действий и в тылу. Обширный параграф посвящен участию армейских частей и соединений (прежде всего оккупационных) в актах геноцида, в том числе в убийствах евреев. Завершают главу описание борьбы Вермахта с партизанами и краткий обзор применения немцами зимой 1941–1942 гг. тактики «выжженной земли».

В заключении, подводя итоги, Хартман констатирует, что в военных, а также в собственно нацистских преступлениях в той или иной степени были замешаны все пять соединений, о которых идет речь в книге. В наибольшей степени это относится к 221-й ох-

ранной дивизии, которая за изучаемый период успела проявить себя почти на всех «поприщах», включая геноцид, массовую гибель советских военнопленных, ликвидацию советской номенклатуры, борьбу с партизанами и т.д. Единственным исключением была, пожалуй, тактика «выжженной земли»: в опустошении оставляемых Вермахтом территорий зимой 1941–1942 гг. дивизия участвовала лишь эпизодически. За 580-й комендатурой армейского тылового района числится меньше преступлений – отчасти из-за более гуманного руководства, отчасти из-за того, что в начале войны это соединение было достаточно слабым. Впрочем, эта комендатура принимала активное участие в борьбе с партизанами. На счету 4-й танковой дивизии – убийства военнопленных, комиссаров, гражданского населения, в том числе предположительно евреев. В геноциде евреев участвовала и 296-я пехотная дивизия. 45-я дивизия, напротив, почти не выходила за рамки принятых законов и обычаев войны. События на Восточном фронте, таким образом, не всегда соответствовали понятию войны на уничтожение. Тому было несколько причин, среди которых автор особо выделяет институциональный, пространственный, временной и собственно военный факторы.

Под институциональным фактором он подразумевает организационное устройство Вермахта, специализацию отдельных частей и соединений, их вооружение, боевые возможности и функции. Не менее значительную роль играли также район и обстоятельства формирования той или иной дивизии, от которых во многом зависели образовательный уровень, менталитет и настроения личного состава и командования, их отношение к нацистской идеологии. Наконец, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что соединения Вермахта были по существу разделены на две неравные части: большую – фронтовые соединения, и меньшую – оккупационные, последние занимались почти исключительно поддержанием порядка на захваченных территориях, в том числе реализацией оккупационной политики Рейха, тогда как первые в этой работе почти не участвовали. Нарастание напряженности в тылу привело к неуклонному наращиванию боевой мощи охранных дивизий и комендатур армейских тыловых районов, которые постепенно превратились в довольно сильные соединения для борьбы с партизанами. Тем не менее в своей деятельности они продолжали регулярно взаимодействовать с различными подразделениями, не имевшими прямого отношения собственно к Вермахту: коллабора-

ционистами, союзными войсками, частями СС, полицией. Деятельность охранных соединений нередко направлялась и контролировалась оккупационной администрацией, т.е. нацистским политическим руководством, тогда как фронтовые дивизии были по преимуществу избавлены от такого рода «надзирателей».

От положения конкретного военнослужащего в армейской иерархии зависит и степень его ответственности, в том числе за военные преступления. Вина генерала, подчеркивает автор, тяжелее, чем вина офицера или тем более рядового. Наиболее серьезную коллективную ответственность за преступления Вермахта в период войны несет, таким образом, его высшее руководство, тогда как простой солдат должен отвечать лишь за те деяния, которые он совершил лично.

Институциональный фактор усугублялся пространственным. Хартман относит сюда не только масштабы театра военных действий как таковые, но и то обстоятельство, что война на Восточном фронте с самого начала задумывалась как завоевание нового «жизненного пространства», что, в свою очередь, предполагало масштабные мероприятия по его последующей колонизации. Различались и условия, в которых приходилось действовать фронтовым и оккупационным соединениям. Если на фронте солдаты находились в непосредственной близости от вооруженного противника, то в тылу военнослужащие охранных дивизий имели дело с мирным населением. Это влияло как на содержание и характер военных преступлений, которые различались на фронте и на оккупированных территориях, так и на их масштабы – в тылу преступлений совершалось несравнимо больше, несмотря даже на относительную слабость оккупационных соединений.

Под временным фактором Хартман понимает стремительную эскалацию насилия на фронте и в тылу на протяжении первых месяцев Отечественной войны. Осенью 1941 г. произошло резкое ужесточение нацистской оккупационной политики, начались массовые убийства военнопленных, геноцид евреев, в ответ на первые операции зарождающегося партизанского движения последовали репрессии против местного населения. Это в свою очередь порождало рост недовольства на оккупированных территориях и способствовало дальнейшему раскручиванию спирали насилия. Только с начала 1942 г. среди оккупантов стало распространяться представление, что эту войну можно выиграть только «вместе с русскими, а

не против русских», но время для привлечения местного населения на свою сторону было уже безвозвратно упущено.

Автор отмечает также, что в соответствии с кадровой политикой германского командования молодых солдат отправляли прежде всего на фронт, тогда как оккупационные части комплектовались резервистами старших поколений. Таким образом, претворение в жизнь нацистских идей «войны на уничтожение» и колонизации «жизненного пространства» фактически было поручено тому контингенту военнослужащих, который в наименьшей степени был склонен эти идеи поддерживать. Следовательно, заключает Хартман, хотя нацистская идеология, безусловно, является одной из причин массовых преступлений на Восточном фронте, поступки простых солдат были обусловлены в большей степени не личными мотивами, а скорее внешними факторами: приказами начальства, местом службы, наконец, просто складывающейся обстановкой, которая зачастую играла роль катализатора. По замечанию автора, война сама по себе была ничуть не менее неумолима, нежели армейский аппарат или политическое руководство (с. 798).

Х. Хартман подчеркивает, что, хотя поведение и преступления немецких военнослужащих на Восточном фронте нельзя объяснить одними лишь объективными факторами, игнорировать тот специфический военный контекст, в котором приходилось действовать солдатам и офицерам Вермахта, тоже было бы ошибкой. Так, 296-я пехотная дивизия была вовлечена в убийства евреев, находясь в резерве; преступления военнослужащих 4-й танковой дивизии осенью 1941 г. были спровоцированы не только идеологией войны на уничтожение и соответствующими приказами командования, но и тем, что как раз в этот период элитная дивизия оказалась не в силах оправдать возлагавшиеся на нее надежды и ее бойцы, находясь в состоянии фрустрации, принялись вымещать свое озлобление на беззащитных мирных жителях; оккупационные соединения в 1942 г. действовали в условиях ожесточенной борьбы с партизанами.

Результаты войны на востоке были катастрофическими. «На советском театре военных действий, — пишет автор, — Вермахт лишился всего: проиграл войну, не только с Советским Союзом, потерял бесчисленное множество своих военнослужащих, около 2,7 млн. человек, и не в последнюю очередь — свою честь» (с. 800).

Завершая свою книгу, Хартман еще раз останавливается на чрезвычайно болезненной для немецкого общества проблеме вины

Вермахта и его военнослужащих. Он обращает внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, проведенное исследование показывает, что индивидуальная ответственность отдельных солдат и офицеров могла довольно сильно различаться. Во-вторых, свобода выбора для военнослужащих часто была крайне ограниченной. В-третьих, Вермахт функционировал как составная часть нацистского режима в целом, который сам по себе несет серьезную ответственность за то, что творилось на фронте и на оккупированных территориях в годы войны. Наконец, в-четвертых, во многих случаях решающую роль играл не преступный умысел конкретных солдат и офицеров, а приказы, обстоятельства и воля случая. Таким образом, определенно и однозначно можно говорить лишь о *коллективной* ответственности военнослужащих Вермахта, тем более значительной, чем выше звание того или иного офицера или генерала. Вопрос об *индивидуальной* вине не имеет такого простого решения. Хартман также отмечает, что массовый характер военных преступлений немцев на Восточном фронте в немалой степени был связан с тем, что командование, по сути, предоставило своим солдатам и офицерам официальное освобождение от каких-либо моральных или правовых ограничений. Он подчеркивает, что опыт участия германской армии во Второй мировой войне хорошо иллюстрирует то, что и в XX в. война слишком легко принимала варварские формы, невзирая на существующие международные конвенции, а также то, насколько непрочно классические представления о воинской чести и ответственности, насколько легко система подчиняет себе индивида. «Война не умерла, — замечает автор, — и насилие не успокоилось. Оно лишь ищет новые формы и театры военных действий. Уже поэтому пример Вермахта надолго останется неоспоримым как один из самых крайних примеров того, какие возможности и опасности таит в себе военное насилие в современной истории» (с. 804).

М.М. Минц

Брэйтвэйт Р.
МОСКВА В 1941 ГОДУ: ГОРОД
И ЕГО ЖИТЕЛИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
(Реферат)

Braithwaite R.
MOSCOW 1941: A CITY AND ITS PEOPLE AT WAR. –
L.: Profile Books, 2007. – 446 p.

Известный британский дипломат, бывший посол Соединенного Королевства в СССР и Российской Федерации, сэр Родрик Квентин Брэйтвэйт в своей монографии описывает и анализирует повседневную жизнь жителей Москвы в первый год Отечественной войны. Основанная на новых документах, а также личных интервью, книга предоставляет читателю информацию из первых рук, в том числе восприятие войны на низовом уровне, ее «человеческое измерение». Как указывает сам автор, его книга – о людях, которые, несмотря на паранойю Сталина и некомпетентность армейского командования, объединились и остановили Гитлера.

Книга состоит из введения, 17 глав и заключения; главы, посвященные разным аспектам истории повседневности, сгруппированы проблемно-хронологически в три части: «Медленное приближение грозы», «Начало бури» и «Тайфун».

В начале первой части автор отмечает, что Москва в некотором смысле составляла ядро и сущность самой России. Еще с начала века именно здесь была сконцентрирована значительная часть оборонной промышленности страны. В то же время многие жители «города возможностей в “первой стране социализма”» (с. 3) были крестьянами, приехавшими сюда в поисках работы, или детьми крестьян. Брэйтвэйт характеризует Москву как «большую деревню», население которой проживало компактными сообществами, связанными отношениями взаимопомощи и взаимозависимости, где

«все всех знают». Это облегчало выживание – как в мирное время, так и во время войны. Впрочем, большинство населения было уверено, что возможная война их не затронет, в крайнем случае, Красная армия сумеет справиться с врагом.

Сталин, по мнению автора, не был столь оптимистичен. Считая, что рано или поздно ему придется воевать с Гитлером, и много выступая на эту тему, «гений всех времен и народов» пытался оттянуть начало войны и заблаговременно подготовиться к ней. Красная армия имела на вооружении танков, самолетов и артиллерийских орудий едва ли не больше, чем все остальные армии мира вместе взятые, однако, по оценке автора, ее вооружение в 1941 г. уже находилось на грани устаревания, как и тактические приемы времен Гражданской войны. К тому же Сталину было известно о настроениях в стране, в том числе среди крестьян, об их недовольстве колхозным строем, так что он имел основания опасаться, что в случае войны крестьянская по преимуществу армия не будет отличаться особым желанием защищать большевистское государство.

Кроме того, он не мог понять, действительно ли Гитлер собирается воевать с Советским Союзом или же намеревается добиться от него новых экономических и политических уступок путем переговоров и запугивания. Поскольку первый вариант был рискованным, Сталину казался более вероятным второй, а это означало, что у него останется достаточно времени, чтобы завершить необходимые приготовления к надвигающейся войне. После неоднократного переноса Гитлером сроков нападения советский диктатор и вовсе начал рассматривать поступающие сообщения о готовящейся германской агрессии как англо-американскую провокацию с целью втянуть СССР в войну с Третьим рейхом.

Описывая реакцию Сталина на военные приготовления Германии, автор отмечает, что она в целом не противоречила здравому смыслу и рассматривать ее как глупость было бы упрощением. В Лондоне, напоминает он, тоже считали, что война между СССР и Германией начнется только после поражения Великобритании. Более того, англичане ожидали, что в ближайшем будущем может последовать новое соглашение между Гитлером и Сталиным. Никто, таким образом, не принимал в расчет «выверты сознания» фюрера, и если на судьбу Великобритании это почти не повлияло, то для Советского Союза обернулось катастрофой (с. 56).

Во второй части – «Начало бури» – рассматривается история первых месяцев войны. Хотя среди населения были весьма распро-

странены представления о том, что она закончится за месяц или, в крайнем случае, до конца года, иностранцы были сильно удивлены отсутствием патриотических манифестаций, организованных или стихийных. Автор считает, что многие жители просто ждали, что правительство скажет им, что делать. «Верхи» в это же время пытались, используя НКВД, прояснить настроения «низов». Агентура фиксировала значительный критический настрой в отношении правительства, его курса и перспектив, «выражаемый удивительно неосторожно и свободно» (с. 77). Многие задавались вопросом, как правительство могло допустить такой «сюрприз» и почему Красная армия отступает, оставляя город за городом. Высказывались сомнения в том, что кто-либо будет защищать сталинское государство, учитывая, что в 1930-е годы жизнь для многих стала просто невыносимой, тогда как во время Гражданской войны люди сражались за свободу и права. Отмечались нежелание идти в армию и даже призывы бороться против советского режима и его лидеров. Впрочем, в НКВД были заранее подготовлены списки «террористов, саботажников, вредителей, немецких, итальянских, японских и других шпионов, троцкистов, бывших членов антисоветских партий, несогласных, сектантов и других антисоветских элементов» (с. 79). Схожая ситуация была и на фронте, где поначалу отсутствовало враждебное отношение к немцам и порой расчет делался скорее на их переубеждение. Это вынудило советское руководство публиковать как можно больше материалов о жестокостях оккупантов, чтобы переломить подобные настроения.

Резко возросла популярность романа «Война и мир»: читатели стремились соотнести свое собственное поведение и чувства с героями классика. Автор отмечает, что создание народного ополчения (термин 1612 и 1812 гг.) также можно рассматривать как своеобразную апелляцию властей к героическому прошлому. Явная параллель «Отечественная война 1812 г. – Великая Отечественная война» с приближением зимы стала казаться еще более актуальной. Брейтвэйт приводит мнение К. Симонова, который, будучи фронтовым корреспондентом, понял, что солдаты воюют не за Сталина или режим, а за страну и народ, причем даже те, кто относился к режиму негативно, были захвачены общим порывом.

Действительно, многие тысячи москвичей вызвались помочь стране, хотя, как отмечает автор, не все из них понимали, что их в действительности ожидает. Некоторые считали, что их пошлют на вспомогательные работы (охрана, военное строительство), и были

неприятно поражены своей отправкой на фронт. Имели место слухи о «добровольно-принудительных» облавах на улицах. В результате, когда 4 июля Государственный комитет обороны принял решение сформировать 25 новых добровольческих дивизий – по одной из каждого района Москвы – общей численностью 200 000 человек от 17 до 55 лет, фактически удалось набрать лишь около 80 000 добровольцев, из которых более 4000 были впоследствии отсеяны в тренировочных лагерях. Кроме того, по свидетельствам очевидцев, добровольцы, отправляющиеся в ополчение, испытывали недостаток не только продовольствия и вооружения, но и человеческого отношения вообще. Постулируя, что почувствовать себя достойным защитником страны можно только в условиях хорошего снабжения, Брейтвэйт утверждает, что еще три месяца обучения могли бы сделать ополченцев настоящими солдатами, но на деле плохо вооруженных и наспех обученных людей по существу отправили на верную смерть из-за некомпетентности командиров, хотя их гибель и стала символом мужества и готовности к самопожертвованию.

В этих условиях, несмотря на то, что, по мнению автора, патристический настрой начала войны был мощным и искренним, Сталин, понимая, что его власть висит на волоске, вновь прибегнул к репрессиям, в том числе в армии. Появились заградительные отряды, а аресты и казни командующих фронтами показали, что и к представителям генералитета режим относится столь же безжалостно, как и к рядовым красноармейцам.

Р. Брейтвэйт подчеркивает, что сами по себе принимаемые меры, сколь бы жестоки они ни были, не являлись беспрецедентными; к тому же в первые месяцы войны оправданными казались любые действия, которые могли помочь остановить немцев. Другое дело, что репрессии, особенно если учесть их масштабы, даже с сугубо прагматической точки зрения были контрпродуктивны. По данным автора, за годы войны были осуждены свыше миллиона солдат и офицеров. Из них не менее 135 000 были расстреляны (не считая расстрелов непосредственно на передовой, совершавшихся «без формальностей»), более 400 000 попали в штрафные батальоны. Именно репрессии, отмечает Брейтвэйт, порой являлись причиной перехода колеблющихся солдат на сторону врага.

Переход к описанию собственно обороны Москвы автор начинает с воспоминаний британского журналиста Александра Верта, приехавшего в СССР вскоре после начала войны. По словам Верта, Москва представляла собой на удивление благополучный город.

Люди не выглядели несчастными, тем более что уровень жизни за последние предвоенные годы повысился. Стояли очереди за лимонадом и газетами, в избытке было папирос. Несмотря на ощущение «значимости каждого дня и каждого часа для истории» (с. 161) и значительного контраста между довоенным и военным временем, настроение поначалу оставалось достаточно спокойным. Но это было спокойствие в центре бури, лишь иллюзия покоя.

Темп наступления Вермахта по мере продвижения в глубь советской территории замедлялся, однако не только из-за потерь и нарастающего сопротивления Красной армии, но и потому, что при быстром продвижении на восток от границы в начальный период войны германские войска оказались оторванными от своих баз снабжения, в то время как Красная армия таких проблем не испытывала. К тому же, оккупировав территорию размером с Великобританию, Францию, Испанию и Италию вместе взятые, к началу битвы под Москвой немцы отошли от политики «кнута и пряника» и ограничивались скорее «кнутом». Несмотря на то что встречи хлебом-солью какое-то время повторялись даже на подступах к Москве, возможность активно использовать недовольство жителей советским режимом была упущена, а распространявшаяся информация скорее подтверждала советскую пропаганду. В этих условиях, по мнению автора, даже уничтожение или взятие Москвы, хотя и нанесло бы тяжелейший удар по военной, экономической и политической системе СССР, не стало бы переломным моментом войны. Главной проблемой оставалось пространство, растянутые линии снабжения и истощение ресурсов.

Действительно, по мере того как фронт приближался к Москве, налеты Люфтваффе становились все чаще, но происходили они с импровизированных баз, тогда как в распоряжении советских ВВС под Москвой имелись хорошо оборудованные аэродромы, поэтому, как показывает автор, бомбардировки так и не стали для Москвы серьезной проблемой.

Р. Брэйтвэйт приводит некоторые данные из истории развития ПВО Москвы. Местная ПВО была создана в 1932 г., с 1933 г. началось строительство убежищ, однако к началу войны их хватало лишь на 400 000 из 4 млн. жителей города. Уже к августу были готовы траншеи и землянки еще на 250 000 человек, а к концу 1941 г. — для большей части оставшегося населения. Несколько колец ПВО, созданных на значительном (больше, чем вокруг Лондона) расстоянии вокруг Москвы, к моменту первых налетов насчитывали

60 000 человек личного состава — наблюдателей, летчиков, зенитчиков, бойцов прожекторных, аэростатных и других подразделений. Однако ввиду отсутствия эффективных радаров в СССР на каждый сбитый самолет приходилось по 20 000 выпущенных зарядов, в то время как в Великобритании — 2000.

Одной из первоочередных целей ПВО была защита от пожаров, так как, несмотря на обширную программу высотного строительства, около 70% жилых домов в Москве были построены из дерева, крыши многих фабрик также были из горючего материала, не говоря уже о находившихся в городе запасах дров, хранилищах пиломатериалов и других пожароопасных объектах. Из-за широкого участия в противовоздушной обороне плохо подготовленных гражданских лиц в газетах начали публиковать полезные советы — как тушить зажигательные бомбы, как построить убежище, как отличить звук падающей бомбы от взлетающего зенитного снаряда и т.д.

В итоге состоявшийся 22 июля первый крупный авианалет на Москву (127 из 200 самолетов достигли цели, сбросив 104 т фугасных и 46 000 зажигательных бомб) принес разочаровывающий для немцев результат. Автор особенно подчеркивает, что по стандартам немецких налетов на Лондон это был комариный укус — 130 убитых, 660 раненых, разрушено 37 зданий. Это было связано как с мощью ПВО, так и со слабостью истребительного прикрытия германских бомбардировщиков. Налеты продолжались еще несколько месяцев (последний крупный налет произошел 16 июля 1942 г.), но разрушений было не так много (тем более что все следы повреждений быстро убирались), хотя сама угроза бомбардировок заставляла людей постоянно быть в напряжении, что сильно изматывало нервы. Непосредственный ущерб от бомбежек точно не известен. По советским данным, налеты германской авиации стоили Москве 2000 убитых, 6000 раненых, около 5600 уничтоженных или поврежденных зданий, тогда как во время бомбардировок Лондона потери и разрушения были на порядок выше (с. 205). Автор объясняет эту разницу тем, что в период битвы за Британию Люфтваффе вели сосредоточенную атаку на столицу империи, в то время как в СССР германские бомбардировщики занимались скорее тактической поддержкой армии в наземных сражениях и ударами по железнодорожным станциям с подкреплениями. К тому же для налетов на Лондон немцы использовали хорошие аэродромы во Франции, расположенные недалеко от цели, и не испытывали трудностей в снабжении боеприпасами и новыми самолетами. Для налетов на Москву им приходилось исполь-

зывать разбитые взлетные полосы в условиях снегопада и проблем с логистикой. Интересно, что, по данным автора, эффект от проводившихся в советской столице широкомасштабных работ по маскировке зданий и строительству ложных объектов был невелик и низкая точность бомбометания была в большей степени связана с несовершенством систем прицеливания.

В третьей части – «Тайфун» – описывается обстановка в Москве в период проведения немцами одноименной наступательной операции. Когда в результате поражений Красной армии под Брянском и Вязмой в обороне столицы образовалась брешь шириной более 300 км, население, несмотря на отсутствие официальной информации, довольно быстро осознало, что происходит. В ожидании надвигающейся катастрофы дороги заполнились беженцами. Картина, по мнению автора, должна была напоминать библейский Исход. Раздражающее порой молчание Совинформбюро в данном случае вызвало скорее фатализм. Даже сотрудники британской военной миссии не получали от своих советских коллег никакой информации и вынуждены были довольствоваться сообщениями Би-би-си.

К этому моменту погода уже начинала оказывать существенное влияние на ход боевых действий. Одновременно в самой Москве наступившие холода и сокращение поставок угля в связи с потерей Украины вызвали сложности с электроснабжением, перестали отапливаться многие дома и конторы. Распространилось выращивание овощей на подоконниках и кур во дворе. В условиях нехватки продовольствия расширялась торговля на черном рынке. Брэйтвэйт фиксирует восьмикратный рост цен до конца первого года войны, а также связанную с дефицитом особую культуру очередей, в том числе рисование номерков на руках.

Нужно отметить, пишет автор, что массовые закупки гречки, соли, спичек, консервов, муки и водки (в качестве валюты) начались сразу же, как только разразилась война. Вскоре (с 17 июля) власти были вынуждены ввести рационирование хлеба, сахара, муки, масла, мяса, рыбы, потребительских товаров. Карточки выдавались работающим по месту работы, иждивенцам – по месту жительства. Брэйтвэйт замечает, что в СССР карточная система (в отличие, скажем, от Великобритании) была не просто способом распределения имеющихся продуктов с целью сохранить некоторый баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью, но и позволяла властям делить людей на «полезных» и «менее полезных» по собственному усмотрению, устанавливая различ-

ные пайки для разных категорий граждан. Вместе с карточками появились и новые виды преступлений, в том числе мошенничество и ограбления квартир эвакуированных. Все это в целом вызывает у автора и его респондентов ассоциации с Гражданской войной, за исключением отсутствия эпидемий.

12 октября был выпущен приказ ГКО о строительстве укреплений вокруг самой Москвы, в том числе по Бульварному и Садовому кольцу. В это строительство было вовлечено около 600 000 человек, от трудовой повинности освобождались только занятые на военных производствах. В ополчение было набрано еще около 50 000 человек. Готовились планы уничтожения оборонных заводов, а также пекарен, мясокомбинатов, транспортных парков, мостов.

К началу войны у советского государства уже был опыт перевозок больших масс людей (депортации раскулаченных) и мобилизации населения на различные мирные нужды (субботники, шефская помощь колхозам). На войне этот опыт пригодился при эвакуации промышленности, планы которой разрабатывались еще с весны 1941 г. и теперь энергично претворялись в жизнь. Под руководством вновь созданного Совета по эвакуации при СНК из западных областей СССР было эвакуировано несколько миллионов человек и перебазированы тысячи предприятий; некоторые из них в 1942 г., с началом нового немецкого наступления, пришлось эвакуировать вторично. Автор описывает некоторые аспекты эвакуации, но сосредотачивается в основном на судьбе деятелей культуры. Кроме того он затрагивает депортацию более 10 000 московских немцев. Любопытно, что в рассматриваемый период отмечался также рост количества заключаемых браков, среди причин которого была и перспектива эвакуации одного из потенциальных супругов.

В этой непростой обстановке, несмотря на ограничения въезда в город, москвичи все же получали некоторые сведения от раненых, медсестер, а также от журналистов, возвращающихся с фронта. Жители были морально готовы к тому, что Москву придется сдать, как это произошло в 1812 г. и как в 1941 г. уже был сдан Киев. Поэтому, когда утром 16 октября по радио вместо Левитана зазвучал нацистский гимн «Хорст Вессель», в почтовых ящиках не оказалось свежих газет и перестал ходить весь общественный транспорт, началось массовое сожжение документов, включая партийные (более 1000 случаев) и профсоюзные билеты. Распространились вольнодумные разговоры, за которые еще недавно можно было попасть под суд, в том числе фантастические слухи о перевороте и сверже-

нии Сталина, о взорванном метро и т.д. Вскоре рабочие, не получившие вовремя зарплату, начали переходить от стихийных попыток воспрепятствовать отъезду начальства к прямым угрозам порчи оборудования с целью не допустить его эвакуации. Начались разграбления предприятий (в числе прочего забирали технический спирт, с Микояновского мясокомбината унесли 5 т сосисок), захваченное открыто продавалось на улицах. Колхозники пытались не дать увести скот на восток. Слышались обвинения евреев в военных поражениях и перебоях со снабжением. Милиция в происходящее не вмешивалась под предлогом отсутствия инструкций. Волнения и паника прекратились только с введением в Москве 20 октября осадного положения, когда было официально объявлено, что «provокаторов и шпионов» будут расстреливать на месте. Но и после этого у населения еще долго не было уверенности в том, что город не будет сдан противнику.

Анализируя ход боевых действий в 1941 г., Брэйтвэйт исследует в том числе биографии Рокоссовского, Жукова и некоторых других крупных военачальников. Он приходит к выводу, что у будущих советских маршалов было больше опыта, чем у их британских или французских коллег, – Первая мировая, Гражданская, советско-польская войны, война в Испании, Хасан и Халхин-Гол, финская кампания. Таким образом, причины неудач первого года Отечественной войны, по мнению автора, заключались не в квалификации генералов. Главной причиной Брейтвэйт считает армейские чистки, во время которых не только погибли тысячи людей, но и было уничтожено желание принимать самостоятельные решения и брать на себя ответственность. Сыграла свою роль также неспособность генералов переубедить Сталина, следствием чего были многочисленные непродуманные, часто самоубийственные по своей сути приказы верховного командования. В свою очередь, на самом Сталине как на фактическом главе государства лежит персональная ответственность за недостаточную подготовку к войне.

В результате войска оказались неспособны к эффективным действиям в условиях современного боя. Потеря управления в первые дни боев, большие потери в технике и более 2 млн. пленных – все это ставило под сомнение исход войны. Тем не менее Красная армия сохранила способность и волю к сопротивлению. Как результат, битва за Москву, ставшая самым крупным сражением в истории войн (более 7 млн. солдат и офицеров с обеих сторон сражались на огромной территории на протяжении нескольких меся-

цев), сыграла важнейшую роль в поражении Третьего рейха. Именно под Москвой окончательно рухнули нацистские планы молниеносной войны, а Вермахт впервые на время потерял стратегическую инициативу, причем главной причиной этого были не плохие погодные условия, а прежде всего недостаточно продуманная подготовка к восточному походу и недооценка возможностей Советского Союза. Впрочем, для Сталина битва под Москвой, по мнению автора, ассоциировалась скорее с катастрофой первых месяцев, что косвенно подтверждается и тем обстоятельством, что звание «Город-герой» Москва получила только в 1965 г.

С.В. Втулкин

БИБЛИОГРАФИЯ¹

І. Публикации документов

- 1941: взорванный Киев как часть тактики выжженной земли: Новые документы // *Клио*. – 2006. – № 3. – С. 61–63.
- Бок Ф. фон*. Я стоял у ворот Москвы: Военные дневники, 1941–1945 / Пер. с нем. – М.: Эксмо, 2006. – 511 с.
- Вахания В.* Личная секретная служба И.В. Сталина: Стратегическая разведка и контрразведка: Сб. док. – М.: Сварогъ, 2004. – 416 с.
- Военная разведка информирует: Документы разведуправления Красной армии: Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. Гаврилов В.А. – М.: Демократия, 2008. – 828 с.
- Гальдер Ф.* Военный дневник, 22.06.1941–24.09.1942 / Пер. с нем.; Предисл. и коммент. Е. Кулькова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. – 650 с.: ил.
- Главный военный совет РККА, 13 марта 1939 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. – М.: РОССПЭН, 2004. – 559 с.
- Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Невежина В.А. – М.: АИРО-XX, 2003. – 543 с.
- Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Док. и материалы / Рос. гос. воен. архив; Под ред. Кузленкова В.Н.; Сост. Тархова Н.С. (отв.) и др. – М., 2005. – 271 с.: ил.
- Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами: В 2 кн. / Отв. ред. Мясников В. С.; Сост. Бойко Н. В. и др. – М.: Наука, 2005. – Кн. 2: 1935–1975. – 677 с.
- Мировые войны XX века: В 4 кн. – М.: Наука, 2002. – Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. – 677 с.

¹ В предлагаемую библиографию включены основные публикации (историография, источники, справочники), вышедшие в 2000 – начале 2010 г. и посвященные началу Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 г.) и предвоенному периоду (в основном 1939–1941 гг.). В библиографию не включались научно-популярные и публицистические работы, а также материалы конференций.

- Невежин В.А.* Сталин о войне: Застольные речи, 1933–1945 гг. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 319 с.
- Новые документы по «Делу Зорге» // *Новая и новейшая история*. – М., 2000. – № 2. – С. 118–146.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. док. – М.: Русь, 2000. – Т. 2: Начало. Кн. 1: 22 июня – 31 августа 1941 года. – 718 с.; Кн. 2: 1 сентября – 31 декабря 1941 года. – 699 с.
- «По данным радиоразведки...»: Документы Центрального военно-морского архива, июнь 1941 г. / Публ. В. Г. Кикнадзе // *Исторический архив*. – М., 2006. – № 3. – С. 20–29.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б): Повестки дня заседаний: Каталог: В 3 т. / Редакт.: Адиебеков Г.М., Андерсон К.М. (отв. редакторы) и др. – М.: РОССПЭН, 2001. – Т. 3: 1940–1952. – 1013 с.
- Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: Документы / Сост. Адиебеков Г.М. и др. – М.: РОССПЭН, 2004. – 960 с.
- «Родина благодарна своим сынам – пограничникам»: Журнал учета боевых действий пограничных войск НКВД Ленинградского округа, 1941 // *Исторический архив*. – М., 2000. – № 2. – С. 21–76.
- Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. – СПб.: Питер, 2010. – 192 с.
- Тюхов П.Г.* «Никогда не погибнет русский народ и Россия»: Дневник генерал-майора П. Г. Тюхова, 1941–1944 гг. // *Исторический архив*. – М., 2000. – № 2. – С. 77–106.
- Ямпольский В.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер. 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии, 1937–1945 гг. – М.: Кучково поле, 2008. – 655 с.
- Dimitroff G.* Tagebücher, 1933–1943. – В.: Aufbau-Verl., 2000. – Bd. 1–2.
- Dimitrov and Stalin, 1934–1943: Letters from the Soviet archives* / Ed. by Dallin A., Firsov F. – New Haven: Yale univ. press, 2000. – XXX, 278 p.: ill.

II. Воспоминания

- Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера, 1937–1945 / Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2003. – 528 с.
- Голованов А.Е.* Дальняя бомбардировочная...: Воспоминания главного маршала авиации, 1941–1945. – М.: Центрполиграф, 2008. – 591 с.: ил.
- Горбатов А.В.* Годы и войны: Записки командарма, 1941–1945. – М.: Центрполиграф, 2008. – 575 с.: ил.
- Грабин В.Г.* Оружие победы. – 2-е изд., испр. – М.: Республика, 2000. – 544 с.: ил.

- Еременко А.И.* В начале войны: Воспоминания Маршала Советского Союза. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 622 с.: ил.
- Затянувшийся блицкриг: Германские генералы о войне в России / Рунштедт Г. фон, Дитмар К., Буттлар Э. фон и др.; Пер. с нем. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 478 с.: ил.
- Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. – М.: АСТ: Люкс, 2005. – 767 с.: ил.
- Казаков В.И.* Артиллерия, огонь! Записки маршала артиллерии. – М.: АСТ, 2008. – 495 с.: ил.
- Кейтель В.* Мемуары фельдмаршала: Победы и поражения вермахта, 1938–1945 гг. / Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2004. – 352 с.
- Конев И.С.* Записки командующего фронтом. – М.: Голос, 2000. – 527 с.: ил.
- Кузнецов Н.* Крутые повороты: Неопубликованные воспоминания // *Свободная мысль*. – М., 2006. – № 5. – С. 158–166.
- Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства: Встречи, беседы, интервью, док. – Смоленск: Русич, 2001. – 520 с.: ил.
- Реформатский И.А.* В сорок первом, в сорок памятном году... // *Воин России*. – М., 2002. – № 2. – С. 112–117.
- Речкалов Г.А.* Пылающее небо 1941-го. – М.: Эксмо: Яуза, 2008. – 473 с.: ил.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. – М.: Голос, 2000. – 479 с.: ил.
- Руденко С.И.* Крылья победы. – М.: Патриот, 2004. – 478 с.: ил.
- Сандалов Л.М.* 1941. На московском направлении. – М.: Вече, 2010. – 569 с.: ил.
- Старинов И.Г.* Супердиверсант Сталина: Мины ждут своего часа. – М.: Яуза, 2004. – 381 с.: ил.
- Судоплатов П.А.* Победа в тайной войне, 1941–1945 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 543 с.: ил.
- Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии, 1941 год. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 382 с.: ил.
- Судоплатов П.А.* Спецоперации: Лубянка и Кремль, 1930–1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 700 с.: ил.
- Шахурин А.И.* Сокрушение люфтваффе: Воспоминания наркома авиапромышленности. – М.: ЭОН, 2004. – 335 с.: ил.

III. Литература

- 1941: Забытые победы Красной Армии / Ред.-сост.: Гончаров В. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 381 с.: ил.
- Абатуров В.В.* 1941: На Западном направлении. – М.: Эксмо, 2007. – 446 с.: ил.

- Антипин Л.Н. Деятельность государственных органов и общественных организаций по воспитанию личного состава Красной Армии в межвоенный период, (1921 – июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001. – 382 с.
- Арцыбашев В.А. Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 274 с.
- Арцыбашев В.А. Образ начального периода войны в представлениях командного состава Красной Армии в 1931–1941 гг. – М.: Ипполитов, 2004. – 71 с.
- Ащеулов О.Е. Советская артиллерия в Московской оборонительной операции 1941 года // *Военно-исторический журнал*. – М., 2006. – № 9. – С. 18–22.
- Барановский В.Д. Победа в битве за Москву, 1941–1942. – М.: Голден Би, 2009. – 383 с.: ил.
- Басюк И.А. Генерал армии Д. Г. Павлов и трагедия июня 1941 г. // *Вопросы истории*. – М., 2010. – № 5. – С. 41–51.
- Безыменский Л.А. Битва за Москву: провал операции «Тайфун». – М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 382 с.: ил.
- Безыменский Л.А. Сталин и Гитлер перед схваткой. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 478 с.
- Безыменский Л.А. О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // *Новая и новейшая история*. – М., 2000. – № 3. – С. 58–67.
- Безыменский Л.А. Укрощение «Тайфуна». – Смоленск: Русич, 2001. – 396 с.: ил.
- Бешанов В.В. Брестская крепость. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 350 с.: ил.
- Бобылев П.Н. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // *Отечественная история*. – М., 2000. – № 1. – С. 41–64.
- Быков К. Величайшая военная катастрофа: Киевский «котел». – М.: Эксмо, 2008. – 495 с.: ил.
- Васильев А.Ф. Был ли в 1941 г. Советский Союз готов к войне? // *Вопросы истории*. – М., 2005. – № 1. – С. 105–110.
- Вилинов М.А. Тыл Западного фронта в битве под Москвой // *Военно-исторический журнал*. – М., 2007. – № 4. – С. 18–21.
- Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года: Документальные очерки. – М.: Наука, 2001. – 230 с.
- Вишнёв О. Речь Сталина 5 мая 1941 года // *Молодая гвардия*. – М., 2001. – № 5–6. – С. 104–124.
- Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. Чубарьян А.О., Городецкий Г. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
- Волков В.К. Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина, (весна-лето 1941 г.) // *Вопросы истории*. – М., 2003. – № 6. – С. 31–58.
- Воробьев В.П. Моряки хорошо воевали под Москвой // *Военно-исторический архив*. – М., 2009. – № 10. – С. 38–51.

- Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте. – М.: ИНСАН, 2010. – 895 с.: ил.
- Герасимов Г.И. Деятельность высших военных коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии, (1921 – июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001. – 489 с.
- Гланц Д. Восставшие из пепла: Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 543 с.
- Гланц Д.М. Советское военное чудо, 1941–1943: Возрождение Красной Армии. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 639 с.
- Голубев А.В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. – М.: Кучково поле, 2008. – 384 с.
- Гребенюк А.В. «Ворошиловский залп»: Становление структуры наступательных вооружений Рабоче-крестьянской Красной Армии в 1925–1941 годах. – М.: Русский мир, 2007. – 343 с.: ил.
- Гуров А.А. Боевые действия советских войск на юго-западном направлении в начальном периоде войны // *Военно-исторический архив*. – М., 2006. – № 9. – С. 38–50.
- Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940–1941 годах. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 831 с.: ил.
- Дроздов Ф.Б. Общественные настроения Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны, (июнь 1941– апрель 1942 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2004. – 205 с.: ил.
- Зубков Р.А. «Истребителями, не считаясь ни с какими потерями, буду вас прикрывать»: Противовоздушная оборона сил Балтийского флота при их прорыве из Таллина в Кронштадт в августе 1941 года // *Военно-исторический журнал*. – М., 2004. – № 5. – С. 32–41.
- Иринархов Р.С. Красная Армия в 1941 году. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 555 с.: ил.
- Исаев А.В. Дубно 1941: Величайшее танковое сражение Второй мировой. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 191 с.: ил.
- Исаев А.В. «Котлы» 1941-го: история Великой Отечественной войны, которую мы не знали. – М.: Яуза: Эксмо, 2007. – 396 с.: ил.
- Исаев А.В. От Дубно до Ростова. – М.: Транзиткнига, 2004. – 711 с.: ил.
- Исаев А.В. Пять кругов ада: Красная Армия в «котлах». – М.: Эксмо, 2008. – 396 с.: ил.
- Карпов В.А. Опыт подготовки и ведения боевых действий авиации в ходе оборонительных операций фронтов в летне-осенней кампании 1941 г.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 266 с.
- Киличенков А.А. СССР в 1939–1941 гг. // *Новый исторический вестник*. – М., 2005. – № 1. – С. 250–274; № 2. – С. 228–275.

- Киторага Т.Г. Народное ополчение Москвы 1941 г.: история создания // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. – М., 2005. – № 5. – С. 36–53.
- Кожаев Ю.П. Внешняя политика Советского государства, 1939–1941 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2001. – 440 с.
- Короленков А.В. Накануне: продолжение дискуссии о событиях предвоенной поры // *Отечественная история*. – М., 2004. – № 3. – С. 169–176.
- Кочик В.Я. Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в предвоенный период, (1936–1941): Структура, кадры, направления работы, операции // *Военно-исторический архив*. – М., 2001. – № 1. – С. 108–132; № 4. – С. 61–81.
- Кузнецов Ю.А. Рихард Зорге и битва под Москвой // *Военно-исторический журнал*. – М., 2010. – № 2. – С. 50–57.
- Куманев Г.А. Подвиг и подлог: Страницы истории Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. – М.: Русское слово, 2007. – 343 с.: ил.
- Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества, (1938–1945 гг.). – М.: Собрание, 2007. – 654 с.: ил.
- Курмышов В.М. Решение проблемы базирования Балтийского флота накануне войны: (Развертывание военно-морских баз в Прибалтике, конец 1939–1941 гг.) // *Военно-исторический архив*. – М., 2004. – № 2. – С. 115–135.
- Лавров В.С. Что скрывалось за приглашением В. М. Молотова осенью 1940 года в Берлин и полетом Р. Гесса в мае 1941 года в Англию // *Новая и новейшая история*. – М., 2005. – № 1. – С. 3–25.
- Лопуховский Л. 1941. Вяземская катастрофа. – 2-е изд., перераб. и испр. – М.: Эксмо, 2008. – 639 с.: ил.
- Лопуховский Л.Н. История 120-го ГАП б/м РКК и не только: Артиллерия РКК накануне и в первые дни войны // *Военно-исторический архив*. – М., 2008. – № 3. – С. 144–161.
- Лота В. «Альта» против «Барбароссы». – М.: Молодая гвардия, 2004. – 471 с.: ил.
- Лота В. Секретный фронт Генерального штаба: Книга о военной разведке, 1940–1942. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 539 с.: ил.
- Лошков Д.Б. Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны: (1939 – июнь 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 180 с.
- Лошков Д.Б. Система подготовки и совершенствования профессионального уровня командных кадров РККА в преддверии войны / Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2003. – 51 с.
- Максимов И.В. Оборонительные бои Красной Армии на юго-западных подступах к Москве в октябре – декабре 1941 года: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2001. – 242 с.: ил.
- Медведев Р.А. И. В. Сталин в первые дни Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история*. – М., 2002. – № 2. – С. 118–136.
- Медведев Р.А. И. В. Сталин в первые дни войны // *Военно-исторический журнал*. – М., 2002. – № 5. – С. 38–45; № 6. – С. 4–9.

- Мельников В.М. Боевые действия 16 армии у поселка Крюково в ноябре – декабре 1941 г. // *Военно-исторический архив*. – М., 2006. – № 2. – С. 12–34; № 3. – С. 11–28.
- Мельников В.М. Боевые действия войск 38-й армии в районе Харькова в конце октября 1941 года // *Военно-исторический архив*. – М., 2008. – № 11. – С. 98–119.
- Мельтюхов М.И. Проблема периодизации истории второй мировой войны // *Вопросы истории*. – М., 2003. – № 1. – С. 154–163.
- Мельтюхов М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современной российской историографии // *Историография сталинизма* / Под ред. Симония Н.А. – М., 2007. – С. 227–245.
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина: Схватка за Европу, 1939–1941 гг.: (Документы, факты, суждения). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Вече, 2008. – 539 с.: ил.
- Миренков А.И. Военно-экономический фактор в Битве под Москвой // *Военно-исторический журнал*. – М., 2006. – № 5. – С. 8–14.
- Мухин М.Ю. Советская авиапромышленность накануне Великой Отечественной войны // *Отечественная история*. – М., 2003. – № 3. – С. 113–123.
- Мягков М.Ю. Битва под Москвой: от обороны к контрнаступлению // *Новая и новейшая история*. – М., 2010. – № 3. – С. 22–61.
- Мягков М.Ю. СССР, США и проблема Прибалтики в 1941–1945 годах // *Новая и новейшая история*. – М., 2005. – № 1. – С. 50–59.
- Нагорский Э. 1941. Великая битва под Москвой: Поворотный пункт Второй мировой войны / Пер. с англ. – М.: Эксмо, 2009. – 318 с.
- Наливкин Л.А. Авиация Краснознаменного Балтийского флота в летне-осенней кампании 1941 года: Дис. ... канд. ист. наук. – СПб, 2007. – 333 с.: ил.
- Наливкин Л.А. Участие дальнебомбардировочной авиации РККА в налетах 1941 г. на Берлин // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. – СПб., 2006. – Вып. 4. – С. 169–176.
- Начало Великой Отечественной войны: мифы и реальность: Сб. научных докладов / Ред. Гареев М.А. – Уфа: Восточный университет, 2001. – 143 с.
- Невежин В.А. Большие кремлевские приемы Сталина, (1930-е – начало 1940-х гг.) // *Отечественная история*. – М., 2005. – № 3. – С. 56–70; № 4. – С. 123–129.
- Невежин В. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. – М.: Эксмо, 2007. – 317 с.
- Невежин В.А. Москва, Кремль, 5 мая 1941 года: За 1465 дней до Великой Победы // *Военно-исторический журнал*. – М., 2001. – № 5. – С. 62–69.
- Невежин В.А. Оценка Сталиным Германии как потенциального противника накануне 22 июня 1941 года // *Россия и мир глазами друг друга*. – М., 2002. – Вып. 2. – С. 101–111.
- Орлов А.С. Роковой 41-й: готовил ли Советский Союз нападение на Германию? // *Россия XXI*. – М., 2001. – № 3. – С. 70–95.

- Орлов А.С. Сталин: в преддверии войны. – М.: Алгоритм, 2003. – 415 с.: ил.
- Петров Б. Н. Боевые действия 11-й армии Северо-Западного фронта в начальном периоде войны // *Военно-исторический архив*. – М., 2006. – № 4. – С. 13–29.
- Петров И.И. 1941. Пограничники в бою. – М.: Яуза: Эксмо, 2008. – 415 с.: ил.
- Петров С. Д. Сольцы: 14–18 июля 1941-го... // *Военно-исторический архив*. – М., 2009. – № 8. – С. 42–55.
- Печенкин А.А. Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны: Дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2003. – 662 с.
- Пилишвили Г.Д. Взаимодействие войск Брянского фронта и частей народного ополчения в обороне города Курска в 1941 г. // *Военно-исторический архив*. – М., 2010. – № 3. – С. 153–166; № 4. – С. 21–34.
- Рунов В. А. 1941. Первая кровь. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 511 с.: ил.
- Сафразьян А.Л. Идеология и внешняя политика СССР, 1939–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2008. – 235 с.
- Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. – М.: SVN, 2003–2005. – Т. 1: Подготовка Германии и СССР к войне. – 2003. – 444 с.: ил.; Т. 2: Приграничные сражения. – 2005. – 575 с.: ил.
- Семидетко В. А. Оборонительная операция войск Западного фронта в Белоруссии в 1941 году // *Военная мысль*. – М., 2005. – № 7. – С. 57–74.
- Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933–1941: расчеты и просчеты Кремля // *Отечественная история*. – М., 2005. – № 1. – С. 98–119.
- Соколов В. В преддверии Великой Отечественной // *Международная жизнь*. – М., 2005. – № 3/4. – С. 178–188.
- СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост. С. З. Случ. – М.: Наука, 2007. – 486 с.
- Сяков Ю.А. Первая Синявинская наступательная операция, (сентябрь 1941 г.) // *Вопросы истории*. – М., 2007. – № 3. – С. 121–134.
- Хазанов Д. Б. 1941. Горькие уроки: Война в воздухе. – М.: Яуза: Эксмо, 2006. – 415 с.: ил.
- Хазанов Д.Б. Битва за небо, 1941: От Днепра до Финского залива. – М.: Эксмо, 2007. – 415 с.: ил.
- Хазанов Д.Б. Борьба за господство в воздухе. – М.: Эксмо, 2008. – 607 с.: ил.
- Хохлов Е.В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2005. – 281 с.
- Чернышев А. А. 1941 год на Балтике: подвиг и трагедия. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 382 с.: ил.
- Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: Сентябрь 1939 – июнь 1941 г. – М.: Наука, 2008. – 476 с.
- Åzelius G. The rise and fall of Soviet Navy in the Baltic, 1921–1941. – L.: Frank Cass, 2005. – 266 p.: ill.

- Bellamy Chr.* Absolute war: Sov. Russia in the Second World War: A mod. history. – L. etc.: Macmillan, 2007. – XXIX, 813 p.: ill.
- Braithwaite R.* Moscow 1941: a city and its people at war. – L.: Profile Books, 2007. – 446 p.
- Broekmeyer M.* Stalin, the Russians, and their war, 1941–1945. – Madison (Wis.); L.: Univ. of Wisconsin press, 2004. – XVI, 315 p.
- Brookes A.* Air war over Russia. – Hersham (Surrey): Allan, 2003. – 160 p.: ill.
- Erickson J.* The Soviet high command: A military-political history, 1918–1941. – 3d ed. – L.; Portland (Or.): Frank Cass, 2001. – XXXVI, 889 p.: ill.
- Glantz D.M.* Barbarossa: Hitler's invasion of Russia, 1941. – Stroud (Gloucestershire); Charleston (South Carolina): Tempus publishing, 2001. – 256 p.: ill.
- Glantz D.M.* Colossus reborn: the Red Army at war, 1941–1943. – Lawrence (Kansas): Univ. press of Kansas, 2005. – XX, 807 p.: ill.
- Harris J.* Encircled by enemies: Stalin's perceptions of the capitalist world, 1918–1941 // *Journal of strategic studies*. – L., 2007. – Vol. 30, № 3. – P. 513–545.
- Harrison M.* Soviet planning in peace and war, 1938–1945. – Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2002. – XIV, 315 p.: ill.
- Hartmann Ch.* Wehrmacht im Ostkrieg: Front und militärisches Hinterland 1941/42. – München: R. Oldenbourg Verlag, 2009. – 928 S.: Ill.
- Hoyt E.P.* Stalin's war: tragedy and triumph, 1941–1945. – N. Y.: Cooper Square press, 2003. – VIII, 292 p.: ill.
- Lukacs J.* June 1941: Hitler and Stalin. – New Haven; L.: Gale univ., 2006. – 169 p.
- Mawdsley E.* Thunder in the East: The Nazi-Soviet war, 1941–1945. – L.: Hodder, 2007. – XXIV, 502 p.
- Megargee G.P.* War of annihilation: combat and genocide on the Eastern Front, 1941. – Lanham (Maryland) etc.: Rowman & Littlefield, 2006. – XVI, 177 p.: ill.
- Murphy D.E.* What Stalin knew: the enigma of Barbarossa. – New Haven; L.: Yale univ. press, 2005. – XXIV, 310 p.: ill.
- Pons S.* Stalin and the inevitable war, 1936–1941. – L.; Portland (Or.): Frank Cass, 2002. – XVI, 240 p.
- Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf Sowjetunion / Hrsg. von Pietrow-Ennker B. – Frankfurt a./M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2000. – 218 S.
- Ragsdale H.* The Soviets, the Munich crisis, and the coming of World War II. – Cambridge; N. Y.: Cambridge univ. press, 2004. – XXII, 212 p.: ill.
- Rieber A.J.* Stalin as foreign policy-maker: avoiding war, 1927–1953 // *Stalin: a new history* / Ed. by S. Davies, J. Harris. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – P. 140–158.
- Roberts G.* Stalin's wars: from World War to Cold War, 1939–1953. – New Haven (Conn.); L.: Yale univ. press, 2006. – XXII, 468 p.: ill.
- Russia in the age of wars, 1914–1945 / Ed. by Pons S., Romano A. – Milano: Feltrinelli, 2000. – XXVIII, 322 p.

- Seaton A.* The battle for Moscow. – Edison (N. J.): Castle Books, 2001. – X, 294 p.: ill.
- Short N.* The Stalin and Molotov lines: Soviet western defences, 1928–1941. – Oxford; N. Y.: Osprey publishing, 2008. – 64 p.: ill.
- Ziemke E.F.* The Red Army, 1918–1941: From vanguard of world revolution to US ally. – L.; N. Y.: Cass, 2004. – 355 p.
- Zwischen Tradition und Revolution: Determinanten und Strukturen sowjetischer Außenpolitik, 1917–1941* / Hrsg. von Thomas L., Knoll V. – Stuttgart: Steiner, 2000. – 441 S.

IV. Справочные издания

- Красная Армия в июне 1941 года: Статистический сборник / Калашников К.А., Феськов В.И., Чмыхало А.Ю., Голиков В.И. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 204 с.
- На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным, (1924–1953 гг.): Справочник / Науч. ред. Чернобаев А.А.; Авт.-сост. Коротков А.В. и др. – М.: Новый хронограф, 2008. – 783 с.
- Перечни наименований объединений, соединений и формирований Вооруженных Сил, народного ополчения, гражданских ведомств СССР и иностранных формирований, участвовавших в Великой Отечественной и Советско-японской войнах, 1941–1945 гг.: Справочник. – М., 2005. – 261 с.
- Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации, 1917–1962. – М.: Международные отношения, 2002. – 416 с.
- Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б), 1917–1991: Историко-биографический справочник / Авт.-сост. Горячев Ю. В. – М.: Парад, 2005. – 496 с.

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Компьютерная верстка О.В. Егорова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 27/II – 2011 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 10,0 Уч.-изд. л. 9,4
Тираж 300 экз. Заказ № 22

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/Факс (499) 120-45-14
E-mail: market@INION.ru**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9